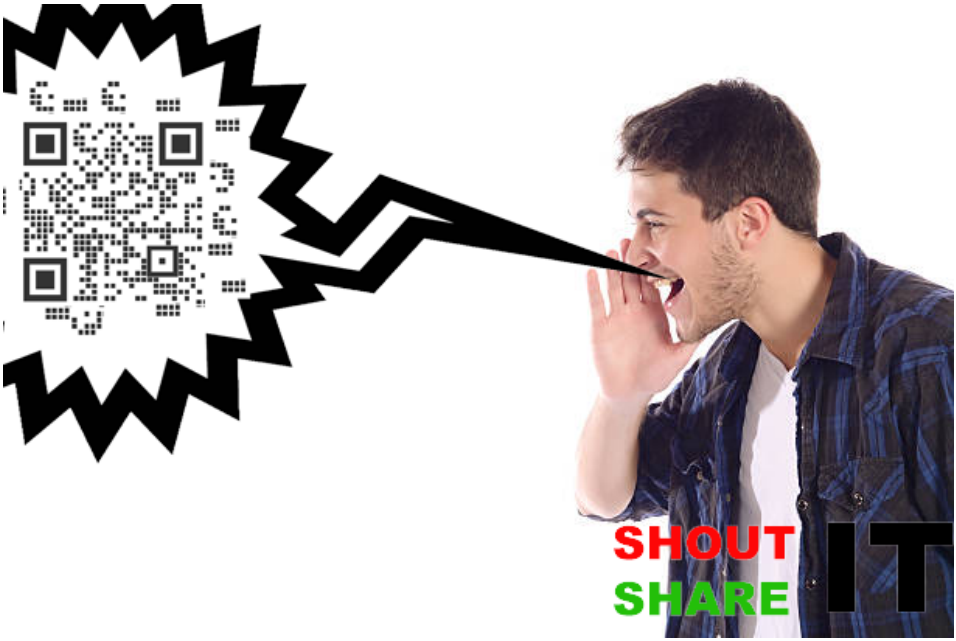
Елена Егорова

Наш влюблённый Пушкин

Поэмы
Очерки


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Новая книга члена Союза писателей России Елены Николаевны Егоровой адресована детям от 9 лет и взрослым. Документальные поэмы о любви А.С. Пушкина к трём прекрасным женщинам – Анне Керн, Анне Олениной и Наталье Гончаровой – не просто увлекательное повествование, погружающее юных и зрелых читателей в иную эпоху – первую треть XIX века, в мир нежных чувств и связанных с ними переживаний великого поэта и его вдохновительниц. Пушкин, грустный и весёлый, вдохновлённый любовью и страдающий, несчастный и счастливый, становится ближе и понятнее современному человеку. Углубить представление о жизни и творчестве первого поэта России и его любимых женщин помогут научно – популярные очерки, опубликованные в разделе «Три возлюбленных Пушкина».

Поэмы проиллюстрированы юными художниками из разных регионов России, победителей и лауреатов Всероссийского открытого конкурса «Наш влюблённый Пушкин», проведённого в 2012 году литературным объединением «Угреша», Благотворительным фондом «Наш город», Государственным литературно – мемориальным и природным музеем – заповедником А.С. Пушкина «Болдино» при поддержке администрации г. Дзержинского Московской области. Очерки проиллюстрированы изображениями XIX века и авторскими фотографиями Е.Н. Егоровой.

- Елена Николаевна Егорова
  - ○
  - ○ Документальные поэмы
    - ■ Александр Пушкин и Анна Керн
      - ■ I
      - ■ II
    - ■ Анна Оленина и Александр Пушкин
      - ■ I
      - ■ II
      - ■ III
      - ■ IV
      - ■ V
      - ■ VI
      - ■ VII
      - ■ VIII
    - ■ Мадонна Пушкина

- Встреча на Рождество
- 1
- 2
- 3
- Письмо Мадонне
- 21 августа 1833 года
- Молитва Натали
- 1
- 2

- Три возлюбленных Пушкина
  - «И жизнь, и слёзы, и любовь»
    -
    - Первая встреча Анны Керн с Пушкиным в доме Олениных
    - Обитатели Тригорского
    - Вторая встреча с Пушкиным в Тригорском
    - Образ «гения чистой красоты»
    - «Ангел любви» или «вавилонская блудница»?
    - «Нам всегда хорошо, потому что в нас много любви»
  - «Я вас любил так искренно, так нежно…»
    -
    - Юный Пушкин в салоне Олениных
    - «И мыслю: как тебя люблю!»
    - «Может быть, ещё спасённый, снова пристань я найду…»
    - «Я вас любил безмолвно, безнадежно…»
    - «Она с рукой рассудок отдала…»
  - «Моя Мадонна»
    -
    - Рождение и раннее детство
    - Трудное отрочество в родительском доме
    - Встреча с Пушкиным и свадьба
    - Счастливые годы замужества
    - Роковая дуэль
    - После смерти Пушкина
- Словарь терминов, устаревших и редких слов
- Упоминаемые исторические лица
- Упоминаемые географические названия
- Основная библиография
- Всероссийский конкурс юных художников «Наш влюблённый Пушкин»
- Юные авторы иллюстраций

Елена Николаевна Егорова
Наш влюблённый Пушкин

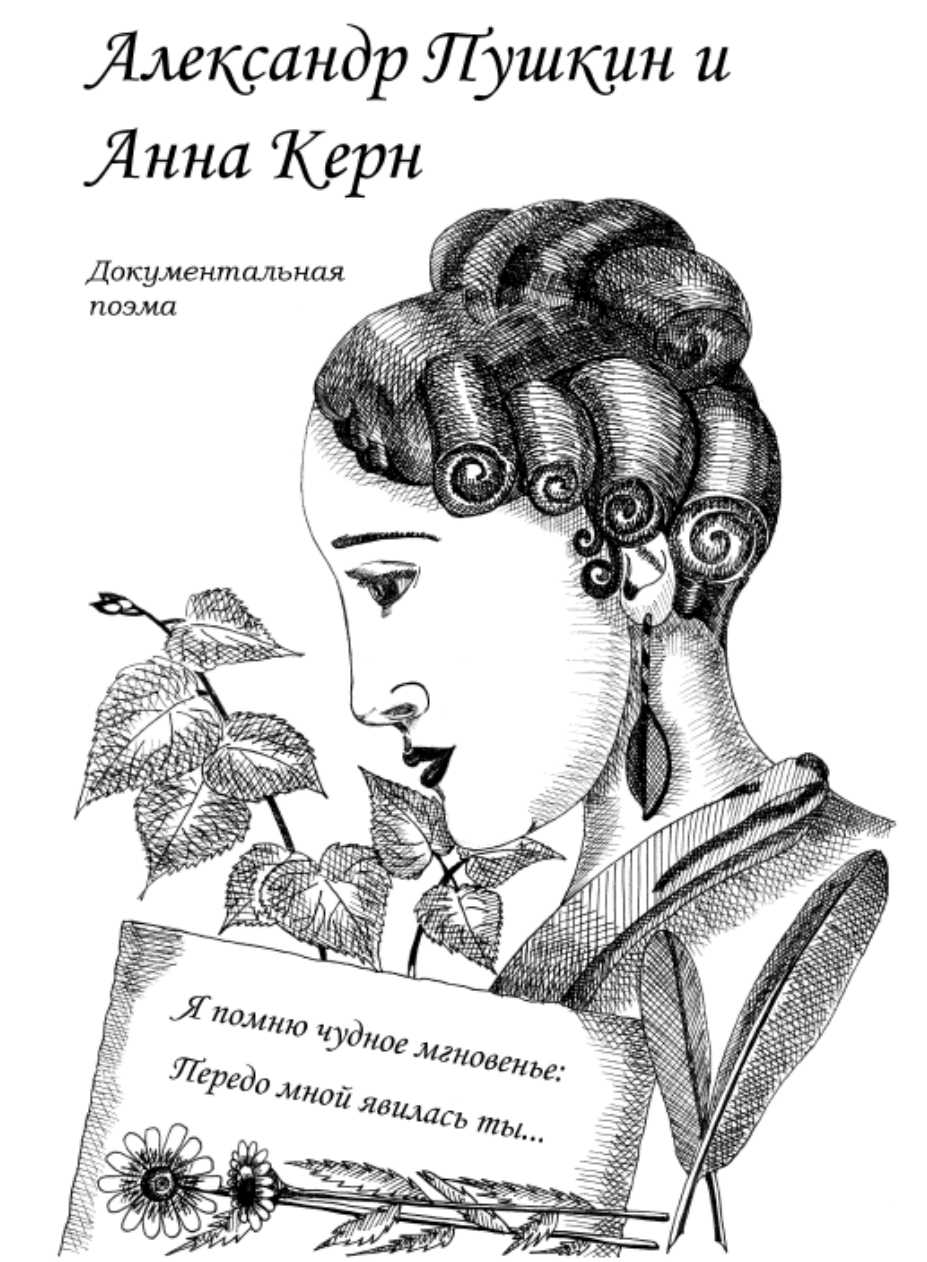
Москва – Большое Болдино 2012

Издание осуществлено в рамках благотворительного проекта «Наш влюблённый Пушкин».

Попечители проекта: БФ «Наш город», Конюшевский А.В. (ЗАО «Фора»), Жук В.П. (ООО «Торговый двор»), Чичин С.Л. (ООО «Серверк»), Агили А.А. (ООО «Сокол на Угрешской»), Зимин А.В. (ООО «Спецтехсервис»), Лебедев Ю.А. (ООО «Неон»), Карпинский О.Ю. (ООО «Канпро»), Романов А.С. (ООО «Инфосервис»), Ерастов Г.И. (ООО «Торговый Дом «Нефтьмагистраль»), Шувалов И.Е. (НП ЦСКП «Северо – Запад»), Макаров В.Л., Варшавский А.Е., Перминов С.Б., Житков В.А., Береза Т.Н., Тютюрюков В.Н., Егорова Е.Б., Филатова И.В., Филатова П.С., Филина И.В., Смоляк С.А., Мацура И.В.

Документальные поэмы

Александр Пушкин и Анна Керн

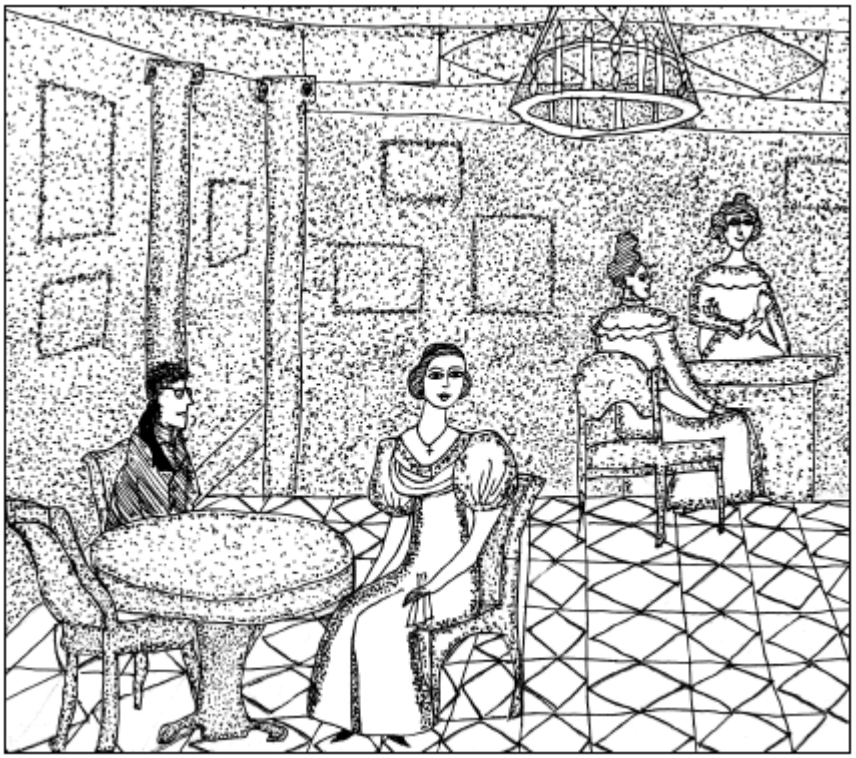


I
1819 год

Студёный петербургский вечер.
Под фонарями снег блестит.
Гуляя по каналам, ветер
То завывает, то свистит.
Из тёмной выси небосклона
Заиндевелая луна
На мир взирает отрешённо,
Своими мыслями полна.

Скрипит колёсами карета,
К Фонтанке сделав поворот,
В салон Олениных поэта,
Младого Пушкина, везёт.
Литературный цвет столицы
Туда съезжается порой
Новинками пера делиться,
Развлечься модною игрой
В провербы, фанты и шарады.
Карета въехала во двор.
В знакомом доме гостю рады:
Он здесь любим с лицейских пор.

Снимая боливар широкий,
В уютный зал идёт поэт,
Кудрявый, стройный, невысокий,
В моднейший чёрный фрак одет.
Гостиную окинув взглядом,
К приятелю садится он.
В разгаре фанты и шарады,
Но Пушкин пылко увлечён



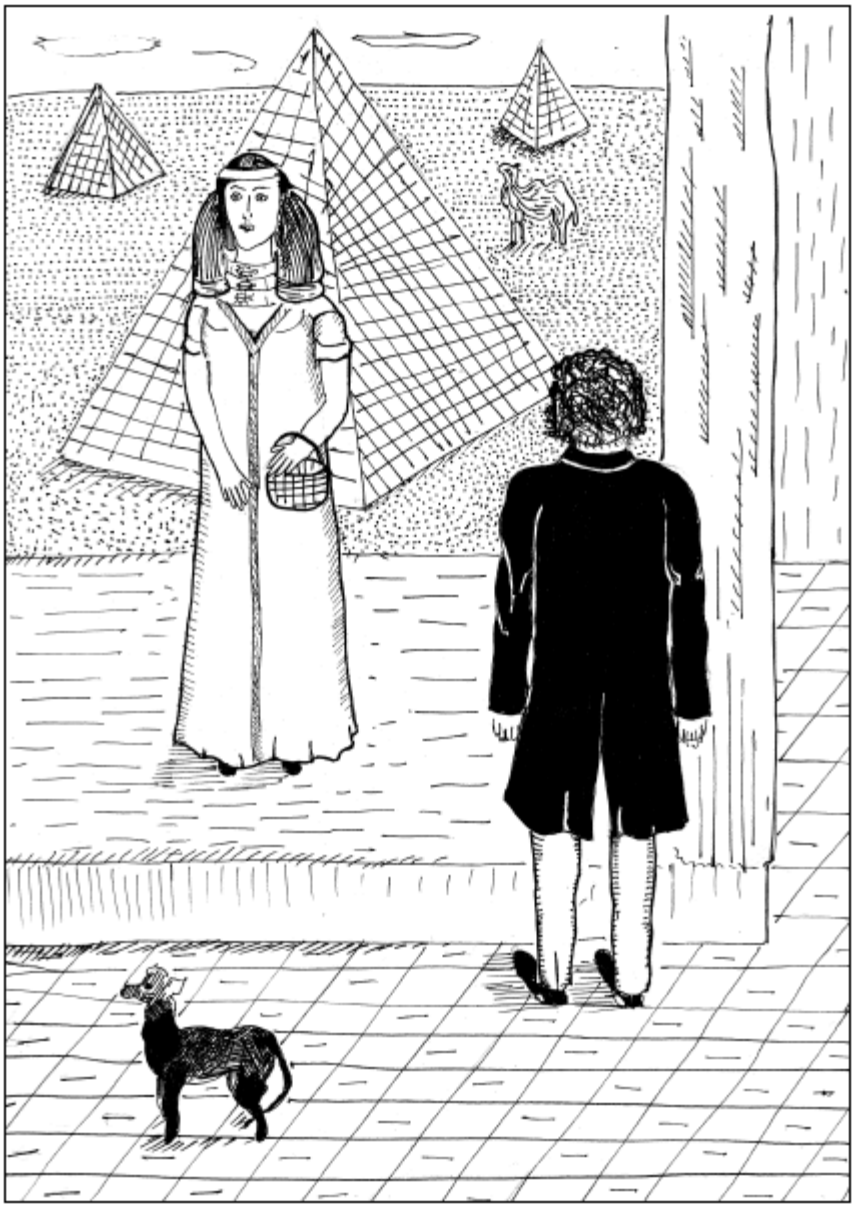
Прекрасной юной незнакомкой,
Пленившей нежной чистотой.
На грациозной шее тонкой
У дамы крестик золотой.
Большие бархатные очи
Блистают, взор к себе маня.
Таится в них загадка ночи
И свет безоблачного дня.

Она, его не замечая,
Сидит у дальнего стола,
Где басню ей Крылов читает
Про слишком честного осла.
Весьма комично выраженье
Его добрейшего лица.
Она внимает с увлеченьем,
И до вертлявого юнца
Ей дела нет. На фраке лацкан
В раздумье Пушкин теребит.
«Послушай, друг мой Полторацкий, —
Соседу тихо говорит, —
Та незнакомка у камина

Прелестней Леды. Кто она?»
«Анета Керн, моя кузина
И генеральская жена.
Недавно с пожилым супругом
Она в столицу прибыла
И с радостью часы досуга,
Пока он ходит по делам, —
Приятель говорит поэту, —
Проводит здесь моя сестра,
У тётушки Елизаветы».
«Черты, достойные пера», —
Вздыхает Пушкин, с интересом
Следя глазами за игрой
Анеты милой: в краткой пьесе
Ей Клеопатры дали роль.

Идёт последняя картина:
В очаровательных руках
Она несёт цветов корзину,
Изображая смерть в глазах.
Подходит он небрежно к сцене,
Взглянув в корзину, молвит ей,
Указывая на кузена:
«А он, конечно, будет змей?»

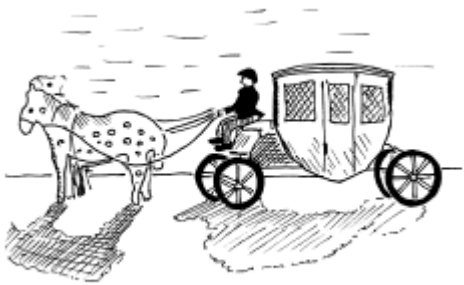
Считая, что намёк нескромен,
Анета молча отошла.
Подали вскоре ужин в доме.
Усевшись близ её стола,
Он комплимент ей молвит лестный,
Слегка откинувшись назад:
«Как можно быть такой прелестной?!»
И пламенный бросает взгляд
На профиль девственно красивый,
На светлый локон на виске…
Заходит разговор шутливый
О рае, аде и грехе.
«Есть много женщин в безднах ада,
Весьма хорошеньких на вид.
Там можно поиграть в шарады», —
Лукаво Пушкин говорит.



«Спроси у Керн, – толкает друга, —
Не хочет ли она туда».
Но Анна отвечает сухо,
Что не желает никогда.
Приятель хитро вопрошает:
«Ну как же, Пушкин, ты теперь?»
Поэт мгновенно отвечает:
«Я передумал и, поверь,
Не жажду в ад, где дам немало,

На вид хорошеньких притом…»

Окончен ужин запоздалый,
Все гости покидают дом.
С кузеном Анна уезжает,
И Пушкин, стоя у дверей,
Их долгим взглядом провожает.
«Зачем не я в карете с ней», —
Он думает, воображая,
Что друг остался у ворот,
А он, от наслажденья тая,
Домой красавицу везёт…



II
1825 год

В июне псковские просторы
Пленяют мирной красотой:
Холмов лесистых косогоры

Покрыты мягкою травой.
Меж ними Сороть лентой вьётся,
И голубеет гладь озёр
В лучах ласкающего солнца.
Шумит листвой дубовый бор,
Видны крестьянские избушки,
Тропинки узкой поворот…

Любуясь сельским видом, Пушкин
Пешком в Тригорское идёт,
Одетый без претензий просто,
С железной палкою в руках.
Два пса его в посевах проса
Пугают лаем мелких птах.
От веток сосен у развилки
Играют тени на лице
Поэта. Скоро год, как в ссылке
В Михайловском, своём сельце,
Живёт он, коротая время
Вдали от шумных городов,
Надзора забывая бремя
Средь поэтических трудов.
Он скрашивает быт унылый
Визитами в уютный дом
Прасковьи Осиповой милой…
И вот он виден за прудом,

Роскошным садом окружённый.
Меж сочной зелени ветвей
Белеют весело колонны.
Подходит Пушкин. У дверей
Оставив двух собак пушистых,
Идёт в столовую поэт
По анфиладе комнат чистых.

Недавно подали обед.
Вокруг Прасковьи молодые
Уселись дочери гурьбой:
Алина, Анна, Евпраксия —
Одна прелестнее другой.
Но он не внемлет оживлённой
Беседе остроумных дев
И взор бросает изумлённый
На гостью, сразу оробев:

Пред ним забытый и желанный
Прекрасный облик, милый взгляд
Той самой несравненной Анны,
Что встретил он шесть лет назад.

Поэт осведомлён, конечно,
Что репутация уж год,
Как у неё не безупречна
Из – за того, что не живёт
Со старым взбалмошным супругом.
Она прошедшею зимой
С Родзянкою, сердечным другом,
Сошлась и вместе с ним письмо
Прислала ссыльному поэту,
В восторге от его стихов.
Но видит Пушкин, что при этом
На Анне нет следа грехов,

И кажется, как прежде, чистой
Её небесная краса,
Лишь затаилась грусть в лучистых
Огромных ласковых глазах.
Хозяйка, сидя с нею близко,
Тотчас представила его.
Он Анне кланяется низко,
Не говоря ей ничего.
В его улыбке и движеньях
Нежданно скованность видна.
Красавица молчит в смущенье:

Давно желала и она
С поэтом знаменитым встречи,
Кумиром страждущей души.
И час настал, но в первый вечер
В далёкой от столиц глуши
У них не ладится беседа.
Минуты медленно текут.
По окончании обеда
Его в гостиную зовут.

Алина, сев за фортепьяно,

Играет вальс и менуэт.
Поёт романс любимый Анна
Под нежный аккомпанемент,
Сначала исполняя соло,
Потом с кузиною дуэт.
И звуки дивной баркаролы
С волненьем слушает поэт…

Гостя в Тригорском, Пушкин часто
То дерзок с ней, то, молчалив,
Сидит в сторонке безучастно,
То шумно весел, и игрив,
И остроумен, и любезен,
Вдруг тешит байкою друзей,
То скучен и неинтересен.
Не сразу подружившись с ней,
Ревнует он: за милой Анной
Ухаживает не один —
И Рокотов, помещик странный,
И Лёша Вульф, хозяйки сын.

То в парке все они гуляют
И в обществе её кузин
Танцуют вальсы на поляне,
То Пушкин бродит с ней один,
У Сороти любуясь ивой,
Листы купающей в струях,
И елью, царственно красивой,
Берёзой с «креслом» в двух стволах.
Красавице поэт влюблённый
Показывает чудный вид,
Где старый дуб уединённый
Могучим витязем стоит.

Однажды вечером для Анны,
Взяв в руки чёрную тетрадь,
Поэму новую «Цыганы»
Он начинает вслух читать.
Ему, как некогда Крылову,
Она внимает чуть дыша:
От поэтического слова
Блаженствует её душа.
А голос Пушкина певучий
Звучит, как сладостный поток,
Передавая строй текучий
Поэмы гениальных строк…

Совсем немного после чтенья
Проходит незабвенных дней.
Расстаться наступает время:
Вернуться в Ригу нужно ей
Мириться с нелюбимым мужем.
Уже кончается визит
Поэта на прощальный ужин.
У Пушкина печальный вид.

Азямова Александра, 14 лет
Пушкин в салоне Олениных

Прокопович Владислав, 11 лет
Анна Керн

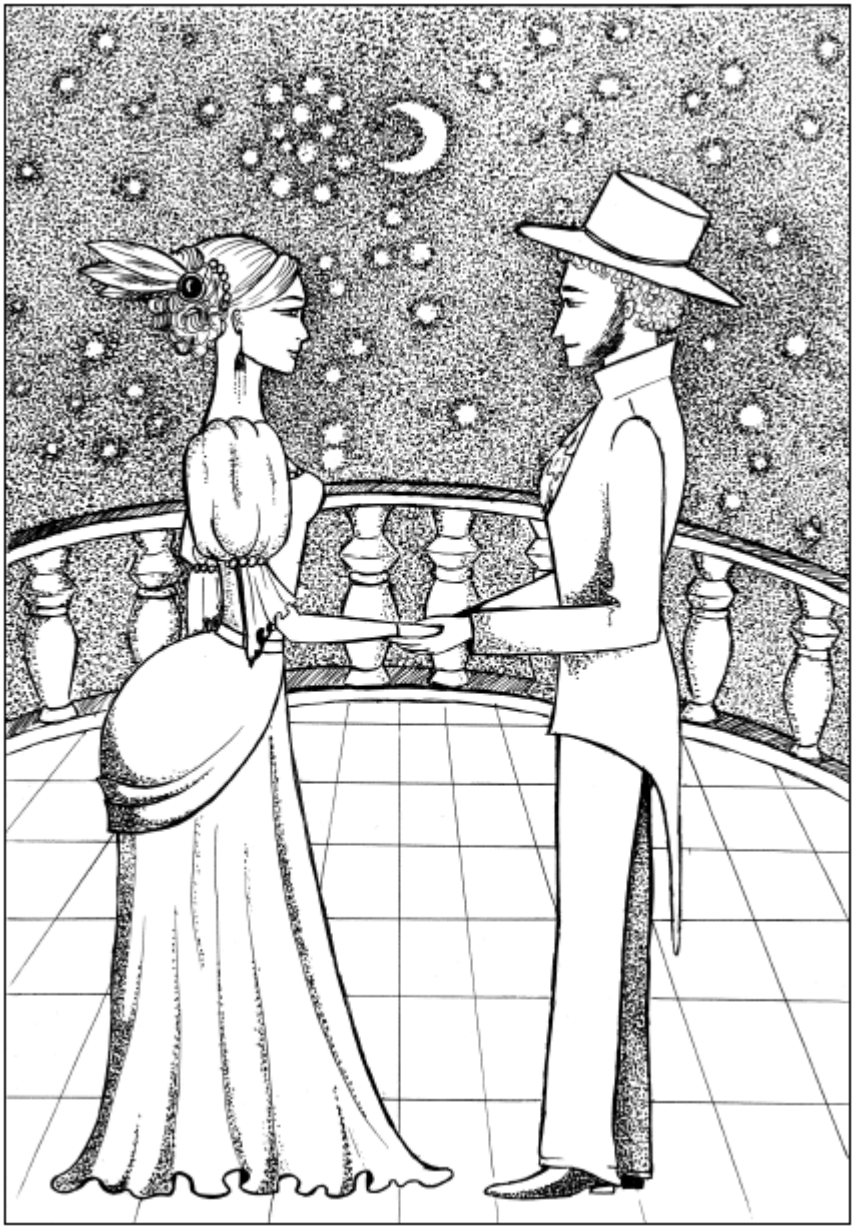
Кошелева Александра, 14 лет
Пушкин читает поэму «Цыганы»

Комарова Софья, 9 лет
Евпраксия Вульф

Тогда Прасковья предлагает
В Михайловское ехать всем.
В карету Анну он сажает,
На множество приятных тем
Беседует, с ней сидя рядом:
О красоте родных лесов,

О ночи, дышащей прохладой
И ароматами лугов.
Он вдохновенно возвещает
Луне под звоны бубенцов
Хвалу за то, что освещает
Её прекрасное лицо.

Карета к дому подъезжает.
Вокруг всё тихо и темно,
Лишь озабоченно мерцает
Сквозь листья нянино окно.



Они гуляют вместе в парке
Среди запущенных аллей,
Где ветви образуют арки,
Хитросплетения корней
Ужами вьются по дорожкам.
Поэт ей руку подаёт,
Её усталым нежным ножкам
О них споткнуться не даёт.

Они бредут по узким тропам
До пруда Чёрного вдвоем,
Он веточку гелиотропа
На память просит у неё.
Любуясь озером со склона,
Луной, посеребрившей гладь,
Как у Олениных в салоне
Когда – то Анну повстречать
Имел он счастье вспоминает
С восторгом юным без конца…
И после взглядом провожает
Карету, стоя у крыльца.

Поэт росистым утром ранним
Вновь до Тригорского идёт
И на прощанье дарит Анне
Своих трудов великих плод —
Главу бессмертного романа
На неразрезанных листах.
Найдя меж них посланье, Анна
С улыбкой милой на устах
Читает в нежном упоенье
Стихи небесной красоты:
«Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты…»

Анна Оленина и Александр Пушкин

I
Зима 1827–1828 годов

Зима. Метель в ажурной шали

Кружит по тёмной Моховой,
А в ярко освящённой зале
Елизаветы Хитрово
Шумит в безудержном веселье
Великосветский званый бал,
Где флирта лёгкого накал
Всё выше. Словно в каруселе,
Мелькают пары в модном танце.
Огнём глаза мужчин блестят,
Ланиты дам горят румянцем,
Сердца в такт музыке стучат.

Кто не танцует, обсужденьем
Последних занят новостей.
Подносит вежливый лакей
Мороженое им с почтеньем.
О чём – то шепчутся старушки.
Про них забыли. Окружён
Вниманием всеобщим Пушкин.
Из ссылки воротился он
В столицу признанным поэтом:
Сам царь простил ему грехи,
Его чудесные стихи
Оценены надменным светом.
И профиль африканских предков,
И темперамент южных мест,
И дар стихосложенья редкий —
Всё возбуждает интерес

К поэту. Пушкин очень живо
Ведёт с хозяйкой разговор,
Меж тем бросая беглый взор
На ножки барышень игриво.

Средь них две, маленькие очень,
Невольно выделил поэт.
Полёт их легок и отточен,
Они, ступивши на паркет,
Скользят уверенно, изящно
И вновь, как бабочки, летят.
Их обладательница взгляд
Пленяет внешностью блестящей:
Упруго локон светлый вьётся,
В кудрях синеет бирюза,
Задорно девушка смеётся.
Большие ясные глаза

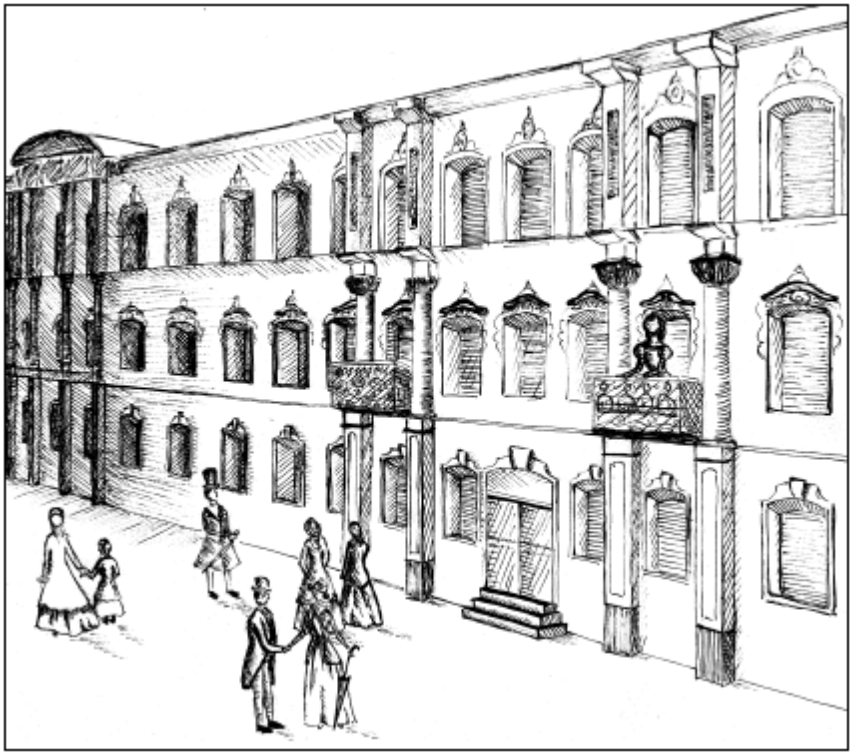
Полны таинственного света…
Аккорд последний отзвучал.
Поэт красавицу узнал:
«Ужель Оленина Анета?!
Мне помнится, она малюткой
Была смышлёной и живой».
А девушкой, к вниманью чуткой,
Замечен долгий взгляд его.

Ей, без сомненья, лестно это:
Стихами Пушкина она
Давным – давно увлечена.
И к знаменитому поэту
Идёт Оленина несмело,
Сокрыв смущение своё,
Зовёт его на танец белый.
По залу кружит он её
Пушинкой лёгкой белоснежной,
Исполнив ловко ряд фигур,
Заканчивает с нею тур
И к маменьке ведёт небрежно.
Непринуждённо с ним Анета
О бале тихо говорит:
Она небрежностью задета,
Но не показывает вид.

Её другие приглашают.
Она чарующе мила
И, словно птичка, весела.
Потом и Пушкин выбирает
На танец бойкую Анету,
Галантно девушку зовёт.
Она с улыбкою поэту
Любезно руку подаёт

И радуется этой чести,
Достоинства не уронив.
Изящной парою они
Фигуры выполняют вместе…

Проходят дни. Анетой милой
Всё больше Пушкин увлечён
И часто вдоль Невы застылой
Спешит к Олениным в салон.



Кареты мимо едут, дрожки.
Поэт идёт по мостовой,
Воображая, как порой
Здесь ходят маленькие ножки.
Хозяева к нему радушны,
Раскован он в кругу друзей
И рад взглянуть неравнодушно
В глаза Олениной своей,
Беседовать за чаем с нею,
Шумящий слушать самовар
И чувствовать, как в сердце жар
Горит сильнее и сильнее…

II
Конец апреля 1828 года

Накинув полушубок белый,
Зима, сердита и мрачна,
Руси покинула пределы.
Пришла весёлая весна

В столицу хмурую державы.
Недавно стаял хрупкий лёд.
Струи лазурные несёт
Нева, тиха и величава.
Она зеркально отражает
Могучей крепости ансамбль
И, чудится, слегка качает
Его, как сказочный корабль.
Природа солнышком согрета,
Живыми соками полна…

На вид чудесный из окна
Задумчиво глядит Анета.
Она сидит, тоской томима,
Не рада свету вешних дней.
«Я не любима… Не любима.
Не проявляет Алексей
Ко мне особого вниманья,
Со мною, как со всеми, мил.
Зачем он сердце мне пленил?
Напрасны все мои старанья.
Хоть он хорош, высок и строен,
О нём подруги говорят:
«Не верь ему: он зол, он фат».
Любви он, может, не достоин.
Рассудком зная недостатки,
Всё ж отдаюсь мечтам моим,

И сердце замирает сладко
При каждой новой встрече с ним.
Я долго в мире идеальном
Жила прошедшею зимой,
Но неудачен жребий мой, —
Анета думает печально, —
Один лишь раз я полюбила,
Но счастья не дала судьба,
И я, смиренная раба,
Навеки сердце схоронила.

Никто не ведает об этом.
Зачем кого – то посвящать, —
Вздыхает горестно Анета, —
Тревожить зря отца и мать?
На всё да будет Божья воля!
Хоть не дано её понять,
Как хочется порой узнать
Свою заранее мне долю…»
Глядит на линии ладони,
Не замечая, что Крылов
Вошёл в гостиную. В их доме
Обрёл гостеприимный кров
Он, пожилой и одинокий;
В кругу Оленинской семьи
Считаясь издавна своим,
Спросил у девы грустноокой:
«Что ж Вы, Анеточка, в кручине?
Зачем печален милый взгляд?
Как ярко солнце светит ныне!
Пойдём – ка лучше в Летний сад».
«Иван Андреич, так… пустое.
С утра разнылась вновь щека.
Да в том беда невелика.
Пожалуй, прогуляться стоит», —

Она с улыбкой отвечает,
Тоску упрятав глубоко,
Плащ элегантный надевает,
С Крыловым в сад идёт пешком.

Прозрачен Летний сад в апреле:
Свободно взгляд уходит вдаль
Сквозь юной зелени вуаль.
Как на старинной акварели,
Скульптуры стройные белеют
Античных мраморных богинь,
Звенят синицы: «Синь – синь – синь!»
Гуляют пары по аллеям
Господ, наряженных и чинных,
Резвится шумно детвора…
Для вдохновенного пера
Весьма заманчива картина.
Блестят лихих гусаров шпоры,
Кумиров барышень младых.
Ведут шутливо разговоры
И Пушкин с Вяземским средь них.
Поэт, томленьем сердца движим,

Глядит кого – то меж деревИ повторяет нараспев:«Где Бренский? – Бренского не вижу!»(Он реплику такую сноваИз пьесы Озерова взял.)Узрев Оленину с Крыловым,С улыбкой Вяземский сказал:

«Вон Бренская идёт к калитке.
Наш баснописец тоже с ней».
К ним устремляется скорей
Обрадованный Пушкин прытко.
Цилиндр подняв по этикету,
Крылову кланяется он,
Целует ручку у Анеты.
Поэт, лишь ею поглощён,
Оставив с другом баснописца,

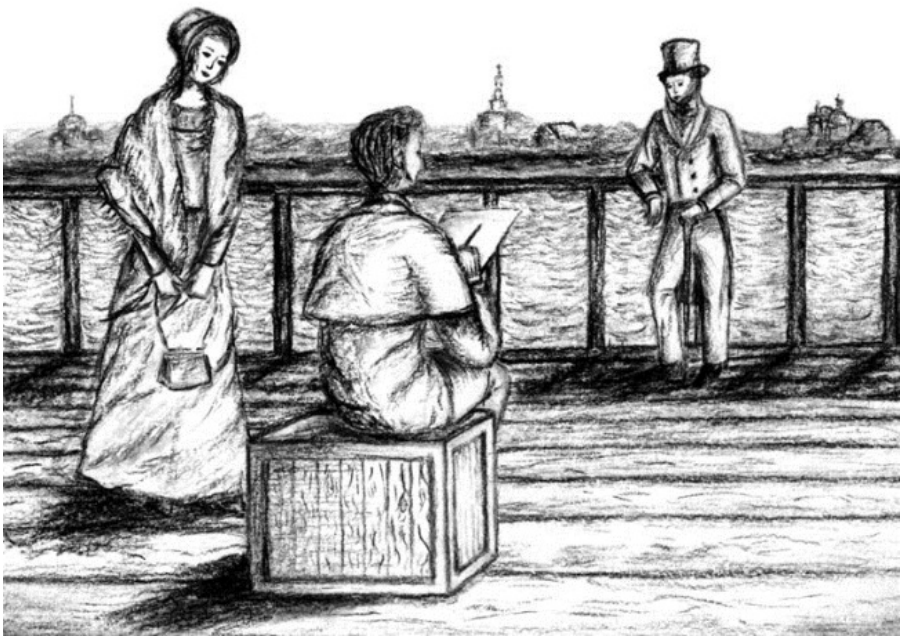
Под руку девушку берёт,
Вглубь сада быстро с ней идёт
Туда, где Карпин пруд искрится.
Он в рифму говорит остроты,
Ведёт дорожкой вдоль реки,
Читает новые стихи
И сочиняет ей экспромты.
Она смеётся, восхищаясь,
Кокетничает с ним слегка,
На шутку шуткой отвечает,
Забыв о горестях пока:
Его ей слушать интересно.
И, кажется, сердечных бед
Уже следа в помине нет
На личике её прелестном.

III
9 мая 1828 года

Игриво луч заката медный
По стенам комнаты скользит,
Унылой, маленькой и бедной,
Лицо поэта золотит,
Неярким светом освещает
Икону тёмную в углу,
По картам брошенным гуляет
И туалетному столу.
Сидит в задумчивости Пушкин.
Пред ним открытая тетрадь,
Рыжеет на его макушке
Кудрей взлохмаченная прядь,
В руке перо застыло. Ныне,
«Полтаву» вновь начав писать,
Он думает, какое дать
Уместно имя героине,
В Мазепу грозного влюблённой,
Красе украинских степей:

Быть может, «дочерью Матрёной
Гордится славный Кочубей?»
Другая мысль приходит сразу:
«Он горд Натальей молодой…»
Но тут же быстрою рукой
Поэт зачёркивает фразу.
«И подлинно, прекрасной Анны
Милее нет…» – он записал,
И образ девушки желанной
Пред взором мысленным предстал,
Не героини, страстной, грешной —
В воображении возник
Олениной прелестный лик,
Как ангел, чистой, безмятежной.

В морской прогулке до Кронштадта
Поэт встречался утром с ней.
На фоне волн голубоватых
Ещё воздушней и нежней
Ему Анета показалась.
Он похвалы ей говорил,
Она же, стоя у перил,
Пейзажем зыбким любовалась,



На воду взгляд бросая скромно.
Он ей посланье сочинял,
Меж тем его портрет в альбоме
Искусно Дау рисовал.
Критично оглядев рисунок,
Художнику в стихах поэт
Вдруг вдохновенно дал совет
Писать черты Анеты юной…

Забыв на время о поэме,
Поэт перевернул листок.
И воротясь к любимой теме,
Он записал те двадцать строк
Из стихотворного посланья,
Что на прогулке родились.
Непроизвольно понеслись
К Олениной его желанья.

Пора оставить заблужденья
Беспечной юности ему
И, вняв сердечным угрызеньям,
Былых грехов развеять тьму.

В семейный круг свой путь тернистый
Мечтает Пушкин повернуть,
Усталым сердцем отдохнуть
Близ девушки, душою чистой.
Пером, обглоданным и хрустким,
Такими мыслями согрет,
Поэт выводит по – французски:
«Olenina… Poushkine… Annette…»

…Она к нему то благосклонна
И рада от души стихам,
То внемлет вдруг насторожённо
Его восторженным речам.

Болтая с Вяземским игриво,
Она тому назад дня три
Кружилась в модном «попурри».
Глядел на них поэт ревниво.

И червь сомненья сердце точит:
Должно быть, искренне влюблён
В Анету безнадёжно он.
Рука зачёркивает строчки:
С литературной героиней,
Любви послушною рабой,
В ней сходства нету и в помине,
Хоть хороша она собой,

Резва, умна и своенравна.
И пишет далее поэт:
«И то сказать: в Полтаве нет
Красавицы, Марии равной…»

IV
19–23 мая 1828 года

Всё ближе северное лето,
Всё ярче и светлее дни.
Душе мятущейся поэта
Не принесли покой они:
Грозит ему в Сибирь изгнанье.
Элегия «Андрей Шенье»
Тому виною. В тишине,
Предвидя горечь расставанья,
Сидит он на скамейке дальней
В тенистом парке, и, спеша
К Анете думою печальной,
Стихами говорит душа.
Потом уныние сменилось
Вдруг утешительной мечтой,
Когда он ясно вспомнил, что
На «ты» Анета обратилась
К нему, невольными словами
Надежду в сердце оживив.
И Пушкин нежными стихами
Ей снова пишет о любви.

Олениной в конце недели
Везёт стихи за Охту он.
Тесня дорогу с двух сторон,
Плывут берёзки, клёны, ели…
Их величавое движенье,
Листвы и хвои свежий дух
Врачуют сердце. Птичье пенье
Поэту услаждает слух…
Вот показался меж ветвями
В сиянье солнца золотом
В Приютине кирпичный дом
С распахнутыми в сад дверями.
Вокруг знакомые картины:
Трудами занята дворня,
Гуляют важные павлины,
Хвостами дивными маня.

Кружок знакомый в полном сборе:
Оленин, Вяземский, Крылов,
Мицкевич, Гнедич и Козлов…
Текут неспешно разговоры:
Все хвалят виды, речку, сосны
И дома здешнего уют,
Ругают комаров несносных,
Гоняют их, нещадно бьют.
«Подобных полчищ в мире нашем

Не видел раньше никогда.

Забавно, право, господа:
Мы все «камаринскую» пляшем», —
Так шутит Вяземский. Нападки
Лишь Пушкин сносит не ропща
И повторяет: «Сладко! Сладко!»
Весь в окровавленных прыщах,
Он наблюдает в упоенье,
Как, сжав поводья в кулачке,
На тонконогом рысаке
Анета скачет в отдаленье.
С такого расстоянья крошкой
Поэту видится она.
Изящно маленькие ножки
Сидят в упругих стременах.
Ей встречный ветер платье лижет.
Движением руки она
Бег усмиряет скакуна
И подъезжает ближе, ближе…

Анета спешилась. По саду
Пройдясь, улыбкой всех дарит.
«Red Rower, добрый день. Я рада
Вас видеть», – тихо говорит
Поэту: прозвище такое,
Недавно Купера прочтя,
Дала ему она, найдя
В нём сходство с пламенным героем
Корсаром. Пушкин с ней напевно
Заводит речь в тени берёз:
«Вы ангел, Анна Алексевна.
Я снова Вам стихи привёз».
«Благодарю. Прошу Вас очень:
Впишите их ко мне в альбом.

Я их одна прочту потом», —
Она в ответ, потупив очи.

К столу слуга зовёт радушно.
Хозяева, друзья, родня
Заходят в дом. Совсем не скучно
Здесь провести остаток дня:
Читать поэмы, басни, стансы,
Провербы шумно представлять,
Под фортепьяно танцевать
И слушать нежные романсы.
Анета, резвое созданье,
Для всех играет и поёт
И обществу очарованье
Особенное придаёт.

Весь вечер Пушкин наш за нею
Ухаживает напролёт,
«Драгунчиком» её зовет,
Мечтая называть своею…

V
Начало июня 1828 года

Прохладно. Серенькие тучи
Укрыли неба синеву.
В туманной дымке тают кручи,

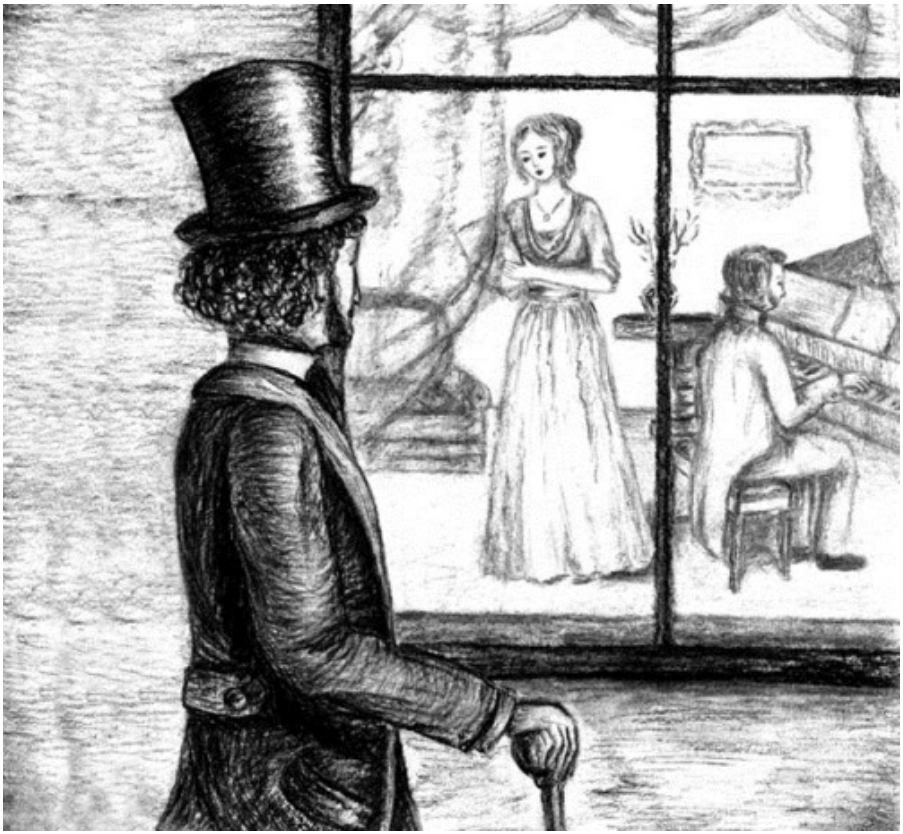
Ласкает ветерок листву.
На дрожках снова едет Пушкин
В приютинский приветный дом.
Почти не слышно птиц кругом,
Лишь дятлов стук да крик кукушки
Тревожат лес. Петух в деревне
И тот не хочет прокричать…
Надеясь Анну Алексевну
В унылом парке повстречать,
Поэт вдруг отпускает дрожки
И, не доехав до ворот,
К усадьбе медленно бредёт
Её излюбленной дорожкой.
Тоски развеивает узы
Краса приютинской глуши.
Поэту мнится: тайно музы
Живут «в неведомой тиши»…

Безлюдно. Под могучей сенью
Валун торжественно застыл.
Дубок когда – то посадил
Здесь юный Николай Оленин.
Пришла война. С французом споря,
Погиб он под Бородином.
В тот год засох – видать от горя —
Дубок в имении родном.
Тогда отцовским руками
На память славного конца

На месте пня от деревца
Был установлен этот камень.
Поэт пред ним остановился,
И, пальцы длинные скрестив,
Он в размышленье погрузился
О жизни бренной… Вдруг мотив
Донёсся из открытых окон,
Как в опере из – за кулис:
Запел изящный вокализ
Анеты голосок высокий.

И Пушкин быстрым шагом к дому
Проходит вдоль пустых аллей.
Романс услышав незнакомый,
Он замирает у дверей.
В гостиной композитор Глинка
Даёт ей музыки урок.
Анета, глядя на листок,
Поёт о горестях грузинки.
Почудилась поэту в нотах
Знакомая до боли грусть.
Трепещет сердце отчего – то,
Воспоминанья щемят грудь.
Созвучья россыпью хрустальной
Звенят по залу в тишине.
«Не пой, волшебница, при мне
Ты песен Грузии печальной…» —
Рождаются мгновенно строки,

Воображение влекут,
Волною вдохновенья токи
По жилам сладостно текут.
Он видит образ идеальный
И сочиняет, как во сне:
«…Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальний…»



VI
17 июля – 11 августа 1828 года

Июльским вечером дождливым,
Присев тихонько в уголке,
Забыв о мире суетливом,
Анета пишет в дневнике.
Альбом в сафьяне тёмно – красном
С тисненьем золотым пред ней.

Не сводом светских новостей,
Не описаньем беспристрастным
Дневник Анета наполняет:
Она с волнением в крови
О смысле жизни размышляет
И неудавшейся любви.
«Что Бог мне в будущем готовит?

Счастли́ва ли моя звезда?
Во мне теперь уж никогда
Не будет девственной любови.
На сердце хлад. Былые грёзы
Разбиты жёсткою рукой.
Любви супружественной проза,
Быть может, принесёт покой.
Родителям я много стою.
Пора, пора мне со двора, —
Анета кончиком пера
Выводит, маленькой рукою
Развитый локон поправляя, —
Но не заменит, вот в чём суть,
Всего, что здесь я оставляю,
Супруг, хоть ангелом он будь.
Обязанностей трудных море
Несёт достоинство жены —
Терпенье, нежность здесь нужны,
А сколько ждёт и слёз, и горя!
Как часто будет муж со страстью
Любить других, а не меня!
Но я перенесу несчастья
И, клятву верности храня,
Не преступлю законов долга.
Хоть мир давно лежит во зле,
Страданье наше на земле
В сравненье с вечностью недолго.

Я положусь, душой тоскуя,
На Бога только одного,
Заменит всю любовь земную
Любовь небесная Его.
Лишь Он Своею высшей властью
Надежду светлую несёт
На лучшее, лишь Он даёт
Блаженство вечное и счастье…»

Наутро прежние печали
Исчезли, как ночной туман:
О встрече с Пушкиным на бале
У Хитрово писать роман
Анета начинает смело,
И сочинительством она
До вечера увлечена.

Потом ей это надоело…

Недели две прошло. Встречает
В гостях у тётушки своей
Она каза'ка. Изливает
Всю душу юноша пред ней.
Хорунжий Алексей Чечурин
Светловолос, собой хорош,
На идеал её похож
Высокой стройною фигурой.
В Сибири вырос он холодной
На величавом Иртыше,
Приняв строй мыслей благородный.
Храня доверчивость в душе,
Неизбалованной и чистой,
Анете он по простоте

Рассказывает, как в Чите
Он видел ссыльных декабристов.
Она сочувственно внимает,
В саду присевши на скамье,
В свой дом радушно приглашает
Его, представив всей семье.
Хорунжий нравится Анете.
Стирая влагу с дивных глаз,
Не повторять другим рассказ
Во избежанье зла и сплетен
Она даёт ему советы:
«Иначе Вам беда грозит».
Казак, в восторге от Анеты,
Её за всё благодарит,
Растроган искренним участьем.
В Приютине в кругу друзей
Он согревает душу ей
Своей наивной, нежной страстью
И поведением несмелым.
Казак теперь её герой.
Не то дневник, не то новеллу
Она в журнал заносит свой
По вечерам при тусклой свечке,
Склонясь плечами и челом
Над полированным столом.
Возникло в девичьем сердечке
К нему нежнейшей дружбы чувство:

Казак Анете словно брат.
Он проводить с ней время рад:
Сплести корзиночку с искусством,
Послушать речи девы умной,
О декабристах рассказать,
Их письма тайно показать,
Укрывшись от компаний шумных.

В семье Олениных, всецело
Не разделяя их идей,
Жалели декабристов смелых
И ждали трепетно вестей
Из дальних волостей суровых.
Анета, в храм войдя, порой
Молилась пылкою душой,
Чтоб сняли с них скорей оковы.

В общенье, играх, развлеченьях
На даче месяц пролетел.
И двадцать первый рожденья
Анеты вихрем отшумел.
Прохладой тянет предосенней
Из приоткрытого окна.
За столиком сидит она,
Записывает впечатленья
В альбом, воображеньем ярким
Событий оживляя ряд:
Беседы, шуточки, подарки,
Свой ослепительный наряд,
За ужином забавы, песни…
Упоминает всех гостей,
Явившихся на праздник к ней,
В особенности интересных:
«Приехали на день рожденья
Голицын, Гнедич, брат мой Львов
И Пушкин, по обыкновенью,
За ними Глинка и Крылов.
Red Rower, как я называю
Поэта, кажется, влюблён
В Закревскую. Толкует он
Мне всё о ней, не преставая,
Заставить ревновать желая,
Но сам же тихим голоском,
Предмет любимый оставляя,

Мне молвит нежности притом.
Но был любезный, добрый, милый
Казак героем дня сего…
И лишь доверчивость его
Мне беспокойство приносила…»

Анета, записью довольна,
Закрыв дневник, идёт к окну,
Вдыхает чистый воздух вольный,
Недолго смотрит в вышину,
Внимая сказке звёздной ночи,
И, успокоившись душой,
Ложится на диванчик свой.
Смежает сон ей тихо очи.

VII
Конец августа 1828 года

Желтеют меж зелёных сосен
Берёзки, клёны вдоль дорог.
К ним тихо прикоснулась осень,
Едва ступивши на порог,
И начинают падать листья.
Чуть голубеет свод небес.
Багрянцем украшают лес
Рябин нетронутые кисти.
Звенит бубенчик под дугою —
Неутомимый балагур.
В именье, сердцу дорогое,
Поэт, покинув Петербург,
Вновь едет. Ныне приглашенье
Олениных он получил,
В Приютино к ним поспешил,

Важнейшее приняв решенье.
Он долго думал перед этим,
Сомненьем тягостным томим,
И образ ангельский Анеты
Всё время оживал пред ним.
Поэт объятий Аграфены
Забыл мучительную сласть:
К Закревской он иную страсть
Питал, мечтая сокровенно
Всё ж на Олениной жениться,
Найти родную душу в ней,
Семейным счастьем насладиться
И быть во всём опорой ей.
Хоть маменька её, конечно,
Себя сурово с ним ведёт,

Её отец его поймет:
К поэту относясь сердечно,
Радушный Алексей Оленин
Его ценил и привечал.
В восторге от его творений,
Заглавный лист нарисовал
Он для «Руслана и Людмилы».
Умён старик и даровит.
Быть может, дочь благословит
На брак Оленин, добрый, милый?
Поэт готов Анеты ради

Жизнь холостую изменить.
Ему б с родителями сладить,
Её он сможет покорить.
Она признаний избегает,
Благоразумна и горда,
Но с ним приветлива всегда
И нежных слов не отвергает…

Так размышлял дорогой тряской
Поэт, надеждой обольщён.
К дверям подъехала коляска.
В переднюю заходит он,
Идёт в столовую с волненьем.
Закончен без него обед.
Ведёт хозяин в кабинет
Его к себе для объяснений.
И Пушкин после извиненья,
Оставшись с ним наедине,
Заводит речь без промедленья:
«Вам всё известно обо мне.
Я Вашу дочь люблю безмерно.
Хоть не служу и не богат,
Но труд и признанный талант
Мне принесут достаток верный.
Назвать женой её мечтая,
Молитвы к Богу возношу.
Я сердце Анне предлагаю,
У Вас руки её прошу».
Он, кончив пылкие признанья,
Ответа ждёт. Глаза живым
Огнём блистают голубым,
Полны любви и упованья.

Лицо Оленина, обычно
Светившееся теплотой,
Овеял холод непривычный.
Поэту молвит он: «Друг мой,
Талант ваш, гордость всей отчизны,
Я уважаю и ценю,
Но Вам любимицу мою
Я не отдам. Ваш образ жизни

И достоянье, что ж лукавить,
Рождают опасенья в нас.
Я дочку не хочу заставить:
Анета ведь не любит Вас.
Кощунственной «Гаврилиадой»
От всей души возмущена,
Не хочет и моя жена
Отдать Вам дочь. Наш дом не надо
Всем этим более тревожить».
Поэт, скрыв горе и печаль,
Сказал с достоинством: «Ну что же,
Мне, право, очень – очень жаль».

Потом, откланявшись поспешно,
В столицу едет он домой.
Отказ, жестокий и прямой,
Наполнил сердце тьмой кромешной.
Отвергнутый и нежеланный,
Обидой Пушкин уязвлён.

Душа болит, болит от раны.
В друзьях разочарован он.
Смеркается. Трясясь в карете,
Не может глаз сомкнуть поэт,
А месяц равнодушный свет
Льёт слева – по дурной примете.

VIII
Середина марта 1829 года

Март. День ненастный, хмурый, стылый.
Туман окутал всю Москву.

По саду бродит ветр унылый,
Закрыли тучи синеву,
И в плотно запертые двери
Холодный дождь стучит. Камин
Протоплен. У огня, один,
Печален Пушкин. В «Англетере»
Теперь он поселился снова,
В Москву приехав наконец.
Вчера в собранье Гончарову
Он встретил. Чистый образец

Невинной прелести Мадонны
Являла Натали собой.
Но станет ли его судьбой
Любовь к ней? Или непреклонно
Ему откажут? Очарован
Он ею был на Рождество.

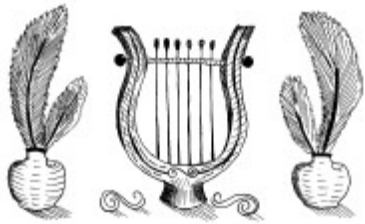
Влечёт Наташа Гончарова
Красой божественной его:
Необычайно поэтична,
Великолепно сложена,
Неизбалованна, скромна…
И образ девы романтичный,
Небесно – чистый, милый, нежный,
Поэта, чудится, зовёт.
Есть для него ещё надежда!
Он неприступный Карс возьмёт!
Дал крепости турецкой имя
Поэт возлюбленной своей
И, жизнь навек мечтая с ней
Соединить, он всё предпримет,
Чтоб согласились Гончаровы
На свадьбу Таши. В этот раз —
Нет! – не получит он суровый,
Как у Олениных, отказ…
Полузабытая обида,
Нанёсшая удар душе,
Не мучит так его уже.
Оленину случайно видел
В дороге Пушкин: та ж причёска,
Улыбка, шубки белой дым.
Любви ушедшей отголоски
Нежданно овладели им…

Анета говорила скромно,
Не поминая о былом,
Просила написать в альбом,
Слегка смущая взглядом томным.
Он показал ей «Посвященье»
К «Полтаве». Девушка прочла
И не скрывала восхищенья —
Настолько тронута была.

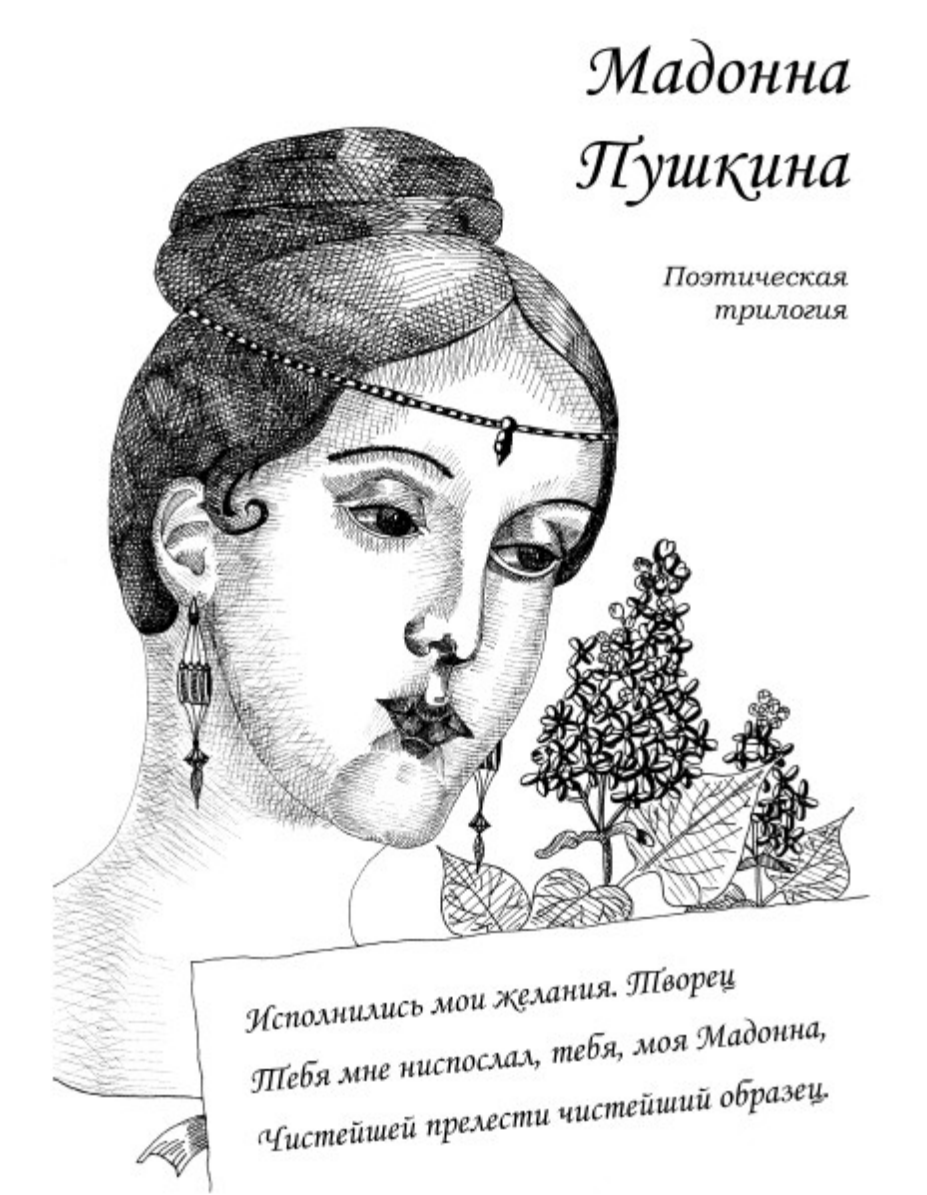
Писал «Полтаву» вдохновенно
Он прошлой осенью. Порой
Чертило между строк перо:
«Annette», «А О», «А Р», «Ettenna»…
Стихи текли, текли рекою,
Но миг раздумья наступал, —
Поэт умелою рукою
Анеты профиль рисовал.
А память живо возвращала
Его в тот день, когда их дом
Он покидал, и голоском
Приветливым она сказала:
«Пусть ждёт Вас добрая дорога.
И да сопутствует Вам Бог!»

Тогда, прощаясь у порога,
Поэт сдержать тоски не мог…
Теперь, пылая нежной страстью,
Он девой ослеплён другой,
Олениной же всей душой
С другим найти желает счастье…

Согревшись у камина, Пушкин
К буфету быстро подошёл,
Хлебнул глоток чайку из кружки,
Задумавшись, присел за стол,
Испытывая вдохновенье,
Листок случайный подхватил
И начал так: «Я вас любил…» —
Чудесное стихотворенье!



Мадонна Пушкина



Встреча на Рождество

1
<27 декабря 1828 года>

Закончен пост сорокадневный,
Великий праздник Рождества
Христа – Младенца Чистой Девой
Вступил в законные права.
Гуляет ныне вся Москва,
И в песне калик богомольной,
И в перекличке колокольной
На улицах Первопрестольной —
Мотив святого торжества.

В столице древней хлебосольной
От века Святки веселы.
Широкой радостью раздольной
Прославились её балы.
И в доме Иогеля на Бронной
Из окон плещет свет свечей,
Берёз заснеженные кроны
Искрятся в радуге лучей.
За окнами мелькают пары —
В изящном танце юность там
Свои пленительные чары

Являет строгим москвичам.

Поэту вспоминать отрадно,
Как мальчиком был здесь влюблён.
Чуть задержался он в парадном,
Былой мечтой заворожён.
Где ныне Сонечка Сушкова?
В Москве её простыл и след:
«Подруга возраста златого»
В замужестве уж десять лет.
Порой легко, порой серьёзно
Он многих дам любил потом
И ясноглазым русским розам
«Цветы любви» писал в альбом.
Совсем недавно в чувстве нежном
Поэт Олениной Аннет
В стихах признался. Безуспешно! —
Её семья сказала «нет»…
Теперь он пережил страданье,
И чувство теплится едва.
И новое любви желанье
Рождает старая Москва.

Ведёт седой танцмейстер Иогель,
Прославленный маэстро строгий,
Весёлый юношеский бал.
Заходит Пушкин в светлый зал
И на танцующих с порога
Рассеянный бросает взор:
Хорошеньких девиц здесь много,
Они милы как на подбор…

Вдруг встрепенулся он душою,
Услышав серебристый смех
Той девы, что одна собою
Всех выше и прекрасней всех.
Она в воздушном белом платье
Психеей лёгкою парит.
И чудится, – какое счастье! —
Его улыбкою дарит,
Такой доверчивой и скромной.
Она взглянула только раз,
Невинной женственностью томной
Сверкнули изумруды глаз.

Назвать её сильфидой? нимфой?
Нет – нет, сравнение не то.
Сияет драгоценным нимбом
В причёске обруч золотой,
На нём огни свечей зарделись…
Лицо, стан, локон завитой —
Всё в деве грация и прелесть,
Затмила чистой красотой
Жеманниц юных и кокеток,
Поблёкли рядом с ней они…
Её представили поэту,
В кругу подружек перед ним

Стоит Наташа Гончарова,
Склонив, как лилия, чело,
Едва промолвила два слова,
Смущённая его хвалой.

А Пушкин ею очарован,
От счастья кругом голова.
Приобрела над сердцем снова
Любовь священные права,
Теперь он только ею дышит.
А Натали? Ещё она
Не сознаёт, что влюблена,
Что их судьбу решил Всевышний,
Соединив их имена.

2
Лето 1830 года

Шли месяцы. Любовь не гасла.
Два раза сватался поэт
К возлюбленной. И не напрасно:
Желанный получил ответ.
Хотя не знал он, что склонила
Она расчетливую мать
Благословение им дать,
Согласье воодушевило
Поэта. Радостно и лестно
Ему любимую назвать
Теперь при всех своей невестой
И о приданом хлопотать.

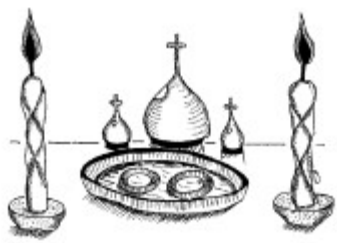
В столичной суете докучной
Тоску души чтоб утолить,
Он вспоминает, как в Нескучном
Гулял с прекрасной Натали,

В театре с ней сидел воздушном
И, ручку пожимая ей,
Велению любви послушный,
Ловил ответный взор очей…

Однажды он, томим разлукой,
Зашёл на Невском в магазин
И с потаённой нежной мукой
Увидел образ средь картин
Мадонны Перуджино. Боже!
На Деву Чистую лицом
Как дивно Натали похожа!
И будет рядом под венцом
Стоять она, его Мадонна,
И обойдёт с ним аналой,
Склоняясь девственной главой!
Поэт глядит на лик влюбленно

И верит, что на Рождество
Ему ниспослана Мадонна,
В ней возрождение его.

Бывая часто в магазине,
Прекрасной Натали портрет
Он видит в Деве Перуджино.
Купить картину денег нет,
Но Пушкин большего не просит,
Творца за всё благодарит…
И скоро Болдинская осень
Святую музу окрылит.



3
Осень 1830 года

Свежий запах яблок в Болдине
Дедовский овеял парк.
Дымка светлая, как пар,
Вьётся над тропою, пройденной
Столько раз порой осеннею
Пушкиным туда – сюда.
Под златой кленовой сению
Он глядит на гладь пруда.
Отраженье там зеркальное —
Словно очи Натали,
Изумрудные, печальные,
Что влекут его вдали.
Легкоструйно обрамление
Веток бронзовых берёз —
Будто на балу кружение
Локонов её волос…
Бабье лето шаль набросило

Пёструю на свод дубов.
Вдохновительницей – осенью
Освящаются любовь
И разлука, Богом данная.
Единенье двух стихий
Дарит Пушкину приданое —
Прозу, сказки и стихи.

Письмо Мадонне

21 августа 1833 года

Прохладной ночью предосенней
Спокойно Павловское спит,
Лишь ёжик, пробираясь в сени,
Листвой опавшею шуршит.
Помещик Павел свет Иваныч
В соседней комнате храпит
Привычно на большом диване,
А Пушкин, гость его, сидит
За столиком у тёплой печки
В уютной сельской тишине
И пишет в чутком свете свечки
Письмо красавице жене.

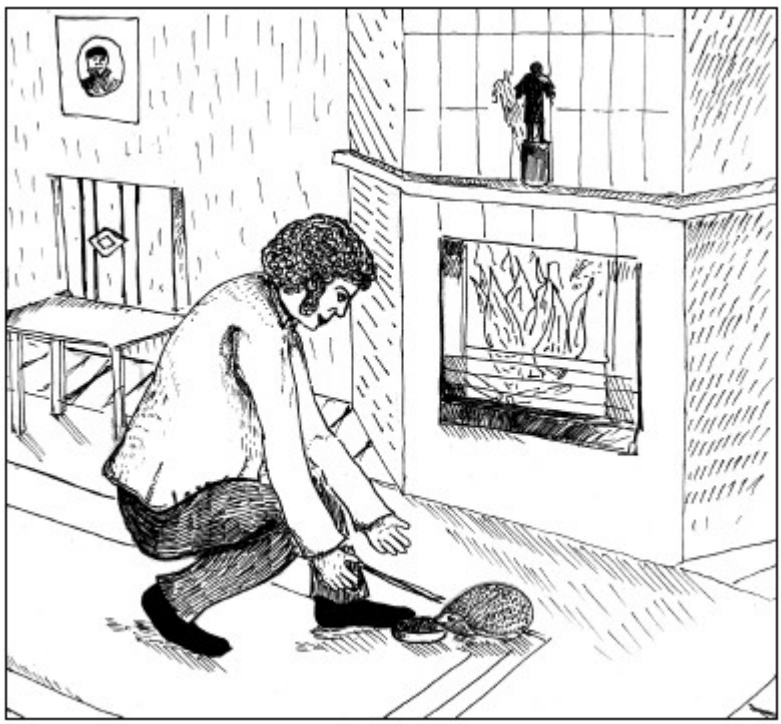
Он третий год женат и счастлив,
Любовь всё глубже и сильней,
И весточки как можно чаще

Послать старается своей
Ревнивой иногда Мадонне,
Скучая о семье, о доме:
«Ты, ангел мой, не угадаешь,
Откуда я тебе пишу.
Из Павловского. Вспоминаешь
Рассказ мой? Я здесь не грешу.
Обрадовался, как родному,
Павел Иванович, добряк,
Меня встречая из Бернова.
Упрёк не заслужу никак.
В поместьях Вульфовых уныло,
Ни барышень нет, ни улан.
Подруга – белая кобыла —
Не так строптива, как была.
На ней в Малинники я съездил.
Евпраксий, Саш, Маш и Аннет
Сейчас там и в помине нет…
А ты прославилась в уездах!
И в городах, и в деревнях
Расспрашивают все меня,
Блондинка ты или брюнетка,
И правда ли так хороша,
Плотна, худа ли, как одета…
Довольна ты, моя душа?»

Успех жены поэту в радость:
Его Мадонны строгий взгляд
Смирит и «ветреную младость»,
И светской зрелости разврат.
В Торжке обедая, беспечно
Мадам Пожарской комплимент
(Не за красу её, конечно,
А за отменный вкус котлет)
Он молвил, а ему она,
К воротам проводив, пеняла,
Что замечать, мол, не пристало
Чужих красот, когда жена
Сама красавица такая,
Что невозможно описать.
Вдали от дома проезжая,
Приятно это услыхать…

Зафыркал кто – то у порога,

И Пушкин ёжика впустил,
Из чашки молока немного
Ему в тарелочку налил.
Потом закрыл за гостем дверцу
И дальше жёнке написал:
«Вельяшева здесь по соседству
Живёт, но к ней не заезжал,
Тебе ведь это не по сердцу.
Она в стихах воспета мной,
Но это было уж давно…
Прорезался ли зуб у Машки?
И помнит ли меня? У ней
Каких – то новых нет затей?
Здоровы ль все? Как рыжий Сашка?
А золотухи нет теперь?
Подрос за эти дни он, верно…
Я здесь веду себя примерно,
И дуться не за что тебе.



Вареньем чудным объедаюсь,
В вист проиграл лишь три рубля…

Целую крепко и прощаюсь,
«Брюнетка плотная» моя.
Ты ныне в зеркало гляделась?
Уверилась ли, моя прелесть,
Что нет на свете ничего
Лица прекрасней твоего?
А душу, ангел мой, твою
Я более лица люблю».
Закончил Пушкин и на лист
Поставил энергичный росчерк.
Письмо наутро к Натали
Почтовый повезёт извозчик.

В окошко светит ясный месяц,
Хозяйский пёс на мышь ворчит,
Дородный кот, хвост рыжий свесив,
Блаженно дремлет и мурчит.
Лампада тлеет у иконы,
Поэт лелеет в нежных снах
Свою прекрасную Мадонну
С младенцами на двух руках.
Любимый образ греет душу —
Земной, но посланный с небес…
Ещё их счастья не нарушил
Шуан развратный Жорж Дантес,

И сны поэта золотые
Его не омрачает тень,
Но он уже в пути к России —
Приедет на Натальин день.

Молитва Натали

1
29 января 1837 года

Январь. Последняя пятница.
Четырнадцать сорок пять.
Нет, время назад не пятится —
Поэту вовек не встать.
Душа отошла к Всевышнему —
Великий и страшный миг.
На белой подушке вышитой

Покоен поэта лик,
Но смерти не видно признаков —
Как спит он, глаза смежив.
Метнулась вдовушка призраком:
«Пушкин, Пушкин, ты жив?!»
Недвижно лицо с улыбкою —
Он там, в небесной дали…
В конвульсиях тело гибкое
Рыдающей Натали.
Тупым метрономом страшное
Известье в висках стучит:
«Он умер! Он умер, Саша мой!
Убит он! Убит! Убит!»
Тепло в натопленной комнате,
А сердце мороз сковал…
Скорбеть, молиться и помнить ей
Поэта – пока жива.
Нет, время назад не пятится —
Не петь ему соловьём.
Отныне каждая пятница —
День траура для неё.

2
Начало 1850–х годов

Свеча горит у Распятия
В молельне у Натали.
Домашние знают: пятница —
День памяти и молитв.
В окне – закат догорающий…
Трёх дочек увёл Ланской —
Печаль её понимающий
Муж – любящий, золотой.
Все дети притихли старшие.
Готовит Саша урок,
Мария и Гриша с Ташею
Ушли читать в уголок

Гостиной. А мать – затворница,
Слезы не стерев с лица,
Об упокоенье молится
Великого их отца:
«Очисти, Господь, грехи его
От юных до зрелых дней.
Погублен адской стихиею
Певец Твой. Прости и мне
Кокетство моё беспечное,
Мрачившее жизнь ему.
Упокоение вечное
Даруй рабу Твоему.

Небес Святая Привратница,
В чертог Свой его всели…»
До гроба каждая пятница —
День скорби для Натали.

Три возлюбленных Пушкина
Очерки

«И жизнь, и слёзы, и любовь»

Более полутора столетий любители поэзии восхищаются изумительным стихотворением А.С. Пушкина, посвящённым Анне Петровне Керн. Его можно читать бесконечно: в нём слышится нежная возвышенная музыка и ощущается сильное романтическое чувство:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безмятежной,
В тревогах шумной суеты
Звучал мне долго голос нежный,
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты…

Судьба женщины, вдохновившей великого поэта на эти стихи, могла бы стать основой сюжета для интересного романа. Анна родилась в 1800 году в Лубнах Полтавской губернии. Её отец Пётр Маркович Полторацкий, предводитель уездного дворянства, приходился родным братом Елизавете Марковне Олениной. Анна Петровна так вспоминала о своём детстве: «Я воспитывалась в Тверской губернии, в доме родного деда по матери, вместе с двоюродною сестрою моею Анною Николаевною Вульф до двенадцатилетнего возраста. В 1812 году меня увезли от дедушки в Полтавскую губернию, а шестнадцати лет выдали замуж за генерала Керна».

Анна Керн
Рис. А.С. Пушкина
1929 г.

Ермолаю Фёдоровичу Керну тогда было уже 52 года, он годился юной жене едва ли не в дедушки. Однако трагедия неравного брака заключалась не столько в большой разнице в возрасте с мужем, сколько в том, что сфера жизненных интересов и особенности грубоватого характера заслуженного военного были глубоко чужды его молодой жене. Они были «разного поля ягоды». Анна писала в своём дневнике: «Его невозможно любить, мне не дано даже утешения уважать его; скажу прямо: я почти ненавижу его».

Первая встреча Анны Керн с Пушкиным в доме Олениных

Зимой 1819 года Керн ненадолго приехала с отцом и супругом в Петербург, где в доме своей тётушки Е.М. Олениной встретилась с А.С. Пушкиным, И.А. Крыловым, М.И. Муравьевым – Апостолом и другими известными людьми. На светские рауты Анну сопровождал её двоюродный брат Александр Полторацкий, приятель Пушкина. Анне очень нравилось посещать гостеприимный салон Олениных, быть зрительницей и участницей игр в фанты и шарады. Даже в преклонном возрасте с восторгом и особой теплотой она вспоминала, как комично и увлекательно читал Крылов свою басню «Осёл и мужик». «В чаду такого очарования мудрено было видеть кого бы то ни было, кроме виновника поэтического наслаждения, и вот почему я не заметила Пушкина», – писала она в «Воспоминаниях».

Дом на набережной Фонтанки, принадлежавший Олениным в 1813–1819 гг. Фото 1998 г.

В тот вечер поэт всячески заигрывал с прелестной незнакомкой: «Во время дальнейшей игры на мою долю выпала роль Клеопатры, и когда я держала корзину с цветами, Пушкин вместе с братом Александром Полторацким, подошёл ко мне, посмотрел на корзинку и сказал: «А роль змеи, как видно, предназначается этому господину?» Я нашла это дерзким, ничего не ответила и ушла».

У Олениных Анна вела себя с Пушкиным строго, без явного кокетства: смолчала, когда услышала во время ужина его игривый комплимент: «Можно ли быть такой хорошенькой!»; сухо и серьёзно ответила «нет» на шутливый вопрос, не желает ли она попасть в ад, где будет много хорошеньких женщин и где можно поиграть в шарады. Отчасти такое поведение объяснялось тем, что, живя в провинции, она ещё не была хорошо знакома с произведениями Пушкина, не увлекалась его чудесными стихами. Однако обстоятельства первой встречи с ним она хорошо запомнила и описала в «Воспоминаниях».

Жизнь не баловала Анну семейным счастьем. Супружество с Е.Ф. Керном становилось для неё с каждым годом всё невыносимее. Порой молодая женщина была на грани психического срыва. «Какая тоска! Это ужасно! Просто не знаю, куда деваться. Представьте себе моё положение – ни одной души, с кем я могла бы поговорить, от чтения уже голова кружится, кончу книгу – и опять одна на белом свете; муж либо спит, либо на учениях, либо курит. О Боже, сжалься надо мною!» – писала она 2 июля 1820 года в своём «Дневнике для отдохновения», посвящённом родственнице и подруге Феодосии Полторацкой. Заботы о маленькой дочке Катеньке, родившейся в 1818 году и часто упоминаемой в дневнике, не могли отвлечь Анну от такого настроения. Лишь тревога по поводу болезни малышки отодвигала собственные проблемы юной матери на второй план.

Портрет А.П. Керн (?) Неизв. худ. 1820-е гг.

Жаждавшая любви и понимания Анна Петровна искала утешения в любовных увлечениях, являвшихся по большей части плодом её воображения, жила в своеобразном «виртуальном» мире. Она упрекала себя за недостаточную нежность к Катеньке, которая была для неё желанным ребёнком, и писала, что не хочет больше иметь детей от Керна, потому что для неё «ужасна была

бы мысль не любить их». Наступление второй беременности повергло её в отчаяние: «Но этого <ребёнка> все небесные силы не заставят меня полюбить: по несчастью, я такую чувствую ненависть ко всей этой фамилии, это такое непреодолимое чувство во мне, что я никакими усилиями не в состоянии от оного избавиться» (запись от 9 августа 1820 года). Всплеск ненависти к семье Е.Ф. Керна был вызван действиями мужа, который пытался сводничать жену со своим племянником П.П. Керном, что рождало у молодой женщины неприятие. Запись о нежелании иметь ребёнка от нелюбимого мужа, скорее всего, вызвана конкретной психологической ситуацией, поэтому не стоит рассматривать её как жизненное кредо Анны Петровны.

Анна Керн. Силуэт
1825 г.

В 1823 году Анна уже не в первый раз покинула несносного супруга и поселилась в Лубнах у родителей. Там она сошлась с Аркадием Гавриловичем Родзянко, украинским поэтом, приятелем Пушкина по обществу «Зелёная лампа» и петербургским литературным кругам. К тому времени Анна Петровна была уже поклонницей поэзии Пушкина, с жадностью читала его стихи и поэмы, доставляемые ей А.Г. Родзянко. Она вела оживлённую переписку со своей двоюродной сестрой Анной Николаевной Вульф, вместе с которой в 1808–1812 годах воспитывалась у дедушки И.П. Вульфа в имении Берново под Старицей. О стихах Пушкина она писала кузине с восторгом, о чём та не преминула передать поэту. Анне Петровне кузина писала по – французски: «Ты произвела сильное впечатление на Пушкина во время вашей встречи у Олениных; он всюду говорит: она была ослепительна». В одном из писем Анны Николаевны к

А.П. Керн поэт сделал романтическую приписку из Байрона: «Промелькнувший перед нами образ, который мы видели и никогда не увидим».

Михайловское. Уголок гостиной. Фото 2007 г.

Своему приятелю Родзянко Пушкин писал об Анне Петровне в духе ироничной и несколько фривольной мужской переписки: «Объясни мне, милый, что такое А.П. Керн, которая написала много нежностей обо мне своей кузине? Говорят, она премиленькая вещь – но с*лавны Лубны за горами*. На всякий случай, зная твою влюбчивость и *необыкновенные таланты* во всех отношениях, полагаю твоё дело сделанным или полусделанным. Поздравляю тебя, мой милый, напиши на всё это элегию или хоть эпиграмму». (Письмо от 8 декабря 1824 года). В тон письму был и ответ, который Родзянко и Керн послали Пушкину 10 мая 1825 года. К примеру, Анна Петровна писала по – французски: «Уверяю вас, что он не в плену у меня!» Следующая фраза Родзянко написана по – русски: «А чья вина? – вот теперь вздумала мириться с Ермолаем Фёдоровичем, снова пришло остывшее давно желание иметь законных детей, и я пропал <…> ради Бога, будь посредником!»

У Пушкина сложилось как бы два противоречащих друг другу впечатления об Анне Керн: промелькнувший ослепительный образ в прошлом и земная кокетливая женщина, «премиленькая

вещь», живущая в разъезде с мужем и успевшая очаровать соседа по имению. Первый образ можно сравнить с расплывчатым, непроявленным снимком, хранящимся в «запасниках» памяти, который заслонён вторым, более свежим и ярким. Однако личная встреча летом 1825 года неожиданно произвела на поэта ещё более сильное впечатление, затмившее все прежние.

Обитатели Тригорского

Это событие произошло в Тригорском в июне 1825 года в доме Прасковьи Александровны Осиповой, первым мужем которой был дядя Анны Петровны Николай Иванович Вульф, умерший в 1813 году. Пушкин часто наведывался в Тригорское. Его привлекало общество умной и интеллигентной хозяйки, её симпатичных и образованных дочерей от первого брака Анны и Евпраксии Вульф, падчерицы Александры Осиповой и сына Алексея Вульфа. Дружба с обитателями Тригорского скрасила унылый быт поэта в Михайловском, где он отбывал ссылку с августа 1824 года.

Тригорское. Вид на барский дом и фабричный пруд. Фото 2007 г.

Прасковья Александровна, добрая и очень обаятельная женщина, увлекалась литературой и искусством, была очень любознательна и нередко приходила на уроки своих детей и племянников, как об этом вспоминала А.П. Керн. С Пушкиным у неё сложились тёплые дружеские отношения, не без примеси более нежных чувств.

П.А. Осипова-Вульф (?)
Рис. А.С. Пушкина
1824 г.

Долгие годы Прасковья Александровна переписывалась с поэтом. Несколько раз она принимала его в Малинниках, своём имении под Старицей. Осипова была в курсе многих его дел: литературных, хозяйственных, семейных. Пушкин посвятил ей несколько стихотворений. Одно из них, написанное 16 октября 1825 года, отличается особенной задушевностью:

Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас,
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.

Своего сына от первого брака Алексея Николаевича Вульфа Прасковья Александровна отправила учиться в Дерптский университет. Пушкин познакомился и подружился с Алексеем во время его приездов в Тригорское на каникулы. Между ними существовала духовная близость и дружеская откровенность, хотя они нередко были соперниками в любовных похождениях. Поэт в одном письме в шутку даже назвал Вульфа «Ловласом Николаевичем».

Алексей Вульф
Рис. А.С. Пушкина
1830 г.

А вот какую характеристику Пушкин дал Алексею в своих записках: «В конце 1825 года я часто виделся с одним дерптским студентом… Он много знал, чему научаются в университетах… Разговор его был прост и важен. Он имел обо всем затвержённое понятие, в ожидании собственной поверки. Его занимали такие предметы, о которых я и не помышлял». С Вульфом Пушкин, изнывавший в ссылке, связывал свои планы побега за границу, которые не осуществились. Удачливый покоритель женских сердец, Алексей Вульф тем не менее не создал своей семьи. Он надолго пережил поэта, но достойного применения своим знаниям и способностям так и не нашёл.

Анна Вульф
Рис. А.С. Пушкина
1829 г.

Старшая сестра Алексея, Анна Николаевна, была ровесницей Пушкина и горячей поклонницей его таланта. Впечатлительная,

начитанная и мечтательная девушка не выделялась особой внешней привлекательностью.

Тригорское. Комната Евпраксии Вульф. Фото 2007 г.

Пушкин недолго увлекался ею, а она полюбила его серьёзно и самоотверженно, на всю жизнь. Эта любовь принесла ей немного

радости и много душевных страданий. Личная жизнь Анны Николаевны так и не сложилась. Долгие годы она переписывалась с Пушкиным, а последняя их встреча предположительно состоялась перед роковой дуэлью в январе 1837 года. Анне Николаевне поэт посвятил в 1825 году три слегка ироничных стихотворения.

Её младшая сестра Евпраксия, или Зизи, Зина, как звали её домашние, в 1825 году была хорошенькой пятнадцатилетней девушкой, живой и весёлой. Она замечательно варила ромовую жжёнку и угощала ею посетителей Тригорского. Пушкин слегка флиртовал с Зизи. Однажды он в шутку мерялся с нею поясами, которые оказались одной длины. По этому поводу Пушкин писал брату Льву: «…или я имею талью 15–летней девушки, или она талью 25–летнего мужчины. Евпраксия дуется и очень мила…» Отношение к юной девушке как к шаловливому ребёнку проглядывает и в стихотворении, записанном поэтом в её альбом:

Вот, Зина, вам совет: играйте,
Из роз весёлых заплетайте
Себе торжественный венец —
И впредь у нас не разрывайте
Ни мадригалов, ни сердец.

Евпраксия Николаевна (в замужестве Вревская) многие годы была близкой приятельницей поэта. Именно ей он доверил в январе 1837 года тайну о своей предстоящей дуэли, но Евпраксия, конечно, не могла ничего изменить. Дочери второго мужа Прасковьи Александровны, Александре Ивановне Осиповой (Алине), в 1825 году исполнилось 20 лет. Это была умная, привлекательная, грациозная девушка, обладавшая пылкой артистической натурой. Она великолепно играла на фортепиано.

Алина Осипова (?)
Рис. А.С. Пушкина
1826 г.

О вспышке нежных чувств Пушкина к Алине свидетельствует известное полушутливое стихотворение «Признание», написанное в 1826 году:

Я вас люблю – хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь…

Чувство поэта к Алине было ярким, но неглубоким и непродолжительным. Отношения между ними остались дружескими. Удачливым соперником Пушкина в любви оказался его приятель А.Н. Вульф. Позднее Алина вышла замуж за псковского полицмейстера П.Н. Беклешова, но не обрела счастья в этом браке.

В Тригорское к гостеприимной П.А. Осиповой наведывались и соседи – помещики. Среди них был Иван Матвеевич Рокотов, которому осенью 1824 года власти хотели было поручить надзор за ссыльным Пушкиным. Рокотов тогда вежливо отказался, ссылаясь на нездоровье.

Вторая встреча с Пушкиным в Тригорском

Анна Керн живо запомнила тот день, когда великий поэт впервые увидел её после шестилетней разлуки: «Восхищённая Пушкиным, я страстно хотела увидеть его, и это желание исполнилось во время пребывания моего в доме тётки моей, в Тригорском, в 1825 году, в июне месяце.

Тригорское. Комната П.А. Осиповой. Фото 2007 г.

Вот как это было. Мы сидели за обедом и смеялись над привычкою одного г – на Рокотова, повторяющего беспрестанно: «Простите за откровенность» и «Я весьма дорожу Вашим мнением». Как вдруг вошёл Пушкин с большой толстой палкой в руках <…>. Тётушка, подле которой я сидела, мне его представила, он очень низко поклонился, но не сказал ни слова: робость видна была в его движениях. Я тоже не нашлась ничего ему сказать, и мы не скоро ознакомились и заговорили. Да и трудно было с ним вдруг сблизиться: он был очень неровен в обращении – то шумно весел, то грустен, то робок, то дерзок, то нескончаемо любезен, то томительно скучен, – и нельзя было угадать, в каком расположении духа он будет через минуту».

А.С. Пушкин
Автопортрет с тростью
1826 г.

Вместо того чтобы включиться в весёлый разговор тригорского общества, Пушкин вдруг оробел перед Анной Керн, как перед таинственной незнакомкой. А ведь при первой встрече в юности он легко расточал ей игривые комплименты и совсем незадолго до её приезда писал о ней А.Г. Родзянко во фривольном тоне. Очевидно, было в её облике что – то трогательное, какая – то особая душевная привлекательность, заставившая поэта забыть её сомнительную репутацию. «Ваш приезд в Тригорское оставил во мне впечатление более глубокое и мучительное, чем наша встреча у Олениных», – писал Пушкин А.П. Керн 25 июля 1825 года, уже после её отъезда.

Анна была женщиной поразительно красивой, кокетливой и по – женски привлекательной. В весёлой и дружеской атмосфере Тригорского за нею ухаживала вся мужская половина общества: и Пушкин, и тот самый странный помещик И.М. Рокотов, над которым подшучивали окружающие, и юный друг поэта Алексей Вульф.

Тригорское. Вид на пруд и мостик «поцелуев и вздохов» Фото 2007 г.

Пушкина среди своих ухажёров Керн особенно не выделяла, чем давала поэту повод ревновать её к Алексею Вульфу. Волокитство нескладного И.М. Рокотова было не в счёт. Однако помимо общих беззаботных прогулок по парку, танцев на воздухе и разговоров в гостиной, как нам представляется, были минуты духовного общения поэта с Анной Петровной, которые пополняли копилку поэтических впечатлений о ней. «Скажи от меня Козлову, что недавно посетила наш край одна прелесть, которая небесно поёт его «Венецианскую ночь» на голос гондольерского речитатива; я обещал о том известить милого вдохновенного слепца. Жаль, что он не увидит её, но пусть вообразит себе красоту и задушевность, по крайней мере, дай Бог ему её слышать», – писал Пушкин П.А. Плетневу в середине июля 1825 года.

Анна Петровна, внучка знаменитого оперного певца М.Ф. Полторацкого, была музыкально одарена, прекрасно играла на фортепиано, обладала красивым голосом. Её вдохновенное исполнение «Венецианской ночи» И.И. Козлова на мотив популярной баркаролы запало в душу поэта.

Тригорское. Столовая. Фото 2007 г.

«Всё Тригорское распевает: *«Не мила ей прелесть ночи»*, и сердце моё сжимается, слушая эту песню…» – писал он Анне Николаевне Вульф 21 июля 1825 года, вскоре после её отъезда вместе с Керн. В «Венецианской ночи» воспета тоска прекрасной итальянской графини Терезы Гвичьоли о безвременно умершем возлюбленном – великом английском поэте Байроне. И Пушкин, и Керн были искренними поклонниками творчества Байрона. История его последней любви и смерти особенно трогала их души.

Михайловское. Барский дом Вид со стороны Сороти. Фото 2007 г.

Керн любила поэзию, тонко чувствовала её музыкальность и, можно сказать, была вдохновенной слушательницей. «Пушкин был невыразимо мил, когда задавал себе тему угощать и занимать общество, – писала она в «Воспоминаниях». – Однажды с этой целью явился он в Тригорское с большой чёрной книгою, на полях которой были начерчены ножки и головки, и сказал, что он принёс её для меня. Вскоре мы уселись вокруг него, и он

прочитал нам своих «Цыган». Впервые мы слышали эту чудную поэму, и я никогда не забуду того восторга, который охватил мою душу!.. Я была в упоении как от текучих стихов этой чудной поэмы, так и от его чтения, в котором было столько музыкальности, что я истаивала от наслаждения».

Михайловское. Гостиная. Фото 2007 г.

Памятный вечер в Тригорском состоялся примерно 10–15 июля, а несколько дней спустя Анна Керн собралась в дорогу: тётушка П.А. Осипова уговорила – таки племянницу для примирения с мужем поехать с нею в Ригу, где Е.Ф. Керн служил военным комендантом. Но впереди была последняя романтическая прогулка в Михайловское, предпринятая по предложению Прасковьи Александровны в ночь с 18 на 19 июля 1825 года. Как писала А.П. Керн, Пушкин находился в особом настроении, был «добродушно весёлым и любезным». По дороге он восхищался красотой природы и луной, которая «освещает прекрасное лицо».

«Приехавши в Михайловское, мы не вошли в дом, а пошли прямо в старый запущенный сад, «приют задумчивых дриад», с длинными аллеями старых деревьев, корни которых, сплетаясь, вились по дорожкам, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника вздрагивать <…>. Он быстро подал мне руку и побежал скоро, скоро, как ученик, неожиданно получивший позволение прогуляться. Подробностей разговора нашего не помню; он вспоминал нашу первую встречу у Олениных, выражался о ней увлекательно, восторженно и в конце разговора сказал: «Вы выглядели такой невинной девочкой; на вас было тогда что – то вроде крестика, не правда ли?» – вспоминала Анна Петровна.

На волне нахлынувшего чувства к ней поэт забыл о прежних увлечениях тригорскими барышнями:

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слёз, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты…

Великая княгиня
Александра Фёдоровна
Худ. Ж.—А. Беннер. 1821 г.

В.А. Жуковский
Худ. В. Эстеррейх 1820 г.

Образ «гения чистой красоты»

Встреча с Анной, пробудившееся нежное чувство к ней вдохновили поэта на стихотворение, увенчавшее его многолетние творческие поиски на тему возрождения души под влиянием явления красоты и любви. Он шёл к этому с юных лет, сочиняя стихи «Наслаждение» (1816), «К ней» (1817), «Возрождение» (1819). Пушкин был знаком и с поэтическим циклом В.А. Жуковского, обращённым к великой княгине, а затем императрице Александре Фёдоровне, вдохновившей его в 1821 году исполнением роли индийской принцессы Лаллы Рук в инсценировке одноимённой поэмы английского поэта – романтика Томаса Мура. Именно в этом цикле впервые возник образ «гения чистой красоты»:

Ах! Не с нами обитает
Гений чистой красоты:
Лишь порой он навещает
Нас с небесной высоты;

Он поспешен, как мечтанье,
Как воздушный утра сон;
Но в святом воспоминанье
Неразлучен с сердцем он.

У Жуковского «гений чистой красоты» – эфемерная вдохновляющая сущность, отдалившаяся от своего земного прообраза. Неслучайно этот образ Жуковский связывает в эссе «Рафаэлева Мадонна» с Пречистой Девой, видение которой, по легенде, возникло перед великим художником на полотне ещё до написания картины «Сикстинская Мадонна».

Рафаэль Санти
Сикстинская Мадонна
Начало XVI в.

Однако Пушкин не просто использовал и «огранил поэтический алмаз» Жуковского в стихотворении «Я помню чудное мгновенье…», а как бы заново открыл его, может быть,

благодаря «проявившейся» во время прогулки с Керн по саду в Михайловском картинки из прошлого: прекрасная молодая женщина с крестиком на шее слушает выступление Крылова столь самозабвенно, что это придаёт ей наивный девственный вид.

По – видимому, первым импульсом к творчеству послужило известие о предстоящем отъезде Керн. В черновике есть наброски стихов:

Куда ж летишь прелестный Гений
Опять покинут я —

Не сразу пришёл поэт к ключевым образам своего шедевра:

Как перелетное <виденье>
Как гений кра<соты>
Все та же ты – мой Гений

Работая над стихотворением, Пушкин постепенно отходил от многих конкретных деталей, от непосредственных впечатлений. Прежде чем прийти к окончательному варианту 23–го стиха «И божество, и вдохновенье», поэт перебирает варианты: «Мечты, восторг и вдохновенье», «Восторг, мечты и вдохновенье».

Интересны и варианты 13–го стиха «В глуши, во мраке заточенья»:

В изгна<ньи>
В безмолвном мраке заточенья
В степях во мраке заточенья

По словам известного пушкиниста Б.В. Томашевского, здесь «Пушкин вспоминает те тяжёлые годы, 1823–1824, когда его постигло разочарование в жизни». Ещё до приезда А.П. Керн в Тригорское душевный кризис поэта был во многом преодолён: «Душе настало пробужденье»

Чувство любви к Анне Керн у Пушкина было ярким, но не особенно продолжительным. В день отъезда поэт подарил Анне те самые восхитительные стихи «Я помню чудное мгновенье…», вложив листок с ними в экземпляр первой главы «Евгения Онегина». Стараясь быть до конца правдивой в своих воспоминаниях, она не скрыла одного обстоятельства: «Когда я сбиралась спрятать в шкатулку поэтический подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать;

насилу выпросила я их опять; что у него промелькнуло тогда в голове, я не знаю».

В отличие от самой Керн, пушкиноведы взялись на разные лады интерпретировать поведение Пушкина и часто в том духе, что стихи были посвящены не ей, а кому – то другому или никому конкретно. Без серьёзных оснований среди возможных адресатов наиболее часто встречается имя императрицы Елизаветы Алексеевны, супруги Александра I. Все эти версии опровергают автографы А.С. Пушкина, где поэт сам явно указал имя адресата своего шедевра – Анны Петровны Керн. Это два написанных рукой поэта перечня его стихотворений для двухтомного издания сочинений, вышедшего в 1829 году. Первый список Пушкин сделал на оборотной стороне чернового автографа стихотворения «Ещё дуют холодные ветры…», датируемого маем – июнем 1828 года.

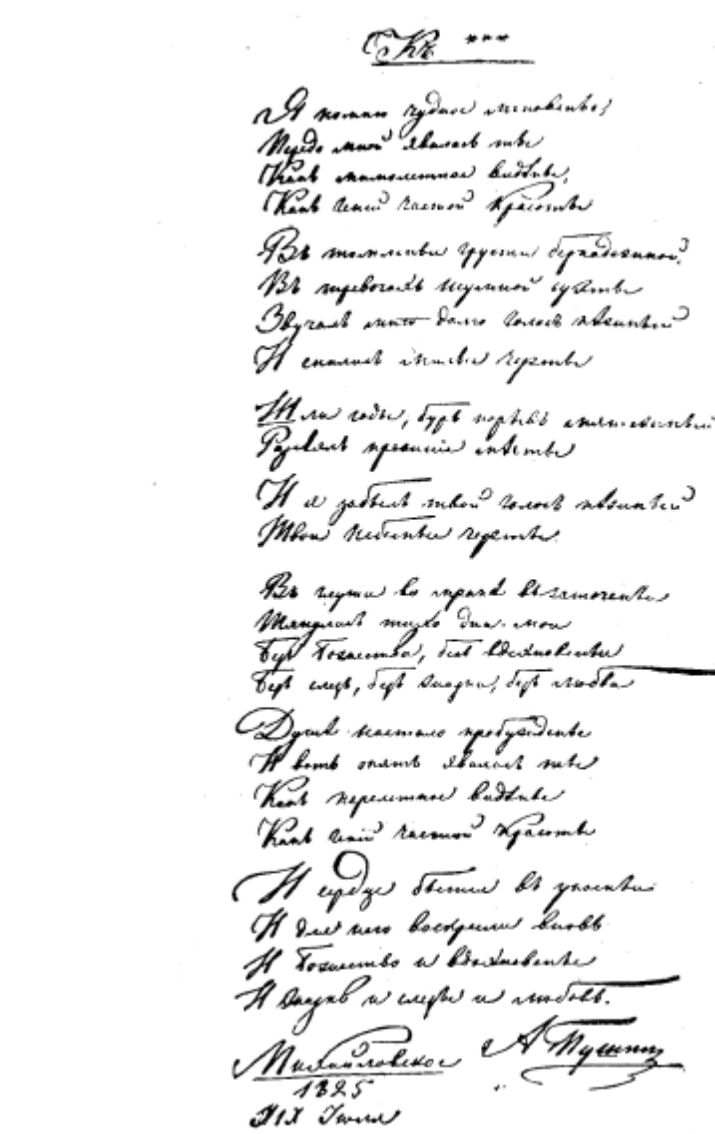
Тригорское. Вид из парка на Сороть. Фото 2007 г.

Там стихотворение «Я помню чудное мгновенье…» обозначено так:

4 – Кернъ.

Второй перечень написан карандашом на обороте чернового письма к А.Х. Бенкендорфу от 27 апреля 1827 года. Девятым по счёту значится произведение «к Кернъ А.П.К.», которое может относиться только к стихотворению «Я помню чудное мгновенье…», опубликованному во втором томе издания сочинений Пушкина 1829 года. Списки были составлены поэтом для себя, поэтому исключена возможность намеренного

изменения им адресатов стихотворений.



*Список стихотворения «К ***», не являющийся автографом Пушкина*

Вдохновительницей и адресатом шедевра «Я помню чудное мгновенье…» («К ***») несомненно является Анна Петровна Керн, несмотря на все её несовершенства. Однако не следует забывать, что это произведение – именно лирическое стихотворение, плод многолетних творческих поисков поэта, а не послание, посвящение или мадригал. Его нельзя трактовать как банальное признание в любви.

К сожалению, автограф стихотворения, подаренный

Пушкиным, у Керн не сохранился. Анна Петровна познакомилась в Петербурге с М.И. Глинкой и долгие годы дружила с ним. Она вспоминала: «Он взял у меня стихи Пушкина, написанные его рукою: «Я помню чудное мгновенье…», чтоб положить их на музыку, да и затерял их, Бог ему прости!»

«Ангел любви» или «вавилонская блудница»?

19 июля 1825 года Анна Керн уезжала мириться с мужем по совету тётушки и увозила с собой ещё шуточное стихотворное послание поэта к А.Г. Родзянко в ответ на его письмо, где речь тоже шла о ней:

Ты прав: что может важней
На свете женщины прекрасной,
Улыбка, взор её очей
Дороже злата и честей,
Дороже славы разногласной;
Поговорим опять об ней.

Хвалю, мой друг, её охоту,
Поотдохнув, рожать детей,
Подобных матери своей,
И счастлив, кто разделит с ней
Сию приятную заботу…

Но не согласен я с тобой,
Не одобряю я развода!
Во – первых, веры долг святой,
Закон и самая природа…
А во – вторых, замечу я,
Благопристойные мужья
Для умных жён необходимы:
При них домашние друзья
Иль чуть заметны, иль незримы.

Поверьте, милые мои,
Одно другому помогает,
И солнце брака затмевает
Звезду стыдливую любви.

Потом Анна переписывалась с поэтом. Письма Пушкина ещё два – три месяца дышали любовью, но в них уже чувствовался

налёт литературности. Счастливым соперником поэта и здесь оказался юный сердцеед Алексей Вульф.

Анна Петровна в письмах Пушкина, с одной стороны, «божественная», «прелесть», «прекрасная и нежная», женщина с «сильно развитым органом полёта», «ангел любви», «ангел – утешитель», «чудотворка», «чародейка». С другой стороны, она же и «мерзкая», и «сладострастная» обладательница обворожительных «глаз, зубов, ручек и ножек». Её же поэт и любит, и иногда ненавидит, и «третьего дня говорил гадости».

Значение последних нелестных эпитетов и выражений Пушкина в письмах нередко преувеличивается, отчего возникает неверное впечатление, будто стихи «Я помню чудное мгновенье…» совершенно не отражают истинного отношения поэта к А.П. Керн в период, предшествовавший их сочинению. Однако великий поэт был очарован не только внешними прелестями Анны Петровны, но и её духовным обаянием, вдохновенным пением полного драматизма произведения Козлова «Венецианская ночь», искренним увлечением и самозабвением, с которым она слушала его «Цыган». От внешнего облика вдохновительницы в стихотворении «К ***» остались только «голос нежный», «милые черты», «небесные черты». Перед нами уже не просто конкретная земная женщина с её достоинствами и недостатками, а увиденный «сквозь магический кристал» вдохновения воплощённый образ «гения чистой красоты».

А.С. Пушкин
Худ. И.—Е. Вивьен. 1826 г.

В октябре 1825 года Анна приехала в Тригорское с мужем, встретилась там с Пушкиным, но прежнее чувство поэта уже стало утихать, они даже поссорились, правда ненадолго. Для них «разлуки час» оказался «живее сладкого свиданья».

Анна Керн (?)
Рис. А.С. Пушкина 1830 г.

Примирение Анны с Ермолаем Фёдоровичем оказалось недолгим. Зимой она окончательного его бросила и переехала в Петербург, где в 1827–1829 годах часто встречалась с Пушкиным в доме его родителей и позднее в доме любимого лицейского друга Пушкина барона Антона Дельвига. Она дружила с женой Дельвига Софи и с сестрой Пушкина Ольгой. Отношения поэта с Анной Петровной переросли тогда в дружбу. Вероятно, была между ними и интимная близость, но та романтическая любовь, которую Пушкин пережил в Тригорском, не вернулась. Возвышенных стихов поэт Анне больше не посвящал, ограничиваясь короткими шутливыми записями в её альбоме. Положение Керн в обществе было двусмысленным, и, может быть, её имел в виду Пушкин, сочиняя стихотворение:

Когда твои младые лета
Позорит шумная молва,
И ты по приговору света
На честь утратила права, –

Один среди толпы холодной
Твои страданья я делю
И за тебя мольбой бесплодной
Кумир бесчувственный молю.

Но свет… Жестоких осуждений
Не изменяет он своих:
Он не карает заблуждений,
Но тайны требует для них…

Две старшие дочери Анны Керн Екатерина и Александра воспитывались в лучшем женском учебном заведении Петербурга – Смольном институте благородных девиц; младшая дочь Ольга, названная в честь О.С. Пушкиной и её крестница, жила то с матерью, то у родственников, умерла от детской болезни в 1833 году. С благодарностью вспоминала Анна Петровна поддержку, оказанную ей Пушкиным в связи с этим горестным событием. В то время отношения её с литературным миром прервались, она жила довольно бедно, в свет не выезжала, пыталась подрабатывать переводами французских романов. Причиной было все то же положение «не вдовы, не мужней жены».

«Нам всегда хорошо, потому что в нас много любви»

Последующие годы принесли Керн не только горе и испытания, но и долгожданную любовь, верную и счастливую. Жила она в материально стеснённых обстоятельствах, потеряла мать и вторую дочь Александру.

Комната А.П. Керн в С. – Петербурге Неизв. худ. 1820–е гг.

Пережила Анна Петровна несколько сердечных драм, пока в конце 1830–х годов горячая любовь не связала её с троюродным братом Александром Васильевичем Марковым – Виноградским (1820–1878), за которого она вышла замуж в 1842 году после смерти Е.Ф. Керна. Несмотря на то что муж был её на 20 лет моложе, он до самой смерти благоговел перед нею и очень любил. Его «Дневник» наполнен самыми нежными воспоминаниями:

«Я помню приют любви, где мечтала обо мне моя царица <… >, где поцелуями пропитан был воздух, где каждое дыхание её было мыслью обо мне. Я вижу её улыбающуюся из глубины дивана, где она поджидала меня… Никогда я не был так полно счастлив, как на той квартире!» (25 марта 1850 года);

«Благодарю тебя, Господи, за то, что я женат! Без неё, моей душечки, я бы изныл скучая. Все надоедает, кроме жены, и к ней одной я так привык, что она сделалась моей необходимостью! Какое счастье возвращаться домой! Как тепло, хорошо в её объятьях. Нет никого лучше, чем моя жена» (3 ноября 1849 года).

А.В. Марков – Виноградский
Фото 1860–х гг.

Марковы – Виноградские жили в материальном отношении очень скромно: ни Александр Васильевич, ни позднее сын Александр Александрович, родившийся в 1839 году до заключения родителями официального брака, не смогли сделать успешной карьеры, несмотря на свои таланты. Нужду помогали переносить тёплые отношения в семье. 9 января 1852 года Анна Петровна писала золовке Е.В. Бакуниной: «Бедность имеет свои радости, и нам всегда хорошо, потому что в нас много любви. За всё, за всё благодарю Господа! Может быть, при лучших обстоятельствах мы были бы менее счастливы».

Могила А.П. Керн в Прутне. Фото 2008 г.

Скончалась А.П. Маркова – Виноградская ранней весной 1879 года, пережив второго мужа на четыре месяца. Она похоронена на маленьком погосте деревни Прутня, близ Торжка. Существует красивая легенда, что гроб её повстречался с памятником

Пушкину, который тогда везли в Москву.

Анна Петровна и сама стала для поклонников пушкинской поэзии почти женщиной – легендой. На знаменитое стихотворение «Я помню чудное мгновенье…» М.И. Глинка написал нежный романс и посвятил его дочери Анны Петровны, Екатерине Ермолаевне Керн, в которую был тогда нежно влюблён. И может быть, сочиняя музыку, композитор тихонько напевал:

И сердце бьётся в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слёзы, и любовь.

«Я вас любил так искренно, так нежно…»

Важные события в жизни Александра Сергеевича Пушкина, радостные и горестные, были связаны с домом Олениных. Их салон выделялся среди петербургских великосветских салонов особым гостеприимством, ярко выраженной литературно – художественной направленностью, просветительскими и патриотическими идеями. Алексей Николаевич Оленин, приветливый хозяин дома, занимал должности директора Публичной библиотеки, президента Академии художеств и с 1826 года члена Государственного совета. Алексей Николаевич был всесторонне образованным человеком, отмеченным многими талантами.

Е.М. Оленина
Худ. А.Г. Варнек 1820–е гг.

А.Н. Оленин
Худ. А.Г. Варнек 1820–е гг.

Он увлекался русской историей, живописью и скульптурой, владел медальерным и гравёрным искусством, прекрасно рисовал, писал интересные научные работы по археологии и этнографии древних славян. В жизни это был добрый, отзывчивый, приятный в обращении человек, как характеризовали его многие современники. Елизавета Марковна Оленина была под стать мужу: умна, образованна, добра, приветлива и гостеприимна. Эти качества привлекали в дом Олениных лучших людей Петербурга первой трети XIX века. В их салоне часто бывали литераторы Вяземский, Грибоедов, Жуковский, Языков, Батюшков, Пушкин; архитекторы Монферан, Воронихин, Тон; художники Гонзаго, Кипренский и композиторы Глинка, Верстовский. Завсегдатаями были баснописец Крылов и поэт Гнедич, переводчик «Илиады» Гомера. Иногда заходили к Олениным Н.М. Карамзин и А. Мицкевич. В тёплой обстановке здесь обсуждались новые произведения литературы и искусства, изредка – общественное положение и политика. Часто представители противоположных школ находили в салоне общий язык. Алексей Николаевич Оленин покровительствовал талантливой молодёжи, которая обретала у него духовную и

материальную поддержку. Летом Олениины переезжали на живописную дачу Приютино в 17 км от Петербурга, где, по обыкновению, принимали в своём просторном доме многочисленных друзей.

Юный Пушкин в салоне Олениных

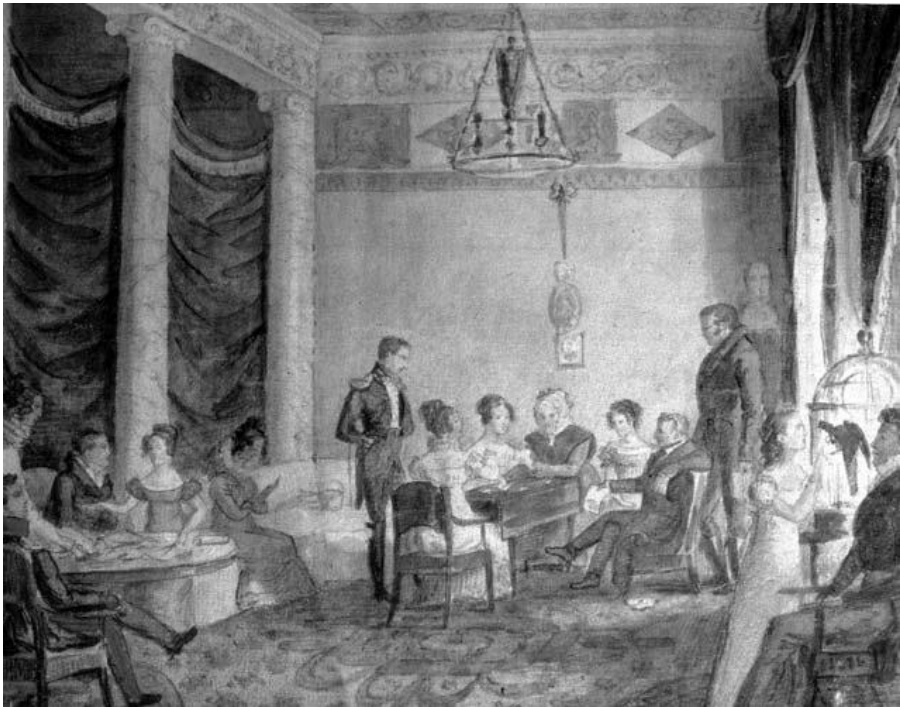
Пушкин начал посещать салон Олениных ещё в юности, в последний год учёбы в Лицее, и нашел здесь восторженный приём. Алексей Николаевич был очарован талантом поэта, его стихами и особенно поэмой «Руслан и Людмила», для первого издания которой нарисовал эскиз заглавного листа и виньетки.

Пришотино. Комната Е.М. Олениной. Фото 2008 г.

Общение в салоне Олениных, наряду с вечерами в литературном обществе «Арзамас», способствовало укреплению дружбы юного Александра Пушкина с Василием Андреевичем Жуковским и Петром Андреевичем Вяземским, в то время уже известными литераторами. Оказали влияние на творчество поэта и встречи с Иваном Андреевичем Крыловым, а также тесное сближение с Николаем Ивановичем Гнедичем.

Вечера в доме Олениных проходили интересно и весело. Литераторы читали свои новые произведения, певцы и музыканты исполняли песни, романсы и другие сочинения, хозяева при поддержке гостей ставили короткие домашние пьесы (провербы). Ужинали в салоне за маленькими столиками, без церемоний и чинов, после чего танцевали и веселились. Любимым развлечением были «шарады в действии», когда зрители должны

по содержанию частей представления угадать зашифрованное слово.



Гостиная Олениных в Петербурге Неизв. худ. Начало 1820–х гг.

Любопытно, что в 1819 году Пушкин совместно с Жуковским сочинил шуточное стихотворение «Баллада» к одной из таких шарад, по видимому, называвшейся «Бал – Лада».

И.А.Крылов. Неизв. худ.
Из альбома Олениных 1820–е гг.

Стихотворение служило подсказкой отгадывающим и одновременно здравицей в честь дня рождения хозяйки дома Елизаветы Марковны, которое праздновалось 5 мая:

Что ты, девица, грустна,
Молча присмирела,
Хоровод забыв, одна
В уголку присела?
«Именинницу, друзья,
Нечем позабавить.
Думала в балладе я
Счастье наше славить.
Но Жуковский наш заснул,
Гнедич заговелся,
Пушкин бесом ускользнул,
А Крылов объелся…»

Стихотворение заканчивается пожеланием многих лет имениннице и всем гостям. На таких вечерах И.А. Крылов комично читал свои басни в лицах. Он сблизился с Олениными в 1806 году и нашёл в их семье душевное тепло и понимание,

которые были так нужны одинокому немолодому человеку. Здесь баснописца очень любили: взрослые заботились о нем, а дети доверяли ему свои тайны и прислушивались к его советам.

Очарование дому Олениных придавали воспитанница Анна Фурман, белокурая красавица, и две дочки хозяев – Варвара и Анна, или «Анеточка – малюточка», как назвал её Гнедич в стихах. Анна, младшая из пятерых детей Олениных, родилась в 1807 году. Весёлая, резвая, очень смышленая и хорошенькая девочка была любимицей родителей и посетителей салона. Но юный Александр Пушкин особого внимания тогда на неё не обращал. Именно в их доме на набережной Фонтанки (*по современной нумерации, дом № 97*) он зимой 1819 года впервые встретился с красавицей Анной Керн, приходившейся племянницей Елизавете Марковне. Впечатление от этой встречи поэт позднее выразил в прекрасном стихотворении «Я помню чудное мгновенье…».

В 1817–1820 годах жизнь Пушкина в Петербурге была наполнена, с одной стороны, напряжённым творческим общением в литературных салонах и кружках «Арзамас», «Зелёная лампа», сочинением стихотворений и поэмы «Руслан и Людмила», а с другой стороны – бурными любовными приключениями и дружескими пирушками. Весна 1820 года стала для поэта началом трудного периода. Правительство, получая на него доносы, было недовольно распространением в списках его вольнолюбивых стихов. Поэту грозила ссылка в Сибирь. Н.И. Гнедич обратился с горячей просьбой к А.Н. Оленину похлопотать о Пушкине. По – видимому, и он наряду с Н.М. Карамзиным, П.Я. Чаадаевым и Ф.Н. Глинкой добивался облегчения участи поэта. В результате этих усилий Пушкина перевели на юг, а не сослали в Сибирь.

Анна и Варвара Олениныв детстве
Худ. О.А. Кипренский 1812 г.

Поэт вернулся в Петербург в конце мая 1827 года. Хотя внешне город мало изменился, духовная атмосфера в нём после подавления выступления декабристов была уже иной. Улетучились надежды на более свободную и справедливую жизнь. Многие друзья поэта пострадали за вольнолюбивые убеждения, их местопребыванием стала Сибирь. Другие его знакомые присмирели и изменили свои взгляды на верноподданнические. Алексей Николаевич Оленин и до восстания на Сенатской площади не разделял большинства идей и путей борьбы декабристов. Тем не менее, он уклонился от суда над ними, хотя занимал высокие должности при дворе. Участь декабристов, некоторые из которых были друзьями и родственниками Олениных, вызывала в этой семье искреннее сострадание.

«И мыслю: как тебя люблю!»

Олениных вновь широко открыли перед Пушкиным двери своего салона. К тому времени их старшая дочь, Варвара, была уже замужем за дальним родственником Г.Н. Олениным, а младшая, Анна, или Анета, как все её называли, превратилась в юную красавицу и завидную невесту. Анета унаследовала многие способности родителей. Она хорошо рисовала и лепила, с увлечением декламировала стихи, играла роли в домашних пьесах, которые иногда сама и сочиняла. Её голос был так приятен и хорошо поставлен, что она с успехом участвовала в благотворительных концертах в Благородном собрании. Анета писала стихи и романтические повести, но, видимо, зная им цену, не пыталась публиковать. Она привыкла заниматься серьёзным чтением, изучением русской, французской, английской и итальянской литературы. Свой дневник она вела на русском, французском и английском языках. Поэзия Пушкина увлекала её с детства.

Внешность Анеты отличалась романтической красотой. На портрете, написанном Орестом Кипренским в 1828 году, мы видим юную девушку с нежным овалом лица и загадочной полуулыбкой, выдающей весёлый нрав и тонкое кокетство. Взор её глубокий, задумчивый.

А.А. Оленина с подругами (в центре В.А.Оленина (?), слева А.Ф. Фурман). Худ. К. Гампельн. Около 1821 г.

Однако современников привлекало в Анете не только очарование красоты и незаурядный ум, но и доброта, сердечность, нравственная чистота. Мать передала ей глубокую веру в Бога и приверженность строгим моральным устоям, воспитала чувство долга по отношению к родителям и будущему супругу. Эти качества придают ей сходство с Татьяной Лариной, любимой героиней Пушкина, хотя Анета и не являлась её прототипом. Конечно, Оленина вовсе не была идеальной. Избалованная вниманием, девушка любила иногда поспорить,

покапризничать перед назойливыми ухажёрами. Некоторых из них, не отличавшихся особым умом, она доводила хитроумными софизмами, заставляя согласиться с заведомо нелепой мыслью.

Анна Алексеевна Оленина
Худ. О.А. Кипренский 1828 г.

В конце 1827 года, впервые после семилетнего перерыва, Александр Пушкин встретил юную фрейлину Анну Оленину на балу у Елизаветы Михайловны Хитрово, дочери прославленного фельдмаршала М.И. Кутузова. Поэт невольно обратил внимание на миниатюрную светловолосую девушку, маленькие ножки которой изящно скользили в танце по блестящему паркету. Известно, что Пушкин питал слабость к маленьким ножкам, о чём писал в первой главе «Евгения Онегина».

А.С. Пушкин
Автопортрет 1828 г.

Анета заметила восхищённый взгляд и тоже захотела отличить поэта. Смущаясь, она выбрала его на танец. В свою очередь, он пригласил её на другой танец. Улыбаясь, она подала ему руку, «потому что это была честь, которой все завидовали». «Все – мужчины и женщины – старались оказывать ему внимание, которое всегда питают к гению. Одни делали это ради моды, другие – чтобы иметь прелестные стихи и приобрести благодаря этому репутацию, иные, наконец, вследствие истинного почтения к гению, но большинство, потому что он был в милости у Государя Николая Павловича», – писала Оленина о Пушкине в своём дневнике.

А.А. Оленина
Худ. И.В. Шевцов 1835 г.

А вот как она обрисовала портрет поэта в глазах петербургского света: «Бог, даровав ему гений единственный, не наградил его привлекательной наружностью. Лицо его было выразительно, конечно, но некоторая злоба и насмешливость затмевали тот ум, который был виден в голубых, или, лучше сказать, стеклянных глазах его. Арапский профиль, заимствованный от поколения матери, не украшал лица его. Да и прибавьте к тому ужасные бакенбарды, растрёпанные волосы, ногти как когти, маленький рост, жеманство в манерах, дерзкий взор на женщин, которых он отличал своей любовью, странность нрава природного и принуждённого и неограниченное самолюбие – вот все достоинства телесные и душевные, которые свет придавал русскому поэту XIX столетия». Интересно, что

сравнение длинных ногтей Пушкина с когтями встречается и в других воспоминаниях современников: не всем они нравились. Поэт тщательно ухаживал за своими ногтями, а на мизинце даже носил изящный наперсточек, чтобы не сломать ноготь, нужный при карточной игре, до которой он был охотник.

Внешность Пушкина не привлекла юную Анету: ей воображение рисовало, если судить по дневниковым записям, совсем иной идеал – высокий, стройный светловолосый молодой человек с благородными чертами лица и чистой душой. А Пушкин, восхищённый красотой, умом и игривым нравом Анеты, нежно полюбил её и начал ухаживать. Весной 1828 года поэт почти каждый день виделся с нею на прогулках по Летнему саду, а когда не встречал её там, начинал искать и беспокоиться, повторяя, как воспоминал П.А. Вяземский, фразу из пьесы В.А. Озерова: «Где Бренский? Я Бренского не вижу». В шутку друзья называли из – за этого Оленину Бренской. Для девушки эти свидания, скорее всего, были занимательным флиртом, отвлекающим от печальных мыслей. Общение с Пушкиным не только льстило её самолюбию, но, прежде всего, было для неё очень интересно: она серьёзно увлекалась его творчеством, её «Дневник» того периода изобилует записанными по памяти и оттого не всегда точными цитатами из пушкинских произведений.

П.А. Вяземский
Рис. А.С. Пушкина 1826 г.

Анна прозвала Пушкина «Red Rower» по имени главного героя вышедшего тогда романа Фенимора Купера «Красный корсар», где выведен образ свободолюбивого благородного разбойника с сильными страстями. Нельзя не признать, что прозвище это меткое: персонаж Купера похож на Пушкина даже внешне – тот же маленький рост, вьющиеся волосы, умные голубые глаза. Начитанная, острая на язычок Оленина умела придумывать точные прозвища.

Встречаясь с Пушкиным в Летнем саду, танцуя с ним на балах и званых вечерах, девушка невольно давала ему надежду на взаимность. Поэт страстно увлёкся ею, мечтал о браке. В подаренном Анне стихотворении «Её глаза» он назвал её «Олениной моей», что не понравилось матери девушки Елизавете Марковне:

Она мила – скажу меж нами —
Придворных витязей гроза,
И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами,
Её черкесские глаза,
Она владеет ими смело,
Они горят огня живей;
Но сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!..
Потупит их с улыбкой Леля —
В них скромных граций торжество;
Поднимет – ангел Рафаэля
Так созерцает божество.

Стихи написаны в ответ на «Чёрные очи» П.А. Вяземского, который воспел прекрасные глаза Александры Осиповны Россет.

Второй стих первоначально читался «Твоя Россети егоза». Стихотворение было предназначено для узкого круга друзей. Когда без разрешения Пушкина его напечатали в альманахе «Северная звезда» в 1829 году, это вызвало протест поэта, несмотря на то, что фамилия Олениной была заменена на условное имя Элодия.

Обращает на себя внимание, что поэт воспел не столько внешнюю красоту очей возлюбленной, сколько отражённый в них богатый внутренний мир, подметив сходство взора девушки и ангела на картине Рафаэля «Сикстинская Мадонна». Здесь Пушкин как бы не замечает присущего Олениной тонкого кокетства, которому П.А. Вяземский посвятил шуточные стихи и записал их по просьбе девушки в её альбом:

Любви я рад всегда кокетство предпочесть.
Любовь – обязанность и может надоесть.
Любовь как раз старьё: оно всегда новинка.

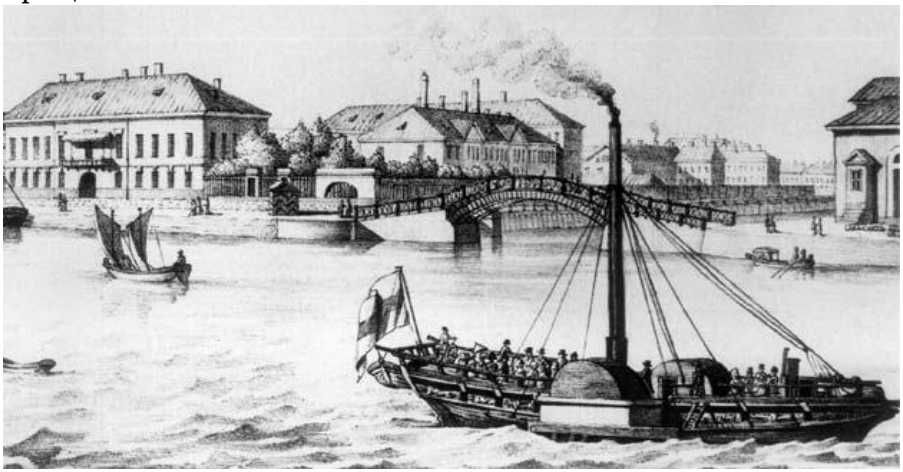
Кокетство – чувства блеск и опыт поединка,
Где вызов – нежный взор, оружие – слова,
Где сердце – секундант, а в деле – голова.

А.А. Оленина. Худ. Г.Г. Гагарин. 1833 г.

Интересно, что роман о своих отношениях с Пушкиным, который Оленина начала в дневнике, а потом забросила, она назвала «Непоследовательность, или Любовь достойна снисхождения». Видимо, речь шла о её необдуманном кокетстве с поэтом.

Пушкин сделался завсегдатаем литературного салона Олениных. С надеждой спешил поэт в дом Гагарина на набережной Невы (*современный адрес – Дворцовая набережная, 10*), где Олонины снимали второй этаж, а летом приезжал к ним на дачу в Приютино. Вместе с Пушкиным и Вяземским в конце весны и начале лета там бывали Александр Грибоедов и Адам

Мицкевич. Творческое общение между друзьями продолжалось во время прогулок в живописном парке. В просторной гостиной приютинского дома вечера проходили столь же интересно, как и в петербургском салоне. Но пожалуй, главным магнитом, притягивающим поэта в Приютино, была тогда Анета. Девушке льстило внимание поэта, восхищали его нежные стихи, обращённые к ней.



Пароход идёт в Кронштадт Фрагмент литографии. 1820–е гг.

Внешне она довольно благосклонно относилась к Пушкину. С ним ей было весело и интересно. Однако Оленина благоразумно избегала откровенных объяснений и держала поэта на определённом расстоянии. В то же время она не придавала большого значения светским сплетням о Пушкине и записала в дневнике: «Говорили ещё, что он дурной сын, но в семейных делах невозможно знать; что он распутный человек, да к похвале всей молодёжи, они почти все таковы». Девушка считала, что «он умён, иногда любезен, очень ревнив, несносно самолюбив и неделикатен».

Пушкин мечтал о женитьбе на Анете. В черновиках своих рукописей он часто рисовал её портреты и писал по – французски её имя, анаграммы «Ettenna», «Aninelo», инициалы А.О. и А.Р. Вот что П.А. Вяземский писал жене 5 мая 1828 года: «Пушкин думает и хочет дать думать ей и другим, что он в неё влюблён…». Поняв намерения поэта, Анна стала вести себя с ним более сдержанно и насторожённо, боясь, как бы его настойчивость не повредила её репутации, не отвратила других женихов.

9 мая 1828 года Пушкин вместе с Олениными совершает круиз на пироскафе в Кронштадт, видимо, связанный с проводами художника Джорджа Доу, возвращавшегося на родину после окончания работы над портретами героев войны 1812 года для

Военной галереи Зимнего дворца. Художник набросал портрет Пушкина и получил в ответ стихи:

Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?
Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофель.

Рисуй Олениной черты.
В жару сердечных вдохновений
Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений.

Поэт, критически относившийся к своей внешности, здесь противопоставляет её красоте любимой девушки. Но в стихах чувствуется не горечь, а, пожалуй, лёгкая ирония, как и в известном стихотворении, обращённом к художнику Оресту Кипренскому, написавшему портрет поэта в 1827 году:

Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит.

Пушкина пока не огорчает сдержанность девушки, прекрасные черты которой он советовал запечатлеть Доу.

А.А. Оленина
Рис. А.С. Пушкина 1829 г.

Поэт склонен приписывать всё девичьей скромности или, может быть, кокетству:

Увы! Язык любви болтливой,
Язык и скромный, и простой,
Своею прозой нерадивой
Тебе докучен, ангел мой.
Ты любишь мерные напевы,
Ты любишь рифмы гордый звон,
И сладок уху милой девы
Честолюбивый Аполлон.
Тебя страшит любви признанье,
Письмо любви ты разорвёшь,
Но стихотворное посланье
С улыбкой нежною прочтёшь.
Благословен же будь отныне
Судьбою вверенный мне дар…

Здесь упоминается бог Аполлон, или Феб, которого древние греки считали покровителем искусств. Это имя довольно часто встречается в поэзии пушкинской эпохи.

А.С. Пушкин
Худ. Г. Гиппиус. 1828 г.

«Стихотворное посланье» Пушкина осталось незавершённым и к адресату не попало. 20 мая поэт в компании друзей гостил в Приютине. В тот день Анна невольно обратилась к нему на «ты», что оживило его надежды на брак с нею. Даже тучи докучливых приютинских комаров не раздражали его, и, по словам П.А. Вяземского, он восклицал: «Сладко! Сладко!» По возвращении из Приютина, 23 мая, воодушевлённый Пушкин написал стихотворение «Ты и Вы», в котором признавался в своей любви:

*Пустое **вы** сердечным **ты***
Она, обмолвясь, заменила,
И все счастливые мечты
В душе влюблённой возбудила.
Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с неё нет силы;
*И говорю ей: как **вы** милы!*
*И мыслю: как **тебя** люблю!*

25 мая поэт вместе с Вяземским, Мицкевичем, Сергеем Голицыным (по прозвищу Фирс) и Олениными вновь едет в Кронштадт для осмотра готовящейся к отплытию в море флотилии. На этот раз слишком сдержанное поведение Анны огорчает Пушкина. На обратном пути пироскаф попадает в шторм. Ненастье перекликается с мрачноватым настроением поэта. «Пушкин дуется, хмурится, как погода, как любовь», –

писал П.А. Вяземский жене по этому поводу. Настроение ненастного вечера вылилось в печальное философское стихотворение «Дар напрасный, дар случайный…», сочинённое Пушкиным в день своего рождения 26 мая 1828 года. Интересно, что поэт начертал профиль Олениной на листе со списком этих стихов, которые заканчиваются так:

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

Надежды на успешное сватовство всё же не покидают поэта. В черновиках начатой в то время поэмы «Полтава» он снова и снова рисует портреты Анеты, пишет имя девушки рядом со своим. Одно время он даже думает дать имя Анна главной героине, но потом меняет намерение. 27 мая Пушкин вновь отправляется в Приютино, где вручает Анне Алексеевне стихотворение «Ты и Вы». Однако к такому поэтическому признанию в любви девушка предпочла отнестись как к обычному мадригалу.

В начале июня Пушкин по – прежнему часто бывает в Приютине, вдохновляясь своими чувствами к Анне, пишет стихотворение «Кобылица молодая…» («Подражание Анакреону»), которое датируется 6 июня 1828 года:

Кобылица молодая,
Честь кавказского тавра,
Что ты мчишься, удалая?
И тебе пришла пора;
Не косись пугливым оком,
Ног на воздух не мечи,
В поле гладком и широком
Своенравно не скачи.
Погоди, тебя заставлю
Я смириться подо мной:
В мерный круг твой бег направлю
Укороченной уздой.

Здесь иносказательно говорится о юной Олениной, причём подмечены такие её черты, как ловкость, живость характера, гордость и своенравие, не нашедшие отражения в других стихах Пушкина, обращённых к ней. Интересно, что Анета была великолепной наездницей, и поэт мог видеть её мастерство во

время посещений Приютина. Из писем П.А. Вяземского известно, что Пушкин звал Анету «драгунчиком», по – видимому, за живость характера, умение смело и красиво скакать на лошади и стрелять из лука. Он любил лошадей, часто рисовал их в своих тетрадях, а однажды и себя изобразил в конском облике в черновике элегии «Андрей Шенье». Поэтому неудивительна ассоциация образа очаровавшей его девушки – наездницы с образом молодой кобылицы.

Голова лошади и автопортрет
Рис. А.С. Пушкина в черновике стихотворения «Андрей Шенье»
1825 г.

Обладая красивым голосом, Анна Оленина брала уроки музыки и вокала у молодого тогда композитора Михаила Глинки. Пушкиноведы М.А. и Т.Г. Цявловские предположили, что впечатление от исполнения ею во время такого урока песни на грузинскую мелодию, привезённую Грибоедовым с Кавказа, легло в основу стихотворения, датированного 12 июня 1828 года:

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной.
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальний.

Увы! напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь, и при луне
Черты далёкой, бедной девы…

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поёшь – и предо мной
Его я вновь воображаю…

Первая строка в ранней редакции была такой: «Не пой,

волшебница, при мне». Стихотворение стало впоследствии известным романсом. Вот как о событиях, связанных с рождением стихов, вспоминал М.И. Глинка в своих записках: «Провёл около целого дня с Грибоедовым… Он был очень хороший музыкант и сообщил мне тему грузинской песни, на которую вскоре потом Пушкин написал романс «Не пой, волшебница, при мне…».

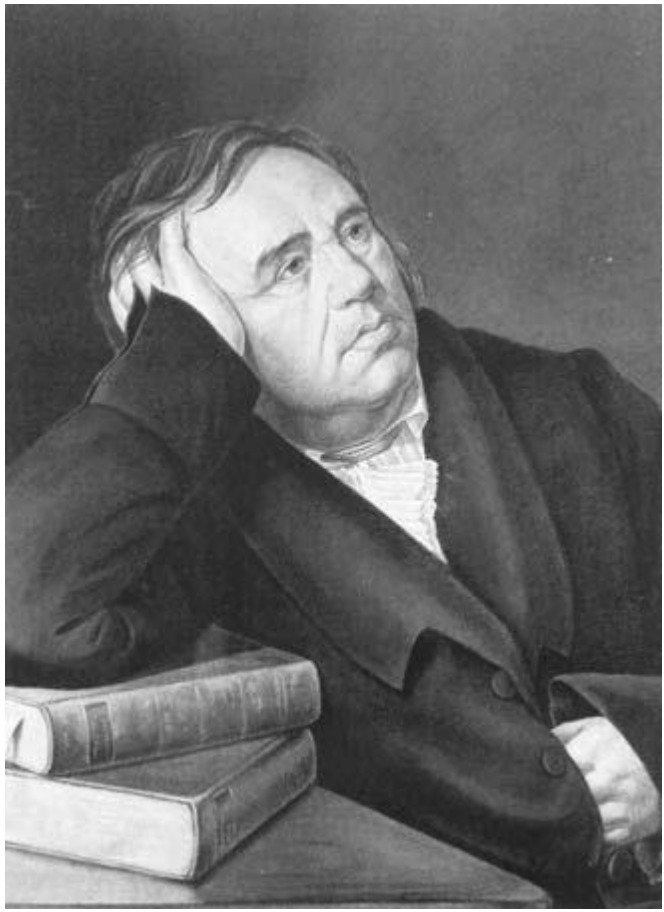
Однако воспоминания Глинки ещё не дают основания с уверенностью относить эти стихи к А.А. Олениной. Композитор давал уроки не только ей, да и в «Дневнике» 13 августа она записала: «Милой Глинка… играл чудесно и в среду придёт дать мне первой урок пенья». Если 15 августа 1828 года состоялся самый первый урок, то кандидатура Олениной на роль адресата стихотворения отпадает. Да и сама Анна Алексеевна это стихотворение к себе не относила.

Чувствуя насторожённость Анны, Пушкин в светском кругу старается вести себя с ней корректно и ненавязчиво. 20 июня 1828 года Оленина записывает в дневнике после беседы с ним в петербургском доме своей тётушки Варвары Дмитриевны Полторацкой, урождённой Киселёвой, что поэт был «довольно скромен» и что она «даже с ним говорила и перестала бояться, чтоб не соврал чего в сантиментальном роде».

Приютино. Музыкальная гостиная. Фото 2008 г.

Гостиная Олениных в Приютине. Худ. Ф.Г. Солнцев. 1834 г.

В кругу близких друзей Пушкин неосторожно роняет фразу вроде: «Мне бы только с родителями сладить, а с девчонкой уж я слажу», не ожидая, конечно, что это может дойти до Олениных. Слова Пушкина передала им несколько позже В.Д. Полторацкая, которая прочила Анну за своего брата Николая Дмитриевича Киселёва, обаятельного молодого дипломата, умевшего нравиться женщинам. Этим «тётушка» рассчитывала «расчистить путь» брату, вызвав возмущение Анны и её родителей, которые и так были не в восторге от ухаживаний Пушкина.



И.А. Крылов
Пастель П.А.Оленина 1824 г.

Отношение Олениных к возможному сватовству Пушкина очевидно из записи в дневнике Анны от 17 июля 1828 года: «Разговорилась я после обеда с Ив. Андр. Крыловым об наших делах. Он вообразил себе, что двор вскружил мне голову и что я пренебрегла бы хорошими партиями, думая выйти за какого – нибудь генерала. В доказательство, что я не простираю так далеко своих видов, назвала я ему двух людей, за которых бы вышла, хотя и не влюблена в них: Меендорфа и Киселёва. При имени последнего он изумился. «Да, – повторила я, – и думаю, что они не такие большие партии, и уверена, что Вы не пожелаете, чтоб я вышла замуж за Краевского или за Пушкина». – «Боже избави, – сказал он, – но я желал бы, чтоб вы вышли за Киселёва, и ежели хотите знать, то он сам того желал, но он и сестра говорили, что нечего ему соваться, когда Пушкин того ж желает».

Н.Д. Киселёв
Неизв. худ.

Знаменитый баснописец И.А. Крылов с 1808 года был практически домочадцем Олениных и наверняка выражал общее мнение семьи. Для Анны желательными женихами были барон А.К. Меендорф, тогда отставной военный, и, особенно, симпатичный Н.Д. Киселёв, а нежелательными – А.С. Пушкин и А.П. Краевский, в то время мелкий чиновник Военного министерства, тщетно пытавшийся привлечь внимание девушки. Но Николай Дмитриевич Киселёв так и не посватался к ней: его денежные дела были расстроены, что не позволяло думать о женитьбе. Пушкин дружил с умным и общительным Киселёвым. К счастью, эта дружба не была омрачена соперничеством в любви. Когда в середине июня 1828 года Киселёв уезжал из Петербурга за границу, Пушкин нарисовал в его записной книжке свой портрет и написал стихи «Ищи в чужом краю здоровья и свободы…».

«Может быть, ещё спасённый, снова пристань я найду…»

У Анны Олениной и её семьи было двоякое отношение к Пушкину: им восхищались как гениальным поэтом, любили его произведения, радушно принимали в своём кругу, но не хотели

видеть супругом и зятем. Общаться с Пушкиным умной и задорной Олениной было, конечно, интересно, приятен был и лёгкий флирт, но не серьёзные ухаживания с видами на брак. Прислушиваясь к мнению родных, она считала его «вертопрахом», не способным обеспечить благополучную семейную жизнь.

У родителей Анны были ещё другие веские причины не выдавать дочь за поэта. Весной и в начале лета 1828 года в отношении Пушкина велось дело об элегии «Андрей Шенье», запрещённый отрывок которой распространялся в списках с пометкой «На 14 декабря». Пушкину грозили неприятности. Он на допросах отвечал, что элегия написана за полгода до восстания декабристов, поэтому не может иметь к нему отношения. Дело закрыли 28 июня 1828 года распоряжением установить за Пушкиным тайный надзор полиции. Госсекретарь А.Н. Оленин, подписавший протокол, разумеется, был в курсе дел.

Летом 1828 года надежды поэта на брак с любимой девушкой таяли на глазах. Досада и сомнения в ответном чувстве Анеты стали, вероятно, причиной появления оттенка пренебрежения в разговорах о ней с Анной Петровной Керн, у которой Пушкин бывал тогда и которая с тайной ревностью относилась к увлечению поэта своей двоюродной сестрой. Анна Петровна вспоминала: «Он никогда не говорил об ней с нежностию и однажды, рассуждая о маленьких ножках, сказал: «Вот, например, у ней вот такие маленькие ножки, да чёрт ли в них». В таком роде он часто выражался о предмете своих воздыханий».

Чувствуя холодноватое отношение со стороны Олениной, поэт ищет утешения в карточной игре. Светские слухи об этом сообщает в письме П.А. Вяземскому от 28 июня 1828 года дочь знаменитого историка С.Н. Карамзина: «Говорят, что Пушкин, чтобы утешиться в превратностях любви, играет и проигрывает все свои деньги». На этом фоне поэт заводит роман со «светской львицей» А.Ф. Закревской по прозвищу Медная Венера, которой посвящает несколько стихотворений. Однако связь с этой экстравагантной замужней женщиной, которую он в стихах назвал «беззаконной кометой», не может затмить в его сердце любовь к «ангелу безмятежному» Олениной, с самого начала связанную со стремлением вступить в брак.

Вероятно, к 11 августа, дню рождения Анеты, Пушкин начинает сочинять мадригал, где восхваляет её многочисленные достоинства:

Вы избалованы природой,
Она пристрастна к вам была,
И наша страстная хвала

Вам кажется докучной модой.
Вы сами знаете давно,
Что вас хвалить немудрено,
Что ваши взоры – сердцу жалы,
Что ваши ножки – очень малы,
Что вы чувствительны, остры,
Что вы умны, что вы добры,
Что можно вас любить сердечно.
Но вы не знаете, конечно,
Что и болтливая молва
Порою правды не умалит,
Что иногда и сердце хвалит,
Хоть и кружится голова.

Пушкин так и не вписал эти стихи в альбом Анеты. Видно, не был ими удовлетворён: они кажутся несколько суховатыми в сравнении с другими его стихотворениями к Олениной, которые согреты тёплыми, искренними чувствами. В этом мадригале ощущается не любовь, а только очарование юной красавицей, избалованной вниманием светских молодых людей и комплиментами маститых литераторов. Повторяться Пушкину не хотелось. К примеру, Н.И. Гнедич, завсегдатай салона Олениных, тоже писал в её альбомы стихи, в которых советовал ей блистать «и сердца добротой, и разума приятством», называл «умной и милой Анетой». Юная Оленина действительно обладала такими качествами. Она была красива, умна, образованна, остроумна, обаятельна. Пушкин верно подметил и её чувствительность. Любопытно, что девушка периодически страдала от невралгических болей в щеке и во всей половине лица – недугом, нередким для таких натур.

В 1829 году поэт немного изменил первые шесть строк стихотворения «Вы избалованы природой…» и сочинил совершенно другое окончание. В таком виде он внёс стихи в альбом Елизаветы Ушаковой. Это не нарушало правил этикета, ведь ранее написанное стихотворение не было известно Олениной.

Поэт приехал в Приютино 11 августа на день рождения Анеты без стихотворного приношения. Она записала в своём дневнике: «Приехал, по обыкновению, Пушкин, или Red Rower, как прозвала я его. Он влюблён в Закревскую. Всё об ней толкует, чтобы заставить меня ревновать, но притом тихим голосом прибавляет мне разные нежности».

Приютино. Комната А.А. Олениной. Фото 2008 г.

Однако вызвать ревность поэту не удалось: Анета Оленина не любила Пушкина, хотя была в восторге от его произведений и многие из них знала наизусть. Её сердце тогда принадлежало другому. Предметом нежных воздыханий девушки, причём тоже безответных, был блестящий офицер Алексей Яковлевич Лобанов – Ростовский, осенью 1828 года за храбрость и большие заслуги при взятии Варны получивший орден св. Георгия и генеральский чин. Ему было тогда 32 года, он уже успел овдоветь и имел на попечении троих маленьких детей. Занятый своими проблемами, он, видно, не обращал на Анету особого внимания, хотя и вел себя с нею по – светски любезно. Она поняла это весной 1828 года и написала в дневнике: «29 марта я сердце своё схоронила и навеки». Анета умела хорошо скрывать свои чувства за напускной весёлостью, и даже родные не догадывались о её переживаниях, о которых знала только близкая подруга Мария Эльмпт. Здесь вновь просматривается сходство юной Олениной с Татьяной Лариной. Хотя к лету сердечная рана Анеты затянулась, дневниковые записи говорят о том, что при каждой встрече с Алексеем её прежнее чувство оживало. Его можно сравнить с занозой, надолго застрявшей в девичьем сердечке, которая больно колет, стоит только её чуть тронуть. Несколько минут разговора с любимым на светском рауте в апреле 1829 года казались ей раем и счастьем, несмотря на то что она вовсе не идеализировала предмет своей любви и видела многие его недостатки. Сознавая, что брак с Алексеем невозможен, Анета

считала, что ей предстоит выйти замуж по соображениям благоразумия и взаимной симпатии, но не по страсти. Она готова была подчиниться воле родителей, но такое будущее страшило её. «Что, Анета, что с тобою? Всё один ответ – я грущу, а слёз уж нет», – писала она по этому поводу, по памяти цитируя стих из LIX строфы I главы «Евгения Онегина». Девушка размышляла о трудных обязанностях жены, о возможных изменах будущего мужа, которому она, тем не менее, останется верна: «Как часто придётся мне вздыхать из – за того, кто перед престолом Всевышнего получит мою клятву повиновения и любви; как часто, увлекаемый пылкими страстями молодости, будет он забывать свои обязанности, как часто будет любить других, а не меня! Но я? преступлю ли законы долга, будучи пренебрегаема мужем? Нет, никогда! Жизнь не вечна, и хоть она будет несносна, я знаю, что после неё есть другой мир – мир блаженства. Для этого мира и ради долга перенесу все несчастья жизни до самой смерти, которая спасёт меня от горя». Эти слова не отражение светской морали, не ханжество и не гордость перед слабостями других. Они идут из глубины души Анеты Олениной, которая была искренне верующим человеком. Эти слова – скрытый укор поведению развращённой молодёжи, к которой девушка относила и Пушкина, увлёкшегося Закревской. Зная о его любви к себе и восхищаясь чудесными нежными стихами, Анета, видимо, не верила в долговечность и серьёзность чувств поэта, как не верил в них его ближайший друг Вяземский. Пушкин не казался Олениной подходящей партией.

А.Я. Лобанов – Ростовский
Худ. Ф. Йенцен с оригинала Ф. Крюгера 1828–1829 гг.

От печальных размышлений Анету отвлекла встреча с Алексеем Петровичем Чечуриным, молодым хорунжим Казачьего полка. Юноша сразу показался ей близким к её идеалу внешне и внутренне: стройный, высокий, красивый, благородный, не испорченный развратом и светскими интригами.

А.А. Оленина
Рис. А.С. Пушкина 1828 г.

Его рассказ о сиротском детстве и отрочестве в Сибири, о безответной любви, о встрече с декабристами в Чите тронул её, и

она приняла в его судьбе самое живое участие. В дневнике Анета начала писать маленькую романтическую повесть или новеллу о юном благородном казаке, решившем добровольно участвовать в русско – турецкой войне и приехавшем за назначением в Петербург. Здесь он встретил необыкновенно умную, красивую, чувствительную, немного избалованную и чуть – чуть капризную девушку, Анету Оленину, окружившую его заботой и пониманием. Он раскрыл перед ней свою душу, а она пылко предостерегала неопытного юношу от излишнего доверия к светским молодым людям и просила никому не рассказывать о декабристах. По её приглашению он приехал в Приютино и скоро стал любимцем собиравшегося там кружка. Общение и весёлые игры на лоне прекрасной природы способствовали тому, что юноша влюбился в очаровательную девушку, но не смел ей сказать об этом прямо, написав признание на монгольском языке.

Приютино. Вид на дом Олениных. Фото 2001 г.

Девушка всё поняла и так, но, увы, она любила казака только как младшего брата, потому что сердце её тогда было несвободно. Девушка со слезами провожала юношу на войну, спрятав оставленные им в Приютине сочинения декабристов и именное оружие. С дороги казак прислал возлюбленной браслет, сплетённый своими искусными руками… На этом сюжет в дневнике Анеты обрывается. Её чувства к Алексею Чечурину, похоже, были во многом навеяны литературным интересом к его необычной, с её точки зрения, судьбе и знакомством с осуждёнными декабристами. Дальнейшая судьба казака

неизвестна. Вероятнее всего, он вернулся с войны, а потом его след затерялся. Оленина больше не упоминала о нём в своём дневнике. Если бы он погиб, вряд ли она обошла бы это событие вниманием, ведь русско – турецкая война нашла в её душе живой отклик.

В августе 1828 года над Пушкиным вновь нависла угроза ссылки. Против него открыли второе дело, касающееся написания фривольной и кощунственной поэмы на искажённый библейский сюжет «Гавриилиада», распространявшейся в списках и приписываемой Пушкину. Предположительно, он написал эту поэму в Кишинёве в 1821 году. Позднее религиозные воззрения поэта изменились и он сожалел о своей литературной «шалости». Дело о «Гавриилиаде» приняло огласку и особенно возмутило глубоко верующую Елизавету Марковну Оленину, мать Анеты. «Ты зовёшь меня в Пензу, – писал Пушкин Вяземскому, – а того и гляди, что я поеду далее,

Прямо, прямо на восток».

Поэт сначала отказывался от авторства, надеясь на благоприятный исход дела и всё ещё лелея надежды на брак с Анной Олениной. По поводу грозящей ему ссылки он написал грустное стихотворение «Предчувствие»:

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне…
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомлённый,
Равнодушно бури жду:
Может быть, ещё спасённый,
Снова пристань я найду…
Но предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз.

Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: прости,

Опечалься: взор свой нежный
Подыми иль опусти;
И твоё воспоминанье
Заменит душе моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юных дней.

Здесь нет прямого признания в любви к Анне, но этим чувством проникнута вся вторая половина стихотворения, в которой образ любимой девушки перекликается с образом «ангела Рафаэля» в стихотворении «Её глаза».

В конце концов дело о «Гавриилиаде» завершилось благополучно. В личной беседе с царём Пушкин, видно, сознался в авторстве. Следствие было прекращено 31 декабря 1828 года по резолюции Николая I: «Мне это дело подробно известно и совершенно кончено». Но в августе до такого благоприятного исхода было ещё далеко.

Сватался ли Пушкин к Анне Олениной в таких осложнившихся обстоятельствах? На этот счёт имеется несколько мнений. По воспоминаниям художника Ф.Г. Солнцева, часто бывавшего у Олениных, поэт получил резкий отказ: Елизавета Марковна не простила ему бурных заблуждений юности и считала, что он, будучи «вертопрахом», не сможет составить счастья любимой дочки. И действительно, с точки зрения формального расчёта, Пушкин был незавидным женихом: небогатым, не имеющим постоянного источника доходов, политически неблагонадёжным, картёжником.

Существует и другая версия событий, связанных со сватовством поэта к Анне Алексеевне. Как вспоминал академический гувернёр Н.Д. Быков, «Пушкин посватался к Олениной и не был отвергнут. Старик Оленин созвал к себе на обед своих родных и приятелей, чтобы за шампанским объявить им о помолвке своей дочери за Пушкина. Гости явились на зов, но жених не явился. Оленин долго ждал Пушкина и наконец предложил гостям сесть за стол без него. Александр Сергеевич приехал после обеда, довольно поздно. Оленин взял его под руку и отправился с ним в кабинет для объяснений, закончившихся тем, что Анна Алексеевна осталась без жениха».

А.А. Оленина.
Рис. А.С. Пушкина. 1828 г.

Но вряд ли суть этого рассказа соответствует действительности: если бы поэт сам отказался от помолвки, получив согласие родителей, он бы не переживал так долго по поводу несостоявшегося брака с Олениной. Да и не был академический гувернёр Быков особенно близок к Олениным, чтобы знать наверняка о событиях в этой семье.

Третья версия состоит в том, что Пушкин вообще не делал формального предложения Анне Олениной, поскольку в обстоятельствах ведения против него дела о «Гавриилиаде» отрицательный ответ было неминуем. Кроме того, поэт продолжал иногда бывать в доме Олениных и после 1828 года, что в случае неудачного сватовства не приветствовалось светским этикетом.

А.Н. и А.А. Оленины
Рис. А.С. Пушкина в черновике поэмы «Тазит» 1829 г.

Если смотреть на события со стороны, то ясно, что сватовство Пушкина было обречено на провал. Однако, на наш взгляд, это не является безусловным аргументом в пользу точки зрения, что Пушкин к Олениной вовсе не сватался. Поэт не знал о записях Анны в дневнике на свой счёт, ему неведомы были разговоры в её семье о возможном браке с Киселёвым. Вряд ли Пушкин «похоронил» бы свою мечту о браке с Анной Алексеевной, хотя бы не «прощупав почву» в разговоре с отцом девушки, о чём косвенно свидетельствуют воспоминания Н.Д. Быкова. Вряд ли это

свидетельство основано лишь на пустых слухах. Объяснение А.С. Пушкина и А.Н. Оленина по поводу Анны Алексеевны после опоздания поэта на какой – нибудь званый обед вполне могло состояться. Это не противоречит этикету пушкинской эпохи. Пример объяснений такого рода в случае неуверенности жениха в успехе сватовства есть в воспоминаниях Елизаветы Петровны Яньковой, один из двоюродных братьев которой, граф Пётр Степанович Толстой, прежде чем делать формальное предложение её дочери Аграфене Дмитриевне, решил благоразумно выяснить мнение семьи: «Однажды он говорит мне: «Ma cousine, что бы вы мне сказали, если бы я посватался за одну из ваших дочерей, за Agrippine?» Я спрашиваю его: «Да что ты это в шутку мне говоришь?»

– Нет, ma cousine, очень серьёзно, – отвечал он.

– Ну и я скажу тебе серьёзно, что мы слишком близкие родные, чтобы я согласилась отдать за тебя которую – нибудь из моих дочерей. Твоя мать мне родная тётка, и вдруг Грушенька будет ей снохой: да этого брака и архиерей не разрешит…» Разговор состоялся в конце 1810–х или начале 1820–х годов. Е.П. Янькова относилась к этому разговору как к неформальному сватовству и говорила, что её дочь могла быть замужем за П.С. Толстым. Таким же неформальным было, скорее всего, сватовство Пушкина к Олениной. Косвенным аргументом в пользу этого являются рисунки Пушкина в рукописи неоконченной поэмы «Тазит». Опоэтизированный портрет Анны Алексеевны и профиль её отца начертаны на листе с описанием сцены неудачного сватовства главного героя:

И он, не властный превозмочь
Волнений сердца, раз приходит
К её отцу, его отводит
И говорит: «Твоя мне дочь
Давно мила. По ней тоскуя,
Один и сир, давно живу я.
Благослови любовь мою…»
<…>
Но с неприязненною думой
Ему внимал старик угрюмый,
Главою белой покачал,
Махнул рукой и отвечал:
<…>
«…Какой безумец, сам ты знаешь,
Отдаст любимое дитя!
Ты мой рассудок искушаешь,

Иль празднословя, иль шутя.
Ступай, оставь меня в покое».

В письме Вяземскому, начатом 19–20 августа и законченном 1 сентября 1828 года, Пушкин пишет: «Я пустился в свет, потому что бесприютен. Если б не твоя Медная Венера, то я бы с тоски умер». Объяснение поэта с Олениным, полностью развеявшее его иллюзии в отношении брака с Анной, могло состояться именно в те дни. Вяземский ответил другу вопросом – каламбуром: «Разве тебя более в Приютино не пускают…?»

В Приютино Пушкина, конечно, приглашали. 5 сентября он приехал на праздник в честь именин Елизаветы Марковны Олениной и, наверное, с грустью смотрел, как очаровательная Анна блистает во всех трёх действиях театрализованной шарады «Меломания». «Прощаясь, Пушкин сказал мне, что должен ехать в свои имения, если только ему достанет решимости – добавил он с чувством», – записала Анна. Это был последний визит поэта в имение Олениных. Двери их дома по – прежнему оставались для него открытыми, но бывать там, где он пережил глубокое разочарование и обиду, видимо, поэт уже не хотел.

Приютино. Панорама пруда. Фото 2008 г.

После его отъезда состоялся важный разговор Анны Олениной с Сергеем Григорьевичем Голицыным (Фирсом), который был её другом и своего рода сердечным поверенным.

Анна записала в дневнике: «Я напомнила Сержу Гол<ицыну> его обещание рассказать мне о некоторых вещах. Поломавшись, он сказал мне, что это касается поэта. Он умолял меня не менять своего поведения, укорял маменьку за суровость, с которой она обращалась с ним, сказав, что таким средством его не образумить. Когда я рассказала ему о дерзости, с которой Штерич разговаривал со мной у графини Кутайсовой о любви Пушкина, он объявил, что тоже отчитал его, сказав, что это не его дело и что я очень хорошо ему ответила. А когда я выразила ему своё возмущение высказываниями Пушкина на мой счёт, он мне возразил: «По – вашему, он говорил: «Мне бы только с родными сладить, а с девчонкой уж я слажу», – не так ли. Но ведь это при мне было и не так сказано, но ведь я знаю, кто вам сказал и зачем. Вам сказала Вар<вара> Д<митриевна>. И тут я подумала, что у него такие же веские доводы, как и у меня, и умолкла».

С.Г. Голицын (Фирс)
1820–е гг.

Из разговора следует, что, хотя Елизавета Марковна Оленина

выказывала «суровость» в отношении поэта, Анна вела себя с ним более мягко и тактично. Она старалась «образумить» поэта, не задев его самолюбия. Для неё нежелательны были светские толки об их отношениях, поэтому она резко осадила молодого камер – юнкера Е.П. Штерича, бестактно вмешавшегося не в своё дело. Однако и Оленины, и Пушкин находились на виду у всех и слухов о неудачном сватовстве поэта избежать не удалось.

Сергей Голицын сыграл роль примирителя сторон, убеждая Анну не менять поведения по отношению к Пушкину, и сумел успокоить её в отношении неловкого высказывания поэта, намеренно искажённого В.Д. Полторацкой. Судя по всему, Оленина смогла и в дальнейшем выдержать нужный тон по отношению к Пушкину: крушение надежд на брак с нею тогда отозвалось в сочинениях и зарисовках поэта ностальгическими мечтами и печалью, а не раздражением. В черновиках «Полтавы», к работе над которой Пушкин вернулся в октябре 1828 года, остались портреты Анны, её инициалы, анаграммы и даже густо зачёркнутая надпись по – французски «Annette Poushkine». Перед отъездом поэт написал стихотворение «Город пышный, город бедный…», в котором высказывал сожаление о разлуке с мрачноватым Петербургом, где остаётся очаровавшая его девушка:

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелёно – бледный,
Скука, холод и гранит —
Всё же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьётся локон золотой.

Может быть, собираясь в дорогу, поэт вспоминал, как ещё недавно рисовал гирлянды из маленьких женских ножек вокруг стихотворений, вписанных им в альбомы миниатюрной светловолосой красавицы Олениной…

Пушкин едет в Малинники, имение П.А. Осиповой в Старицком уезде, где сочиняет лирические стихи, работает над VII главой «Евгения Онегина», дорабатывает «Полтаву» и пишет к ней «Посвящение», адресат которого вызывает столько споров среди пушкинистов:

Тебе – но голос музы тёмной
Коснётся ль уха твоего?

Поймёшь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвящение поэта,
Как некогда его любовь,
Перед тобою без ответа
Пройдёт непризнанное вновь?

Узнай, по крайней мере, звуки,
Бывало милые тебе —
И думай, что во дни разлуки,
В моей изменчивой судьбе,
Твоя печальная пустыня,
Последний звук твоих речей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

По сложившейся традиции «Посвящение» относят к Марии Николаевне Волконской, последовавшей за мужем – декабристом в Сибирь. Главным обоснованием этой гипотезы является черновой вариант тринадцатого стиха «Сибири хладная пустыня», прочитанный известным пушкинистом П.Е. Щёголевым. Но существуют и другие предположения об адресате «Посвящения». Есть веские основания относить его к Анне Олениной. Она была единственной из всех современниц Пушкина, воспринявших эти стихи на свой счёт и узнавших «звуки, бывало милые» ей. Её мнение разделял Сергей Дмитриевич Полторацкий, приходившейся ей двоюродным братом. Он был в дружеских отношениях с поэтом, а впоследствии стал усердным собирателем его поэтического наследия и биографических материалов. С.Д. Полторацкий отличался объективностью суждений, и родственные связи не могли оказать влияния на его вывод. Да и «непризнанная любовь», «печальная пустыня», «последний звук речей», о которых говорится в «Посвящении», вполне могли ассоциироваться у Пушкина с недавним прощанием с Анетой в Приютине.

«Я вас любил безмолвно, безнадежно…»

Сердце поэта было разбито, хотя вряд ли эта избитая фраза уместна в данном случае. Фигурально выражаясь, дом Олениных вообще можно назвать «домом, где разбиваются сердца» русских поэтов. В 1809 году Н.И. Гнедич страстно влюбился в юную обворожительную Анну Фёдоровну Фурман, в детстве оставшуюся

сиротой и воспитывавшуюся в семье Олениных. Елизавета Марковна и Алексей Николаевич очень благоволили Гнедичу и советовали посвататься, но Анна не скрыла своего равнодушия к одноглазому, обезображенному оспой поэту. В 1814 году задумчивую голубоглазую Анну полюбил Константин Николаевич Батюшков, вернувшийся в Петербург из действующей армии. Страстные мольбы поэта и советы приёмных родителей склонили Анну к согласию на брак с ним, но она честно призналась, что может вручить ему свою судьбу, а не сердце. Благородный Батюшков отказался от брака. Несчастная любовь к Анне Фурман во многом способствовала развитию того душевного недуга, которым он страдал впоследствии. Анна вышла замуж по любви только в 30–летнем возрасте за богатого коммерсанта Вильгельма Оома, несколько лет прожила с ним в Ревеле и, рано овдовев, вернулась в Петербург с четырьмя маленькими детьми. Чтобы содержать обедневшую семью, Анна Фёдоровна многие годы служила главной надзирательницей Петербургского воспитательного дома. Она по – прежнему тесно дружила с Анной и Варварой Олениными, была желанным гостем в их домах.

Н.И. Гнедич. Д. Доу (?)
с оригинала О.А. Кипренского 1822 г.

В конце 1828 года Пушкин, не найдя в семье Олениных опоры и ожидаемого понимания, переживает глубокое разочарование. В начале декабря поэт приезжает в Москву, где получает письмо А.А. Дельвига, который пишет: «Город Петербург полагает отсутствие твоё не бесцельным. Первый голос сомневается, точно ли ты без нужды уехал, не проигрыш ли какой был причиною; 2–й уверяет, что ты для материалов 7–й песни «Евгения Онегина» отправился; 3–й уверяет, что ты остепенился и в Торжке думаешь жениться; 4–й же догадывается, что ты составляешь авангард Олениных, которые собираются в Москву…»

Однако это не все слухи об отношениях Пушкина и Олениных. Когда по прибытии в Москву он посетил дом Ушаковых, тем уже были известны толки об увлечении поэта Олениной и отказе её родителей. Екатерина Николаевна Ушакова, за которой ухаживал поэт после возвращения из ссылки, была тогда просватана за Долгорукова. На вопрос Пушкина: «С чем же я – то остался?» – обиженная изменой Ушакова ответила язвительным каламбуром: «С оленьими рогами». В альбоме её сестры Елизаветы Николаевны Ушаковой, в замужестве Киселёвой, сохранились автографы поэта, несколько начертанных им портретов А.А. Олениной и сатирические рисунки сестёр на тему неудавшегося сватовства.

На одной карикатуре нарисована кокетливая молодая особа в тёмной широкополой шляпе. Рядом рукой П.С. Киселёва, сына Елизаветы Николаевны, сделана карандашом надпись: «Оленина». Дама стоит с удочкой на берегу пруда и ловит на приманку в виде большого жука мужчин, плавающих на поверхности. Подпись гласит:

Как поймаю рыбочку
Я себе на удочку,
То – то буду рада,
То – то позабавлюсь,
То – то разгуляюсь!

Шарж на А.А.Оленину и А.С. Пушкина в альбоме Ел. Н. Ушаковой. Л. 94. 1829 г.

На другом берегу нарисован мужчина в цилиндре и с тростью, по словам Киселёва, А.С. Пушкин, и написано: «Madame, il est temps de finir!» («Мадам, пора заканчивать!»). Обращение к Олениной как к замужней женщине, наводит на такую мысль: карикатура содержит намёк на участь Пушкина в случае женитьбы на ней. Здесь чувствуется перекличка с фразой Екатерины Ушаковой об «оленьих рогах».

Особенно интересен рисунок, где изображён мужчина с бакенбардами, похожий на Пушкина, целующий ручку у модно одетой дамы. Рукой Екатерины Ушаковой выведена подпись:

Прочь, прочь отойди,
Какой беспокойный!
Прочь, прочь, отвяжись,
Руки недостойный!

Изображённая в шаржированном виде дама с высокой причёской и маленькими ножками очень напоминает Оленину, как её рисовал поэт в том же альбоме. Характерно, что её ручка сложена в кукиш.

Шарж на А.А.Оленину и А.С. Пушкина в альбоме Ел. Н. Ушаковой

1829 г.

Однако судьбоносные для Пушкина события накануне нового 1829 года происходят не в доме Ушаковых, а на рождественском балу у танцмейстера Иогеля, где поэт впервые встречает юную красавицу Наталью Гончарову, свою будущую жену. Вспыхнувшая любовь к ней вытеснила прежнее чувство к А.А. Олениной. В начале 1829 года поэт написал чудесную элегию «Я вас любил, любовь ещё, быть может…», обращённую к Анне. Стихотворение пленяет утончённой романтичностью, красотой и благородством описанных чувств:

Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;

Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

Черновик стихотворения не сохранился, поэтому точная дата его написания неизвестна. Впервые стихотворение было опубликовано в нотном сборнике «Собрание русских песен. Слова А. Пушкина. Музыка разных сочинителей», цензурное разрешение на издание которого получено 10 августа 1829 года. Готовить сборник наверняка начали за 3–4 месяца до сдачи в цензуру, т. к. ноты гравировались вручную, что требовало длительного времени. Автором музыки к романсу в сборнике значится «граф Т». Это, скорее всего, композитор – любитель граф Сергей Васильевич Толстой, с которым Пушкин общался в доме своих московских друзей Ушаковых, где оба они были частыми гостями. Там и мог получить С.В. Толстой стихи «Я вас любил…» в начале января или в марте – апреле 1829 года, когда поэт жил в Москве. Романс написан до публикации стихов в «Северных цветах на 1830 год», вероятно, по автографу Пушкина или авторитетному списку. Шестая строка в тексте романса читалась «То страстию, то ревностью томим». Такой она была в ранней редакции стихотворения и отражала чувства поэта на момент сочинения стихов.

А.А. Оленина
Рис. А.С. Пушкина 1828 г.

По свидетельству внучки Анны Алексеевны Олениной Ольги Николаевны Оом, издавшей в 1936 году в Париже дневник своей бабушки, в её альбомы великий поэт внёс некоторые обращённые к ней стихотворения. О.Н. Оом в предисловии к изданию писала: «Зная, как я интересовалась её прошлым, бабушка оставила мне альбом, в котором среди других автографов Пушкин в 1829 году вписал стихи «Я вас любил: любовь ещё, быть может…». Под текстом этого стихотворения он в 1833 году сделал приписку:

«plusqueparfait – давно прошедшее, 1833». Завещая мне этот альбом, Анна Алексеевна выразила желание, чтобы этот автограф с позднейшей припиской не был предан гласности. В тайнике своей души сохранила она причину этого пожелания: было ли это простое сожаление о прошлом или затронутое женское самолюбие, мне неизвестно». Альбом хранился в семье О.Н. Оом, в первом браке Звегинцовой, до 1917 года. Наличие в нём пушкинского автографа стихотворения «Я вас любил…» независимо от О.Н. Оом подтверждал известный композитор Александр Алексеевич Оленин, внучатый племянник А.А. Олениной.

Когда же поэт мог записать стихи в упомянутый альбом? Почти весь 1829 год вероятность его встречи с Олениными была небольшой. В октябре 1828 года Пушкин едет в Малинники, а затем в Москву, а Оленины остаются в Петербурге. В начале января 1829 года он возвращается в Петербург – они едут в Москву, в начале марта – он снова в Москве, а они вернулись в Петербург. Поэт мог встретиться с Олениными, разве что, мимолётно в дороге, в лучшем случае на почтовой станции, где обстановка вряд ли располагала к записям в альбомы. 1 мая поэт отправился в южное путешествие, в Арзрум, и в северной столице появился только в ноябре. Он дорабатывает стихотворение «Я вас любил…» и отдаёт его в «Северные цветы» для публикации. В это время его отношения с Олениными обострились, что вылилось в несправедливые строки в черновиках VIII главы «Евгения Онегина», где А.Н. Оленин назван «пролазом» и «нульком на ножках» (намёк на монограмму), а Анна Алексеевна – жеманной, писклявой и неопрятной барышней, обладательницей злого ума. Почему поэт так написал да ещё и вычеркнул фамилию Олениных из списка для рассылки визиток к новому 1830 году? Достоверно не известно, что вызвало резкую вспышку негатива у Пушкина: нахлынувшие вдруг обидные воспоминания, подогретые чьей – то бестактностью, насмешкой, сплетней, клеветой, или какое – то новое недоразумение. Маловероятно, чтобы поводом послужили высказывания или поступки самих Олениных, которые опасались светских слухов, способных бросить тень на репутацию незамужней Анны. Самой девушке, тем более, было ни к чему высказываться в свете на этот счёт почти через год, когда инцидент давно исчерпан. Она была увлечена благоразумными мыслями о возможности выйти замуж за Матвея Виельгорского. А злопыхателей и сплетников в высшем свете имелось предостаточно.

Вряд ли это был серьёзный инцидент. Излив раздражение на бумаге, поэт успокоился. Обидные строки об Олениных в беловик

не попали. В тот же период Пушкин нарисовал упомянутые выше чудесные портреты А.Н. и А.А. Олениных в черновиках «Тазита». 12 января 1830 года поэт объявился в их доме в маске и домино в весёлой компании ряженых вместе с Е.М. Хитрово и её дочерью Д.Ф. Фикельмон. Последняя писала, что Пушкин и её мать были тотчас узнаны под масками. Тогда, скорее всего, и появилось в альбоме Анны Алексеевны знаменитое стихотворение «Я вас любил…». Это переводило их отношения в иную плоскость: любовь и ухаживания Пушкина становились достоянием прошлого.

Существуют разные версии об адресате стихотворения «Я вас любил…». Среди его возможных вдохновительниц называют Марию Волконскую, Каролину Собаньскую, Наталью Гончарову и даже Анну Керн. Однако все эти гипотезы основаны на сугубо косвенных аргументах, а некоторые из них высказаны исходя из датировки стихотворения концом 1829 года, которой придерживались до обнаружения нотного сборника с первой публикацией. Да и трудно отнести к этим женщинам, которыми поэт увлекался в разное время, 3–й и 4–й стихи: вряд ли их могла тогда тревожить или печалить любовь Пушкина. А к Анне Олениной эти строки, как и все остальные, отнести вполне естественно. Самым вероятным адресатом стихотворения является, конечно, именно она, что подтверждает и запись Пушкина под автографом в альбоме «plusqueparfait».

В феврале 1833 года Пушкин вместе с Олениными участвовал в похоронах Н.И. Гнедича, близкого друга этой семьи, почти домочадца. Наверняка одинокого поэта помянули у них. Обидная для Олениной приписка могла появиться именно тогда. Вряд ли в такой скорбный день Анна приставала к Пушкину с просьбой писать в её альбоме. Она, видимо, просто выложила альбомы для желающих сделать запись. Может быть, написав «давно прошедшее», поэт понял, что приписка огорчит девушку, и чтобы смягчить впечатление, записал на следующей странице, ещё остававшейся пустой, стихотворение «Что в имени тебе моём…»:

Что в имени тебе моём?
Оно умрёт, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мёртвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нём? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя,
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я…

Здесь звучат одновременно грустные нотки прощания с женщиной, любовь к которой осталась в прошлом, и надежда на то, что эта женщина иногда все – таки вспомнит о поэте. Стихотворение было вписано Пушкиным 5 января 1830 года в альбом Каролины Собаньской, которой, вероятнее всего, и посвящено.

Каролиной Адамовной, красавицей – полькой, Пушкин увлекался во время южной ссылки. Собаньская была, кажется, соткана из противоречий: с одной стороны – изящная, умная, образованная женщина, увлекающаяся искусствами и хорошая пианистка, а с другой стороны – ветреная и тщеславная кокетка, окружённая толпой поклонников, сменившая несколько мужей и любовников, да к тому же, по слухам, тайный агент правительства на юге. Отношения Пушкина с Каролиной были далеко не платоническими, о чём свидетельствует письмо поэта к ней: «Вы знаете, что я испытал на себе все ваше могущество. Вам я обязан тем, что есть самого судорожного и мучительного в любовном опьянении, и всё, что есть в нём самого ошеломляющего». Но, как и в случае с Закревской, вспыхнувшее вновь в начале 1830 года чувство к Собаньской было недолгим и не смогло затмить нежную любовь к Наталье Гончаровой и желание соединить с нею судьбу, что и осуществилось в феврале 1831 года.

После женитьбы Пушкин почти не бывал у Олениных, но встречался с ними на балах, официальных приёмах и на прогулках в Царском Селе, где дача его находилась неподалёку от дачи этой семьи. Несмотря на охлаждение между А.С. Пушкиным и А.Н. Олениным, нельзя назвать отношения между ними неприязненными. В декабре 1832 года Алексей Николаевич ответил безусловным согласием на избрание поэта в члены Российской Академии наук, где они потом встречались на заседаниях. В 1835 году Пушкин ответил согласием на письмо Алексея Николаевича о пожертвовании на памятник переводчику

«Илиады». В 1836 году Оленин тепло представил поэта скульптору Н.С. Пименову на осенней выставке в Академии художеств. Продолжалось общение Пушкина и с другими членами семьи Олениных. Предполагают, что в 1830–е годы поэт бывал в доме Петра Алексеевича, сына А.Н. и Е.М. Олениных, участника Отечественной войны 1812 года. В 1833 году П.А. Оленин вышел в отставку в чине генерала и поселился с женой Марией Сергеевной, урождённой Львовой, в селе Борисцево Новоторжского уезда Тверской губернии, где проходила дорога из Петербурга в Москву. Пётр Алексеевич был очень симпатичным человеком, талантливым художником – любителем. Пушкин мог с ним встречаться и в усадьбе Митино под Торжком, которая принадлежала Львовым, родителям его жены.

«Она с рукой рассудок отдала…»

Дальнейшая судьба Анны Алексеевны Олениной сложилась непросто. Несмотря на красоту и обилие поклонников, ей долго не находилось подходящей партии. Она подружилась с умными сёстрами Антониной и Лидией Блудовыми. Подруги, по её словам, извлекли из её сердца «тёрн, который там оставили обманы света». Девушки проводили свободное время в задушевных беседах, увлекались религиозной философией, писали романы. Когда в 1837 году Пушкин был убит на дуэли, Анна Алексеевна больно пережила эту утрату. В своём втором дневнике, к сожалению не дошедшем до нас, она подробно описала трагические события, связанные с гибелью поэта, хотя напрямую в них не участвовала. В дневниках Александра Ивановича Тургенева, сыгравшего в жизни Пушкина значительную роль, имеются записи о том, что 6 декабря 1836 года он встретил поэта на приёме во дворце, где были и Оленины, а 14 января 1837 года на балу у французского посла он разговаривал с А.А. Олениной о Пушкине. Получив известие о гибели поэта, Алексей Николаевич Оленин навсегда закрыл краник самовара, из которого Пушкин когда – то пил чай, и велел хранить эту вещь как реликвию. Скорее всего, Оленин не был в Конюшенной церкви на отпевании Пушкина: его нет в списке лиц, упоминаемых А.И. Тургеневым. Но думается, не стоит преувеличивать значение этого факта. Вряд ли отсутствие 73–летнего старика выражало его отношение к поэту, ведь это могло быть вызвано просто плохим самочувствием его самого или престарелой Елизаветы Марковны.

Ф.А. Андро де Ланжерон
Неизв. худ. 1851 г.

В 1838 году Анна Алексеевна потеряла горячо любимую мать. На портрете Анеты, написанном В.И. Гау в 1839 году для подарка её жениху, можно видеть следы постигших её потрясений. В 1840 году в возрасте 32 лет она вышла замуж за полковника Ф.А. Андро де Ланжерона, побочного сына французского графа – эмигранта А.Ф. Ланжерона, знакомого Пушкина. Тогда Фёдору Александровичу было 36 лет. По воспоминаниям родных, этот видный голубоглазый блондин был аккуратен и честен до щепетильности. Он имел доброе сердце, но тяжёлый нрав.

А.А. Оленина (Андро де Ланжерон)
Худ. А. Попов с оригинала К.П. Брюллова. 1842 г.

Вспыльчивый и обидчивый, он часто не терпел никаких возражений, что делало жизнь его супруги нелёгкой. Кроме того, муж с затаённой ревностью относился к блестящему прошлому жены, поэтому все её альбомы с автографами знаменитых людей, дневники и письма подруг были сложены в сундук и хранились 40 лет на чердаке. Всё получилось почти так, как напророчила сама себе Анна Алексеевна летом памятного 1828 года в шуточном стихотворном послании к тётушке Варваре Дмитриевне Полторацкой:

Искавши в мире идеала
И не нашед его,
Анета счастия искала
В средине сердца своего.
Всё в двадцать лет ей надоело:
Веселье, балы и пиры, —
Младое счастье улетело
И юности прекрасные дары.

<…>
Уж образ милый молодой
Всё понемногу исчезает,
Супруг – не идеальный, а простой —
Его же понемногу заменяет.
<…>
Но он ухаживал усердно,
Вздыхал, потел, кряхтел…
Чуть в мир поэзии не залетел…
Что ж оставалось делать бедной?
Она с рукой рассудок отдала,
А сердце? Бросила с досады
И ум хозяйством заняла,
Уехавши в его посады…

В 1844 году после смерти отца Анна Алексеевна уехала с мужем в Варшаву, куда он получил назначение. Фёдор Александрович через некоторое время стал президентом Варшавы, и Анна Алексеевна получила возможность вновь проявить свои таланты и создать салон, куда она перенесла все добрые традиции гостеприимного родительского дома. Это помогло ей сплотить русское и польское общество. В Варшаве Анна Алексеевна подружилась с сестрой поэта Ольгой Сергеевной Павлищевой. Её сын Л.Н. Павлищев так передаёт разговор двух женщин о гибели Пушкина: «Говоря Ольге Сергеевне о покойном поэте, госпожа Андро заявила ей однажды полушутя, полусерьёзно: «Очень жаль, что покойный твой брат не на мне женился! Сама бы за него или подставила грудь под пистолет Дантеса проклятого, или укокошила бы его, как собаку».

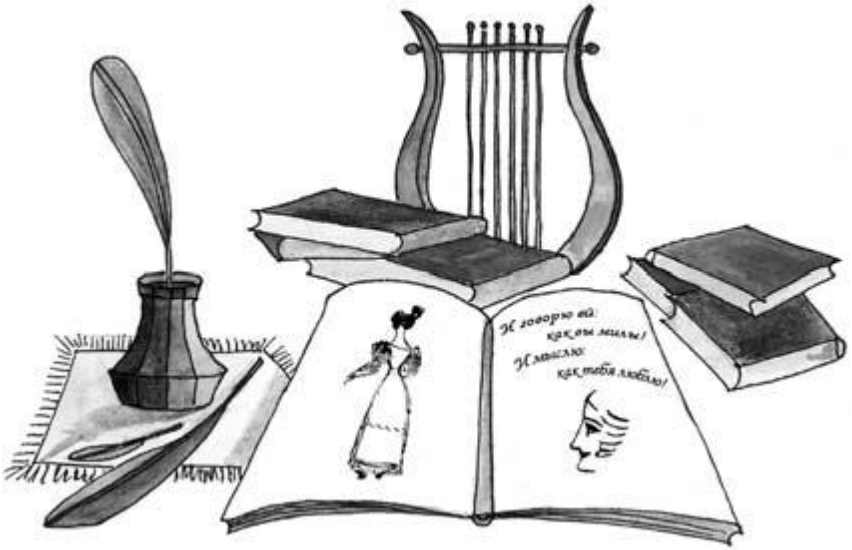
Желание Анны Алексеевны защитить Пушкина или «укокошить» его убийцу трогательно (стреляла она метко!), однако о сожалении по поводу несостоявшегося брака с поэтом в беседе с его сестрой она говорила наверняка из деликатности. В старости она рассказывала внучатому племяннику Александру Алексеевичу Оленину, что Пушкин делал ей предложение, но большой партией она его не считала, потому что он был «вертопрах», не имел состояния и положения в обществе, а сама она не настолько симпатизировала поэту, чтобы идти наперекор семье.

А.А. Оленина (Андро де Ланжерон).
Худ. И.К. Макаров. 1856 г.

Анна Алексеевна родила пятерых детей и, будучи прекрасной матерью, смогла вырастить троих дочерей и сына, лишь её первенец погиб в результате родовой травмы. Эта женщина пользовалась любовью и доверием своих многочисленных внучат. В 1885 году, в возрасте 78 лет, она овдовела и поселилась в имении дочери в селе Средняя Деражня Волынской губернии, ныне Житомирской области. Сундук с её реликвиями был принесён с чердака, и она его с удовольствием разбирала, предаваясь воспоминаниям. Наверное, не раз за последние три года своей долгой жизни разглядывала Анна Алексеевна альбомы с автографами и рисунками Пушкина, перечитывала его стихи, окружённые гирляндами из маленьких женских ножек, и повторяла чудесные строки стихотворения «Я вас любил, любовь ещё, быть может…».

Могила А.А. Олениной (Андро де Ланжерон) в Корецком монастыре

Фото. 2000–е гг.



Анне Алексеевне Олениной – Андро де Ланжерон была суждена долгая жизнь, в течение которой она бережно хранила память о Пушкине, продолжая оставаться искренней поклонницей его творчества. Скончалась она 15 декабря 1888 года и была похоронена в Свято – Троицком Корецком женском монастыре, куда ранее пожертвовала значительные средства, включая свой бриллиантовый фрейлинский шифр. В 2013 году исполняется 125 лет со дня кончины Анны Алексеевны. Могила и надгробие её бережно сохраняются сёстрами обители до настоящего времени.

«Моя Мадонна»

«Пушкин за свою жизнь был влюблён во многих женщин, воспевал их в стихах, писал мадригалы в альбомы. Он называл их ангелами, богинями, гениями, розами, чудотворками, прелестными, прекрасными… Поэт не скупился на нежные эпитеты возлюбленным, но лишь одну – Наталью Гончарову – назвал «моя Мадонна», увидев в ней не просто писаную красавицу, а будущую жену и мать своих детей, любящую и заботливую.

Рождение и раннее детство

Наталья Николаевна Гончарова родилась 27 августа 1812 года, на следующий день после Бородинской битвы. Девочка появилась на свет в селе Кариан Тамбовской губернии, в поместье своего дяди Александра Ивановича Загряжского, куда из калужского родового имения Полотняный Завод из – за военных действий переехала её мать Наталья Ивановна с малолетними (от 1 года до 4 лет) детьми – Дмитрием, Екатериной, Иваном и Александрой. Дядя и стал крёстным отцом новорождённой племянницы. Крёстной матерью её была прабабушка Екатерина Андреевна Гончарова (во втором браке Новосильцева). Крещение состоялось 8 сентября в Знаменской церкви. Именины девочки пришлись на Натальин день, 26 августа, когда чествуется также Владимирская икона Богоматери.

По отцовской линии Наталья Николаевна принадлежала к роду Гончаровых. Её предками были богатые купцы – промышленники. Прапрадед Афанасий Абрамович Гончаров, основатель полотняных заводов и бумажных фабрик, на продаже своей сравнительно недорогой и качественной продукции в России и за границей скопил огромное состояние и был высочайше пожалован чином коллежского асессора, который давал право на дворянство. Однако его внук Афанасий Николаевич, получив 30–миллионное наследство, начал его проматывать, бесконтрольно тратя деньги не только на строительство великолепного дворца в майоратном имении Полотняный Завод и устройство парка со всевозможными затеями, но и на вольную жизнь. Он разъехался с женой Натальей Платоновной, урождённой Мусиной – Пушкиной (по её линии Гончаровы были дальними родственниками Пушкиных), и отправился в длительное заграничное путешествие, откуда вернулся в своё имение в сентябре 1812 года, незадолго до того,

как там обосновался штаб М.И. Кутузова. Майоратом в это время управлял умный и блестяще образованный Николай Афанасьевич Гончаров, отец Натальи Николаевны, который за несколько лет сумел поправить дела на заводах. В 1812 году во время военных действий Н.А. Гончаров состоял при калужском генерал – губернаторе, но вскоре возвратился в имение, куда также приехала из села Кариан его жена с детьми.

Афанасий Николаевич Гончаров
Неизв. худ. Вена. 1810 г.

Наталья Ивановна происходила из богатого древнего рода Загряжских, имевшего родственные связи с самыми знатными фамилиями России и Украины. Её прапрадедом был известный гетман Пётр Дорофеевич Дорошенко, от которого к Загряжским перешла часть большого имения Ярополец. Иван Александрович Загряжский, отец Натальи Ивановны, получил его в наследство от матери Екатерины Александровны, урождённой Дорошенко. Он

славился необузданным характером и сумасбродством. Когда его гвардейский полк стоял в Дерпте, он влюбился в юную красавицу – баронессу Эуфрозину Ульрику Поссе, урождённую Липхард. Она к тому времени была уже в разводе с мужем. Недолго думая, Загряжский сделал предложение Ульрике, хотя был давно женат на Александре Степановне Алексеевой и имел от неё троих детей – Александра, Софью и Екатерину. Обвенчавшись с ничего не подозревавшей баронессой Поссе, Иван Александрович привёз её в Ярополец к законной жене. По семейному преданию, та сначала встретила соперницу в штыки, разругалась с мужем, который уехал после ссоры в Москву, но потом сменила гнев на милость, пожалев беременную Ульрику. Когда в 1785 году появилась на свет её дочь Наталья, Александра Степановна стала заботиться о ней как о родной, особенно после того, как девочка в неполных пять лет осиротела: её мать умерла. Загряжским удалось узаконить рождение Натальи Ивановны, которая получила равные права со своими сёстрами.

Унаследовавшая красоту матери, умная и образованная Наталья Ивановна, будучи фрейлиной императрицы Елизаветы Алексеевны, блистала при дворе. Здесь в неё по уши влюбился камер – юнкер Николай Афанасьевич Гончаров, тоже красивый, образованный и талантливый юноша, свободно владевший тремя европейскими языками и виртуозно игравший на скрипке и виолончели. Однако его соперником оказался Алексей Охотников, фаворит императрицы Елизаветы Алексеевны. Отвечала ли ему Наталья Ивановна взаимностью, неизвестно, но в любом случае императрица увлечение фаворита не могла приветствовать. Осенью 1806 года 26–летний Охотников кем – то из врагов был тяжело ранен ножом в бок при выходе из театра и 30 января 1807 года скончался. За три дня до этого печального события Наталью Ивановну Загряжскую выдали замуж за Николая Афанасьевича Гончарова, который был пожалован чином коллежского асессора и назначен секретарём к московскому генерал – губернатору, что означало удаление молодой четы от двора.

Николай Афанасьевич Гончаров Неизв. худ. 1800–е гг.

В Москве супруги жили в гончаровском деревянном доме на каменном основании, находившемся на Большой Никитской улице. Здесь родились три их первых ребёнка – Дмитрий, Екатерина и Иван. Александра родилась в 1811 году под Петербургом на мызе Михайловка (21–я верста по Петергофской дороге), где тогда гостила семья. Тёплый сезон года Гончаровы проводили в основном в имении Полотняный Завод. Всё складывалось хорошо до возвращения Афанасия Николаевича с очередной любовницей. Отец снова бесконтрольно стал тратить доходы, закладывал имения и постепенно отстранял сына от дел.

Наталья Ивановна Гончарова
Неизв. худ. с оригинала А.—Ф.—Г. Виолье Конец 1800–х гг.

Семейный конфликт и неурядицы стали причиной серьёзных психических отклонений: слабохарактерный Николай Афанасьевич начал выпивать и в пьяном виде мог вести себя буйно. В 1814 году он неудачно упал с лошади и ударился головой, что усугубило проблему. В 1815 году он окончательно переехал с семьёй в Москву в дом своей бабушки на Большой Никитской, отстроенный после пожара 1812 года на прежнем фундаменте. От отца Николай Афанасьевич (а вернее Наталья Ивановна, взявшая управление домашним хозяйством в свои руки) получал 40 тысяч рублей ежегодно, что составляло значительную по тем временам сумму – годовую стоимость аренды гончаровских заводов, выплачиваемую купцом Усачёвым. Летом семья выезжала в рязанское имение Ильицыно и с 1821

года – в Ярополец, который окончательно отошёл к Наталье Ивановне при разделе наследства Загряжских в 1823 году.

При себе в Полотняном Заводе Афанасий Николаевич оставил только любимую младшую внучку Наталью, или Ташу, как её называли домашние. Хорошенькую девочку одевали как дорогую куколку, баловали без меры, ласкали. Для её развлечений служил целый парк, разбитый на берегу реки Суходрев. Дедушка купил ей пони, и Таша с увлечением училась верховой езде, катаясь по аллеям. Гувернантки и домашние учителя учили ребёнка грамоте, счёту и французскому языку.

Трудное отрочество в родительском доме

Безоблачное детство кончилось в 1818 году: Наталья Ивановна вытребовала младшую дочь к себе в Москву, чтобы дать ей достойное образование. Обстановка в московском доме резко отличалась от вольной жизни в имении дедушки. Мать сыграла в судьбах своих детей неоднозначную роль. С одной стороны, она не экономила на их обучении, нанимая лучших учителей русского и трёх иностранных языков, истории, литературы и арифметики. С другой стороны, она обладала очень тяжёлым авторитарным характером и была деспотом по отношению к детям, сводя воспитание к системе наказаний за малейшие провинности. О каком – либо баловстве не могло быть и речи: детей ограничивали порой даже в необходимом. Строгости религиозного воспитания доходили до того, что больному ребёнку вместо нежной заботы читали нотации о том, что болезнь – Божья кара за грехи.

Наташа Гончарова в детстве
Рис. А.С. Пушкина. 1833 г.

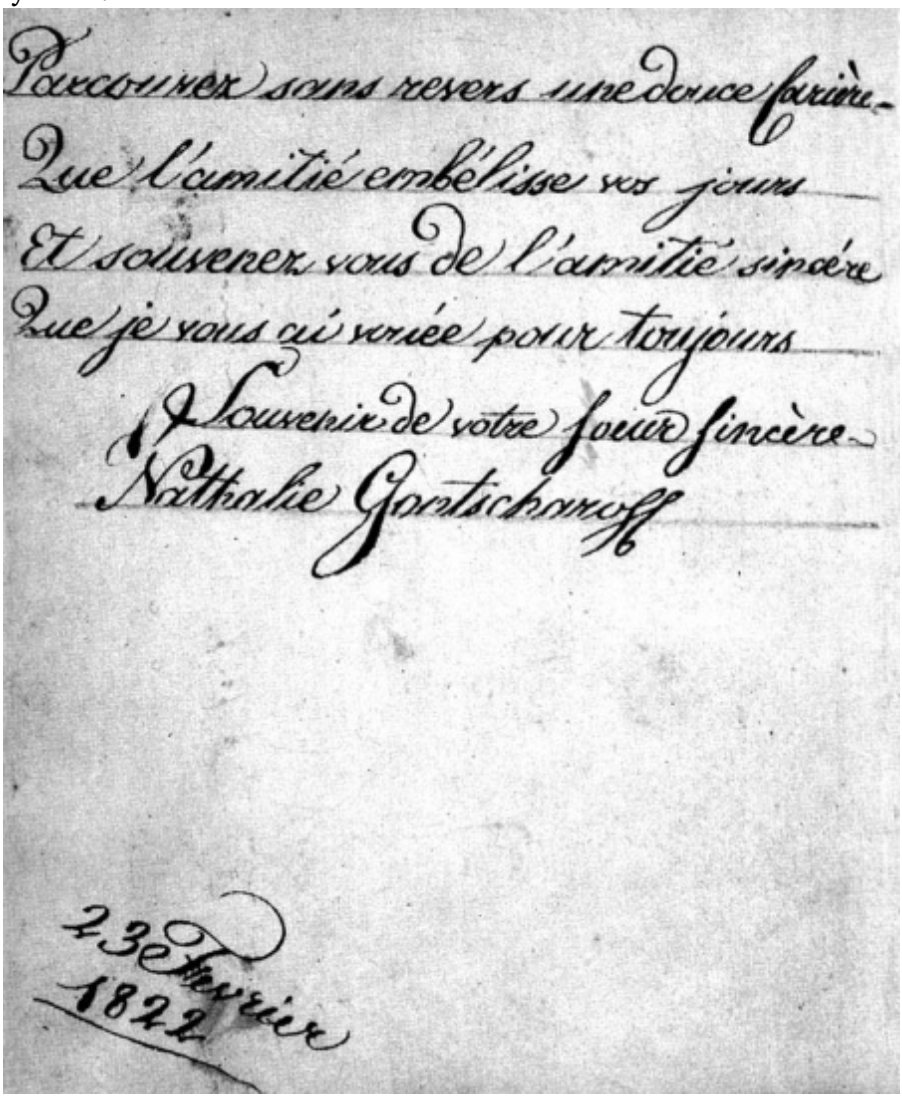
При этом сама Наталья Ивановна, отселив «сумасшедшего» мужа во флигель, высоконравственным поведением не отличалась. К тому же она поощряла наушничество прислуги и приживалок по отношению к детям. В такой тяжёлой домашней обстановке юные Гончаровы особенно сплотились и помогали друг другу. Наташа очень любила своих братьев и сестёр, чему свидетельство – её детское четверостишие – пожелание на французском языке, адресованное брату Ивану, которое ниже приводим в русском рифмованном переводе:

Пройди без невзгод ты свой жизненный путь,
Украсит пусть дружество дни и года,
Привязанность сердца мою не забудь —
Ту, что питала к тебе я всегда.

1822

Будущая невеста великого поэта, как и её братья и сёстры, получила превосходное по тем временам гуманитарное образование. Она училась словесности, основам стихосложения, географии, истории, иностранным языкам – французскому, английскому и немецкому. Сохранились её ученические тетрадки,

свидетельствующие о большой старательности и хороших способностях. Может быть, вследствие усердных занятий у неё развились небольшая близорукость и едва заметное косоглазие, придававшее трогательную неопределённость взгляду. Девушка была хорошо развита физически и красива с малых лет не только лицом, но и фигурой. Блестяще освоенное искусство верховой езды и умение изящно танцевать добавляли ей особого шарма. Танцам она училась у знаменитого танцмейстера Иогеля, на юношеском рождественском балу у которого её впервые встретил Пушкин.


Recevez sans revers une douce pensée
Que l'amitié embellisse vos jours
Et souvenez vous de l'amitié sincère
Que je vous ai vouée pour toujours
Souvenir de votre sincère amie
Nathalie Gontscharoff
23 Janvier
1822

Детские стихи Н.Н. Гончаровой. Автограф. 1822 г.

Сердечность, душевная чистота, внимание к ближним и

стремление им помочь, внутренняя скромность и естественность поведения отличали юную Ташу Гончарову. Знавшая её до замужества Надежда Еропкина, двоюродная сестра друга Пушкина Павла Нащокина, вспоминала: «Необыкновенно выразительные глаза, очаровательная улыбка и притягивающая простота в общении помимо её воли покоряли всех. Не её вина, что всё в ней было так удивительно хорошо. Но для меня так и осталось загадкой, откуда обрела Наталья Николаевна такт и умение держать себя? Всё в ней самой и манера держать себя было проникнуто глубокой порядочностью.

Наталья Ивановна Гончарова с дочерью Наташей
Рис. А.С. Пушкина. 1833 г.

Всё было comme il faut – без всякой фальши. И это тем более удивительно, что того же нельзя было сказать о её родственниках. Сёстры были красивы, но изысканного изящества Наташи напрасно было бы искать в них. Отец слабохарактерный, а под конец и не в своём уме, никакого значения в семье не имел. Мать далеко не отличалась хорошим тоном и была частенько пренеприятна. <…> Поэтому Наталья Николаевна явилась в этой семье удивительным самородком. Пушкина пленили её необычная красота, и не менее вероятно, и прелестная манера держать себя, которую он так ценил».

Встреча с Пушкиным и свадьба

6 декабря 1828 года великий поэт приехал из тверского имения П.А. Осиповой Малинники в Москву и с головой

погрузился в светскую и литературную жизнь Первопрестольной. Пушкин снова ездит к друзьям и знакомым – Вяземскому, Нащокину, Погодину, Римским – Корсаковым и другим. Он посещает бал у московского генерал – губернатора князя Д.В. Голицына, читает недавно законченную поэму «Полтава» на литературном собрании у Сергея Дмитриевича Киселёва, а в доме Зинаиды Волконской – стихотворение «Чернь»…

Безответная любовь к Анне Олениной уже не довлеет так над сердцем поэта. Не оставляя намерения жениться, он присматривается к московским красавицам, возобновляет посещения дома Ушаковых и ухаживания за их старшей дочерью Екатериной, которая тогда была просватана за А.И. Долгорукова. Пушкин находит убедительные факты, представляющие жениха в невыгодном свете, и расстраивает эту свадьбу. Однако сам он к Екатерине Ушаковой так и не посватался.

В конце декабря 1828 года на юношеском рождественском балу у Иогеля, у которого Пушкин в детстве брал уроки танцев, он впервые увидел 16–летнюю Наталью Гончарову. Одни исследователи считают, что бал был у Кологривовых на Тверском бульваре, другие полагают, что в доме самого танцмейстера на Малой Бронной. Важно не место, а сам факт этой судьбоносной встречи. На основе рассказа Натальи Николаевны её дочь от второго брака Александра Арапова, урождённая Ланская, так описала это событие: «В белом воздушном платье, с золотым обручем на голове, она в этот знаменательный вечер поражала всех своей классической царственной красотой. Александр Сергеевич не мог оторвать от неё глаз. Слава его уже тогда прогремела на всю Россию. Он всюду являлся желанным гостем; толпы ценителей и восторженных поклонниц окружали его, ловя всякое слово, драгоценно сохраняя его в памяти. Наталья Николаевна была скромна до болезненности; при первом знакомстве их его знаменитость, властность, присущая гению, не то что сконфузили, а как – то придавили её. Она стыдливо отвечала на восторженные фразы, но эта врождённая скромность только возвысила её в глазах поэта».

Об этой встрече Пушкин так писал Наталье Ивановне Гончаровой: «Когда я увидел её в первый раз, красоту её едва начали замечать в свете. Я полюбил её, голова моя закружилась». Через неделю великий поэт уехал из Москвы сначала в тверские края, а потом в Петербург. О его чувствах к Наталье Николаевне ещё никто толком ничего не знал. 9 января 1829 года Вяземский писал жене: «Не умею объяснить, ни угадать, что с ним было и чего не было. Постояннейшие его посещения были у Корсаковых и у цыганок; и в том, и в другом месте видел я его редко, но видел с

теми и другими и всё не узнавал прежнего Пушкина».

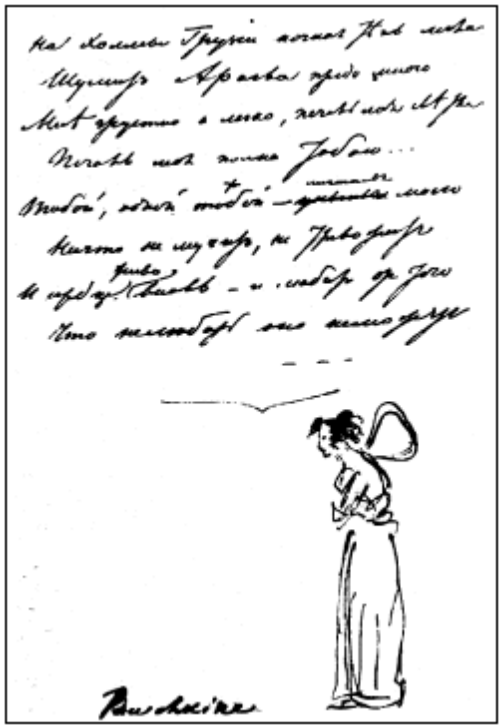
В середине марта поэт снова приехал в Москву. С Натальей Николаевной он несколько раз встречался на концертах в Благородном собрании, а после окончания поста и на балах. Причём она всякий раз появлялась там одной из первых, может быть, стремясь поскорее увидеть поэта, который произвёл на неё глубокое впечатление при первой встрече. Возможно, именно в эти дни, вдохновлённый новым чувством, Пушкин пишет стихотворение «Я вас любил…», ставшее прощальным аккордом в оленинском лирическом цикле.

А.С. Пушкин
Автопортрет. 1829 г.

В начале апреля друг Пушкина Фёдор Иванович Толстой, по прозвищу Американец, официально представил поэта Гончаровым, которые пригласили его бывать у них. Пушкин стал часто пользоваться этим приглашением и вёл себя в их доме очень застенчиво, что сразу заметил брат девушки Сергей, который был моложе сестры на три года.

О чувствах Пушкина к Наталье Николаевне никто, кроме самых близких друзей, всё ещё не догадывается. По городу ходят слухи о его скором сватовстве к Екатерине Николаевне Ушаковой. Он продолжает ездить в их дом, писать и рисовать в альбомах барышень. По пути на Пресню Пушкин дважды в день проезжает мимо окон Натальи Николаевны, с надеждой увидеть хоть мельком возлюбленную – свою Психею, как он её потом называл.

30 апреля через графа Ф.И. Толстого великий поэт просит руки Натальи Николаевны и получает от её матери неопределённый ответ: мол, невеста ещё слишком молода, надо подождать. Действительно, дворянок до 17 лет тогда венчали только в виде исключения, но младшей Гончаровой оставалось всего 4 месяца до этого возраста. Видимо, Наталья Ивановна Гончарова не хотела совсем упустить знатного жениха, нетребовательного в отношении приданого, хоть и небогатого, но одновременно надеялась на более выгодную партию для красавицы дочери, которая, как и её сёстры, была бесприданницей. 1 мая, уезжая на Кавказ к месту военных действий, Пушкин написал будущей тёще: «На коленях, проливая слёзы благодарности, должен был бы я писать Вам теперь, после того как граф Толстой передал мне Ваш ответ – не отказ, Вы позволяете мне надеяться. Не обвиняйте меня в неблагодарности, если я всё ещё ропщу, если к чувству счастья примешивается ещё печаль и горечь: мне понятна осторожность и нежная заботливость матери! – Но извиняйте нетерпение сердца больного и опьянённого счастьем. Я сейчас уезжаю и в глубине души увожу образ небесного существа, обязанного Вам жизнью…»



Автограф стихотворения «На холмах Грузии…»
1829 г.

Свои чувства поэт изливает в прекрасном стихотворении, в беловике которого рисует девушку с крыльями бабочки – Психею:

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой… Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит – оттого,
Что не любить оно не может.

Вернувшись с Кавказа 20 сентября 1829 года, поэт встречает холодноватый приём в доме Гончаровых: Наталья Ивановна принимает его лёжа в постели, а юная Натали, боясь наказания, не решается выйти без позволения матери. Бывая у Ушаковых, Пушкин рисует в альбоме младшей сестры Елизаветы портреты Натальи Николаевны и её матери, под которыми сёстры делают подписи «Карс» и «Маминька Карса». В «неприступной» турецкой крепости Карс поэт побывал, когда её только что взяли русские

войска. Давая такое прозвище любимой девушке, он надеялся на успех будущего сватовства. И не ошибся. Второй раз он посватался снова через Ф.И. Толстого 6 апреля 1830 года, в день Светлого Христова Воскресения. Его предложение было принято благосклонно: Наталья Николаевна смогла склонить к этому строптивую мать, как потом стало известно. Некоторым знакомым девушка казалась явно увлечённой своим женихом, несмотря на её скромное поведение.

Счастливый Пушкин написал родителям в Петербург, прося их благословения. Обрадованные Надежда Осиповна и Сергей Львович благословили сына, обещая принять мадмуазель Гончарову как родную дочь. Сестра Ольга и брат Лев тоже поддержали намерение Александра Сергеевича жениться на Наталье Николаевне. Чтобы материально обеспечить будущее молодых, отец выделяет Пушкину в полное распоряжение деревню Кистенёво близ Болдина. Там имелось около 200 незаложенных в Опекунском совете душ мужского пола. Передавая сыну примерно пятую часть своих владений (единственную свободную от долгов деревню), Сергей Львович надеялся, что с этого имения будет доход не менее 4000 рублей в год.

Наталья Николаевна Гончарова Рис. А.С. Пушкина в альбоме Ел. Н. Ушаковой. 1829 г.

Помолвка состоялась 6 мая. Окрылённый поэт хотел обвенчаться ещё до наступления Петрова поста, но его планам не суждено было сбыться. Из – за хлопот о приданом и стычек с будущей тёщей по этому поводу свадьба всё время переносилась. Ситуация складывалась странная: Пушкин вынужден был принимать участие в хлопотах о приданом невесты, что формально ему не поручалось. Надеясь на везение, поэт садится

за карточный стол и в середине мая проигрывает 24 500 рублей. Этот долг он полностью так и не смог уплатить до своей гибели.

В конце мая Пушкин ездил с невестой в Полотняный Завод. Внушительный гончаровский дворец произвёл впечатление на поэта. Дедушка Натальи Николаевны Афанасий Николаевич обещал сделать дарственную любимой внучке на имения в Нижегородской губернии (300 душ), но они были заложены и никакого дохода в близком будущем не сулили. Тогда он предложил либо продать в казну, либо перелить медную статую Екатерины II, изготовленную в Германии в 1786 году по заказу Афанасия Абрамовича Гончарова в память посещения императрицей заводов. Внушительная скульптура, получившая прозвание «Медная бабушка», так и не была установлена. Это приданое ни Пушкину, ни его жене при жизни поэта так и не удалось продать, хотя статуя была высокохудожественной. Дело кончилось её продажей заводчику Францу Берду, у которого её выкупило екатеринославское дворянство. В 1847 году памятник Екатерине II был наконец установлен в Екатеринославе, нынешнем Днепропетровске.

Полотняный Завод. Дворец. Интерьер гостиной. Фото 2008 г.

Вернувшись 27 мая в Москву, Пушкин много и безуспешно хлопочет о материальном обеспечении свадьбы и будущей семейной жизни. Этим летом он совершает в места своего детства – в Захарово и Вязёмы – «сентиментальное путешествие», как назвала его Надежда Осиповна Пушкина в письме к дочери Ольге.

Немало радости доставило поэту и посещение воздушного театра в Нескучном саду вместе с приехавшей из Полотняного Завода невестой, членами её семьи и Павлом Нащокиным.

В середине июля Пушкин отправился в Петербург, где продолжил хлопоты о предстоящей свадьбе, которая откладывалась уже на сентябрь. Он ездит в гости к друзьям и родственникам – своим и невесты, по которой очень скучает, хотя порой не упускает случая побывать в театре. Увидев в магазине книгопродавца Слёнина картину старого итальянского художника с изображением Мадонны и найдя в ней большое сходство с Натали, поэт подолгу простаивает перед ней. Что это была за картина? Одни пушкинисты считают, что она принадлежала кисти Рафаэля, другие – что кисти его учителя Перуджино. У обоих художников есть изображения, похожие на юную Гончарову.

Наталья Николаевна Гончарова
Рис. А.С. Пушкина. 1830 г.

30 июля поэт писал невесте: «Я мало бываю в свете. Вас ждут там с нетерпением. Прекрасные дамы просят меня показать Ваш портрет и не могут простить мне, что его у меня нет. Я утешаюсь тем, что часами простаиваю перед белокурой Мадонной, похожей на Вас как две капли воды; я бы купил её, если бы она не стоила

40 000 рублей». В это время поэт написал чудный сонет «Мадонна», посвящённый невесте:

Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному сужденью знатоков.

В простом углу моём, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш Божественный Спаситель —

Она с величием, Он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

«Он очарован своей Натали и говорит о ней как о Божестве», – писала тогда Надежда Осиповна дочери Ольге. А друзья шутили, что поэт «огончарован».

Вернувшись в Москву 14 августа, Пушкин поселился у Вяземского. Денежные вопросы так и не были решены: дедушка невесты Афанасий Николаевич Гончаров получить денежную ссуду не смог, и приданое составляла пока только «Медная бабушка», которую быстро продать не удавалось, хотя высочайшее разрешение и было получено. Статуя так и осталась единственной вещью, данной дедушкой в приданое любимой внучке, тогда как своих любовниц он уже не раз отдавал замуж с приданым по 10 000 рублей. После свадьбы Наталье Николаевне досталась ещё крепостная Меланья Семёнова.

Свадьба переносилась и по другому поводу – очень печальному. 20 августа умер любимый дядя поэта Василий Львович Пушкин, который незадолго до кончины приветствовал желание племянника жениться стихами:

Благодаря судьбе, ты любишь и любим!
Венчанный розами ты грации рукою,
Вселенную забыл, к ней прилепясь душою!
Прелестный взор её тебя животворит
И счастье прочное, и радости сулит.

Блаженствуй! – Но в часы свободы, вдохновенья
Беседуй с музами, пиши стихотворенья,
Словесность русскую, язык обогащай
И вечно с миртами ты лавры съединяй!

В стихах дядюшки много растительной символики: розы и мирты – означают любовь, лавры – признание, успех… Очень добрые пожелания выражены в этих стихах.

Из – за траура по новопреставленному Василию Львовичу свадьба не могла состояться раньше октября. Поэт собрался поехать в Большое Болдино, нижегородское имение отца, вступать в распоряжение Кистенёвым и оформлять документы, необходимые, чтобы заложить крестьян и получить средства на приданое, свадьбу и последующую семейную жизнь.

Наталья Ивановна Гончарова
Неизв. худ. Конец 1820–х гг.

Наталья Ивановна Гончарова не хотела выдавать замуж Натали без приданого и в то же время сама о нём особо не пеклась. В имениях она, несмотря на набожность, вела себя подобно императрице во дворце: заводила фаворитов среди мужской прислуги, тратилась на них, а дочерям на приданое ничего не скопила. 26 августа, в Натальин день, она была с Пушкиным любезна. Но когда он на следующее утро приехал поздравить невесту с 18–летием, будущая тёща устроила ему безобразную сцену, едва не расстроив помолвку. Поэт написал Наталье Николаевне эмоциональное письмо: «Я уезжаю в Нижний, не зная, что ждёт меня в будущем. Если Ваша матушка решила расстроить нашу помолвку, а Вы решили повиноваться ей, – я подпишусь под всеми предлогами, которые ей угодно будет выставить, даже если они будут так же основательны, как сцена, устроенная ею мне вчера, и как оскорбления, которыми ей угодно меня осыпать.

Николай Афанасьевич Гончаров
Неизв. худ. 1810–е гг.

Быть может, она права, а не прав был я, на мгновение поверив, что счастье создано для меня. Во всяком случае, Вы совершенно свободны; что же касается меня, то заверяю Вас честным словом, что буду принадлежать только Вам или никогда не женюсь». (Перевод с франц.)

Наталья Николаевна и не думала повиноваться матери. 9 сентября в Болдине Пушкин получает от невесты письмо, где она подтверждает слово, данное на помолвке, и пишет о готовности выйти замуж без приданого и прочих условий. Поэт отвечает: «Моя дорогая, моя милая Наталья Николаевна, я у Ваших ног, чтобы поблагодарить Вас и просить прощения за причинённое Вам беспокойство. Ваше письмо прелестно, оно вполне меня успокоило…» Добавим: и вдохновило на творчество.

Большое Болдино. Усадебный дом и памятник А.С. Пушкину Фото 2010 г.

Дела по разделу имения и вступлению в права распоряжения Кистенёвым были закончены 16 сентября 1830 года, но надо было оформить документы, необходимые для получения закладной в Опекунском совете, а потом из – за эпидемии холеры поэт попал ещё на два месяца в карантин. Дважды безуспешно пытался он прорваться к невесте. До него доходили ложные слухи, будто она выходит замуж на некоего В. Давыдова, студента Московского университета. Наталья Николаевна прислала жениху письмо с ревнивыми упрёками по поводу его посещения княгини Прасковьи Николаевны Голицыной, которая обещала ему разузнать о карантинах. Ревность невесты позабавила поэта (княгиня была некрасива и очень толста) и, наверное, порадовала

в глубине души.

Несмотря на всё это, Пушкину никогда так плодотворно не работалось, как в том вынужденном осеннем затворе в Болдине. Поэт находился в расцвете творческих сил. Шедевры выходили из – под его пера один за другим: последняя глава «Евгения Онегина», «Повести Белкина», «Маленькие трагедии», «Домик в Коломне», около 30 стихотворений, критические статьи.

Большое Болдино. Кабинет А.С. Пушкина. Фото 2007 г.

С третьей попытки Пушкин прорвался через холерные кордоны и прибыл в Москву 5 декабря 1830 года. Свадьба его снова откладывалась: сначала были Рождественский пост и Святки, когда не венчали, потом поэт долго не мог получить деньги по закладной за Кистенёво из – за всплывшего юношеского долга. Выручил гонорар за издание трагедии «Борис Годунов»,

написанной в Михайловском в 1825 году. Когда 38 000 рублей за имение были наконец получены, из них 11 000 рублей поэт отдал на неопределённый срок взаймы тёще на приобретение приданого невесте, 10 000 рублей одолжил Нащокину, находившемуся в трудных обстоятельствах. Пушкин снял на полгода за 2000 рублей престижную квартиру на Арбате, в доме Хитрово, куда не стыдно было привезти молодую жену – красавицу. И всё равно свадьба бесконечно переносилась: теперь её уже оттягивала Наталья Ивановна Гончарова, видимо, рассчитывавшая что – то ещё урвать у жениха. Об ускорении бракосочетания хлопотала Вёра Фёдоровна Вяземская, приглашённая быть посажённой матерью. К несчастью, накануне венчания она, будучи беременной, стала сама вешать икону, упала и сильно расшиблась. У неё произошёл выкидыш. Незадолго до свадьбы из Петербурга пришло ещё одно очень печальное для Пушкина известие: 14 января скончался от тифа близкий друг поэта Антон Дельвиг.

Вместо Вяземской посажённой матерью согласилась быть графиня Елизавета Петровна Потёмкина. Венчание состоялось 18 февраля, незадолго до Масленицы и начала Великого поста, в церкви Вознесения Господня на Царицынской улице – части Большой Никитской, где жили Гончаровы. Утром этого дня посыльный принёс жениху от Натальи Ивановны весть, что свадьбу придётся отложить, поскольку у неё нет денег на карету. Пушкин передал деньги оплатить и этот малый расход. Можно представить себе, как переживала юная невеста.

Во время таинства венчания, когда молодых обводили вокруг аналоя, с него вдруг упали Евангелие и крест, а у поэта погасла венчальная свеча. «Все плохие предзнаменования», – сказал Пушкин по – французски, выходя из церкви. У дверей дома на Арбате его встречали Нащокин с Вяземскими – Петром Андреевичем и его сыном Павлушей, который держал икону. На свадебном вечере поэт был весел и гостеприимен, а юная Натали блистала красотой.

Счастливые годы замужества

Первое семейное утро началось для Натальи Николаевны со слёз: муж вышел к друзьям, приехавшим с поздравлениями, да так заговорился с ними, что вернулся только к полудню. Но вскоре это забылось. Пушкин стал вывозить жену на балы, маскарады, в театры. Там все восхищались её красотой и грацией. «Пушкин, ты – поэт, а жена твоя – воплощённая поэзия!» – воскликнул писатель и археолог Александр Вельтман, когда 24

февраля на маскараде в Благородном собрании ему представили Натали. Из подмосковного села Захарова приехала в то время крепостная Марья Фёдоровна, дочь няни Арины Родионовны. Марье очень понравилась жена поэта, но её искусное рукоделие вызвало ещё большее восхищение крестьянки.

Москва. Дом на ул. Арбат, 53, где в 1831 г. жили молодожёны Пушкины

По традиции Пушкины устроили в своём доме бал для родственников, ближайших друзей и знакомых. Вот что писал брату московский почт – директор Александр Яковлевич Булгаков: «Пушкин славный задал вчера бал. И он, и она прекрасно угощали гостей своих. Она прелестна, и они как два голубка. Дай Бог, чтобы всегда так продолжалось. Много все танцовали, и так как общество было небольшое, то я тоже потанцевал по просьбе прекрасной хозяйки, которая сама меня ангажировала. <…> Ужин был славный; всем казалось странным, что у Пушкина, который жил всё по трактирам, такое вдруг завелось хозяйство. Мы уехали почти в три часа».

«Я женат – и счастлив. Одно желание моё, чтоб ничего в жизни моей не изменилось – лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился», – писал Пушкин своему другу и издателю Плетнёву. Наверное, похожее чувство испытывала и Наталья Николаевна, хотя вживаться в роль хозяйки дома ей было, конечно, непросто. А поэт в другом письме к Плетнёву писал: «…жёнка моя прелесть не по одной наружности».

Даже своенравная Наталья Ивановна Гончарова поначалу была всем довольна и, казалось, даже полюбила Пушкина: он был предупредителен с нею, относился к ней с почтением, по её настоянию ездил с Натали молиться по церквям. Но долго так тёща не выдержала, снова стала выяснять с зятем денежные отношения (отдавать долг за приданое ей очень не хотелось), наговаривать дочери на мужа. И Пушкин принял дипломатичное решение: увёз жену в Петербург на полтора месяца раньше намеченного срока, а тёще позднее написал: «Я был вынужден уехать из Москвы во избежание неприятностей, которые под конец могли лишить меня не только покоя; меня расписывали моей жене как человека гнусного, алчного, как презренного ростовщика, ей говорили: ты глупа, позволяя мужу и т. д. Согласитесь, что это значило проповедовать развод. Жена не может, сохраняя приличие, позволить говорить себе, что муж её бесчестный человек, а обязанность жены – подчиняться тому, что я себе позволю. Не восемнадцатилетней женщине управлять мужчиной, которому 32 года. Я проявил большое терпение и мягкость, но, по – видимому, то и другое было напрасно. Я ценю свой покой и сумею его себе обеспечить».

18 мая 1831 года Пушкины были уже в Петербурге, где жили 10 дней в знаменитой гостинице Демута – там обычно останавливался поэт в прошлые годы. Пушкин представил молодую жену своим родным и знакомым: родителям, сестре, Карамзиным, Елизавете Хитрово, Дарье (Долли) Фикельмон. Все отнеслись к Натали очень благосклонно. «Они обожают друг друга; моя невестка совершенно очаровательна, красавица и умница, и при всём том ещё ребёнок», – написала сестра поэта Ольга Сергеевна Павлищева своему мужу. А вот первые впечатления Дарьи Фикельмон о Наталье Николаевне: «Я видела её у маменьки – это очень молодая и очень красивая особа, тонкая, стройная, высокая – лицо Мадонны… Он очень в неё влюблён, рядом с ней его уродливость ещё более поразительна, но когда он говорит, забываешь о том, что ему не достаёт, чтобы быть красивым, – он так хорошо говорит, его разговор так интересен, сверкающий умом без всякого педантства». Впрочем, Екатерина Андреевна Карамзина нашла, что поэт с женой вместе смотрелись очень хорошо.

25 мая Пушкин привёз Наталью Николаевну в Царское Село, где для него Плетнёвым был снят под дачу построенный в 1827 году дом, принадлежавший Анне Кузьминичне Китаевой, вдове придворного камердинера. «Мне бы хотелось остановиться в Царском Селе, – ещё из Москвы писал великий поэт Плетнёву. – Мысль благословенная! Лето и осень провёл бы я, таким образом,

в уединении вдохновительном, вблизи столицы, в кругу милых воспоминаний». Желание его исполнилось. В Царском Селе Пушкин прожил с женой в любви и согласии до 20 октября. Дороговизна из – за вспыхнувшей эпидемии холеры и приезда в Царское Село императорской семьи не омрачила их счастья.

На даче собирались друзья – известный поэт Василий Андреевич Жуковский и молодой тогда писатель Николай Васильевич Гоголь. К радости Пушкина, образовался литературный кружок. Поэт писал: «Мне кажется, что если все мы будем в кучке, то литература не может не согреться да чего – нибудь не произвести».

В творческом состязании поэты написали две сказки: Пушкин – «Сказку о царе Салтане», а Жуковский – «Сказку о царе Берендее». Интересно, что основу сказочного сюжета Жуковскому подарил Пушкин. Это была сказка Арины Родионовны, записанная в Михайловском в 1824 году.

Гоголь читал собратьям по перу отрывки из своей первой большой книги «Вечера на хуторе близ Диканьки», восторгавшие Пушкина: «Вот настоящая весёлость, искренняя, непринуждённая, без жеманства, без чопорности! <…> А местами какая поэзия!»

Наталья Николаевна привыкала здесь к роли жены и хозяйки дома, осваивала искусство самостоятельного ведения домашнего хозяйства, помогала мужу, переписывая для него неизданные «Записки Екатерины II».

Царское Село. Дом А.К. Китаевой, где летом 1831 г. жил А.С.

Пушкин с женой. Фото 2008 г.

Царское Село. Дом А.К. Китаевой Рабочий стол в кабинете А.С. Пушкина. Фото 2008 г.

Приходившая в гости приятельница поэта – фрейлина Александра Осиповна Россет – обычно заставала её за рукоделием или серьёзным чтением. Живя с Пушкиным, Натали как бы продолжала своё образование. Беременной она ещё не была и чувствовала себя прекрасно. Здесь, в Царском Селе, всё у неё складывалось замечательно: с мужем налаживались доверительные отношения, свекровь и свёкор полюбили её как дочь, императрица Александра Фёдоровна заметила её красоту и благоволила к ней, а император Николай Павлович обещал мужу хорошее жалование при поступлении на службу и возможность работать в архивах для написания истории Петра I. Натали несколько робела перед своей будущей ролью в петербургском свете. Приезд двора в Царское Село смягчил ей трудности вхождения в высшее общество.

Любопытно, что Наталья Николаевна ревновала Пушкина к Россет за то, что с этой женщиной он вёл себя весело и непринуждённо. Та любила бывать у них, кушать за обедом простые и вкусные блюда: на первое – зелёные щи, на второе – большие рубленые котлеты со шпинатом и щавелем, а на десерт – чай с вареньем.

«Пушкина кабинет был наверху, и он тотчас зазывал нас к

себе, – вспоминала Александра Осиповна. – На большом круглом столе перед диваном находились бумаги и тетради, часто несшитые, простая чернильница и перья, на столике графин с водой, лёд и банка с крыжовниковым вареньем, его любимым… Книги лежали на полу и на всех полках. <…> Волоса его обыкновенно ещё были мокры после утренней ванны и вились на висках. В этой простой комнате без гардин была невыносимая жара, но он это любил, сидел в сюртуке, без галстука. Тут он писал, ходил по комнате, пил воду, болтал с нами, выходил на балкон и привирал всякую чепуху насчёт своей соседки графини Ламберт». Дом, где в то время жила Ульяна Михайловна Ламберт, над которой подшучивал великий поэт, был виден с балкона.

Россет точно передала обстановку на даче, вдохновлявшую Пушкина в то лето. А главной вдохновительницей была, конечно, юная жена. Может быть, её небесные черты на фоне царскосельских озёр с величественными белыми лебедями навели поэта на мысль ввести в «Сказку о царе Салтане…» Царевну – лебедь, которой нет во взятой Пушкиным за основу сказке Арины Родионовны,

В Царском Селе Пушкины отметили свои именины и дни рождения: поэт 32–й, а Наталья Николаевна – 19–й. В Петербург с мужем она приехала беременной. Поселились они в небольшой квартире в Адмиралтейской части города на улице Галерной.

Первый выход Натальи Николаевны в большой свет был в роскошном особняке на Дворцовой набережной на званом вечере у Фикельмонов – Дарьи Фёдоровны, внучки Кутузова, и её супруга графа Шарля – Луи, австрийского посланника, литератора и публициста. На первый бал поэт вывозил жену в дом графа Виктора Павловича Кочубея, дочерью которого Натальей он увлекался в лицейские годы. Теперь та была замужем за графом Александром Григорьевичем Строгановым, троюродным братом Натальи Николаевны, в октябре 1831 года пожалованным чином генерал – майора.

К радости поэта, красота его любимой жены сразу замечена в свете и слава о ней стала распространяться далеко за пределы Петербурга. После бала у Кочубеев проницательная Долли Фикельмон писала в своём дневнике: «Поэтическая красота госпожи Пушкиной проникает до самого моего сердца. Есть что – то воздушное и трогательное во всём её облике – эта женщина не будет счастлива, я в том уверена! Она носит на челе печать страдания. Сейчас ей всё улыбается, она совершенно счастлива, и жизнь открывается перед ней блестящая и радостная, а между тем голова её склоняется и весь облик как будто говорит: «Я страдаю!» Но и какую же трудную предстоит ей нести судьбу –

быть женою поэта, и такого поэта, как Пушкин!»

Осенью 1831 года литературные дела у Пушкина шли хорошо: опубликованы «Повести Белкина» и получено разрешение на издание трёхтомника стихов. Пушкин дорабатывает и готовит к печати последнюю главу «Евгения Онегина». Он получил оброчные деньги с Кистенёва, назначение в Коллегию иностранных дел с повышением чина с 10-го до 9-го класса в Табели о рангах – до титулярного советника. В то же время в начале ноября поэт вынужден был поехать в Москву по важным делам: надо было отдать старые долги, повидаться с друзьями. В дилижансе он продолжал дорабатывать «Сказку о царе Салтане». Остановился поэт у Нащокина.

Эта первая разлука супругов Пушкиных продолжалась полтора месяца. Они часто переписывались, причём Пушкин писал жене письма уже не по – французски, как до свадьбы, а исключительно по – русски. Сам не посещая московские балы, поэт наставляет беременную жену не слишком увлекаться танцами, волнуется, как она сладит с домашним хозяйством, со слугами, журит за то, что она по первому требованию отдаёт долги. Наталья Николаевна пока ещё не очень – то вошла в роль хозяйки, слугам многое позволяла, не препятствовала роману своей горничной Меланьи с дворецким Василием Калашниковым. Поэт в письме обещает выпроводить Василия в деревню, но на деле поступает совсем по – другому: на следующий год женит его на Меланье. Несмотря на наставления мужа, на балах, в том числе придворных, Наталья Николаевна в ноябре – декабре 1831 года бывала едва ли не каждый вечер и блистала там. Её прозвали не иначе как Психеей. Успех в свете воодушевил молодую женщину, словно компенсируя ей чрезмерные строгости и мелочную опеку со стороны матери в годы отрочества и ранней юности. На здоровье жены поэта бальные танцы никак не повлияли.

Пушкин вернулся из Москвы накануне новогодних праздников 1832 года, и на балах они уже появлялись вместе. Поэт вступил в должность в Коллегии иностранных дел 27 декабря. Старые знакомые отмечали в нём перемену по сравнению с прежним холостым состоянием. Анна Керн писала в своих «Воспоминаниях»: «Пушкин казался совершенно другим человеком: он был серьёзен, важен, как следовало человеку с душою, принявшему на себя обязанность осчастливить другое существо». Своей жене 19 января 1832 года поэт посвятил яркое эротическое стихотворение «Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем…». «О, как милее ты, смиренница моя!» – восклицает Пушкин, сравнивая нежность любимой женщины с

чувственностью «вакханки молодой» своей добрачной молодости. Стихи эти, конечно, не могли быть пропущены цензурой, да и не предназначались для печати. Впервые они были опубликованы в 1858 году.

Наталья Николаевна Пушкина
Худ. А.П. Брюллов. 1832 г.

В начале 1832 года денежные дела Пушкина вновь не блестящи: старые долги он отчасти вернул, но снова занимает деньги на жизнь. 6 апреля 1832 года, на вторую годовщину своего удачного сватовства, поэт подарил жене золотой перстень с бирюзой. В середине мая, накануне её родов, Пушкины переехали в новую 14–комнатную квартиру на улице Фурштадской, что в Литейной части Петербурга. Долго страдая, Наталья Николаевна разрешилась прекрасной девочкой. Как рассказывал впоследствии Нащокин, Пушкин «при первых родах плакал и говорил, что убежит от вторых». Жена его медленно поправлялась, у неё нарывала грудь. Ни эти, ни последующие роды на её изящной фигуре не сказались. В тот год поэтическую красоту Натальи Николаевны запечатлел на портрете акварелист А.П. Брюллов. Она позировала ему в фамильных бриллиантах, которые мужу удалось – таки выкупить из залога ещё в конце зимы.

Дочка появилась на свет 19 мая, в праздник Вознесения Господня, как и сам Пушкин. Назвали её Марией в честь любимой

бабушки поэта – Марии Алексеевны Ганнибал. Крестили малышку Сергей Львович Пушкин, Афанасий Николаевич Гончаров, Наталья Ивановна Гончарова (заочно) и Екатерина Ивановна Загряжская, любимая тётя Натальи Николаевны, влиятельная фрейлина.

Поэт писал Вере Фёдоровне Вяземской: «Представьте себе, что моя жена имела неловкость разрешиться маленькой литографией с моей особы. Я в отчаянии, несмотря на всё моё самомнение». Конечно, ему хотелось, чтобы его дочь выросла красавицей, как и жена. Пушкин очень любил свою Машку, переживал о ней: она была болезненным ребёнком, а первые зубки у неё прорезались только после года. Впоследствии Мария Пушкина, в замужестве Гартунг, удачно сочетала в своём облике черты отца и матери, её колоритную внешность Лев Толстой придал главной героине романа «Анна Каренина».

8 сентября 1832 года умер крёстный отец девочки, Афанасий Николаевич Гончаров. Пушкин взял отпуск, чтобы сопроводить его тело для погребения в Полотняном Заводе. Это была вторая разлука поэта с женой. В течение месяца они часто переписывались. В их письмах – заботы о Машеньке, взаимная ревность и оправдания, всякие деловые сообщения. Поэт делится с женой планами написания романа с главным героем Островским (потом он был переименован в Дубровского) и героиней по имени Маша. Заканчивает он письма очень сходно: «Прощай, мой ангел, цалую тебя и Машу. Прощай, душа моя – Христос с тобою». В письме, из которого процитировано окончание, поэт писал жене: «Мне без тебя так скучно, так скучно, что не знаю, куда головы приклонить».

Вернувшись, поэт застал дом не совсем в порядке: Наталья Николаевна пока не стала полновластной хозяйкой. Пушкин поменял прислугу, поваров, нанял новую квартиру из 12 комнат на Гороховой улице. 20 ноября, накануне переезда, он был с женой на рауте у Фикельмонов. На следующий день Дарья Фёдоровна, заполняя свой дневник, вновь признала Пушкину самой красивой и написала: «Это образ, перед которым можно оставаться часами, как перед совершеннейшим созданием Творца».

Ревность поэта, никогда до 1836 года не переходила разумных границ, хотя поклонников у Натальи Николаевны было много, что вполне объяснимо: красота и громкое имя делали своё дело. Среди молодых людей стало модным вздыхать по Пушкиной. Иногда влюблёнными считали себя даже те, кто только слышал о ней, но ни разу не встречал. Ко всем обожателям она относилась ровно и без явного флирта, никому не подавая

надежды и не допуская мысли об измене клятве верности, данной при венчании. Пушкин жене верил, хотя иногда и журил её в письмах за кокетство. Такая лёгкая ревность только раззадоривала его. Поэту нравилось, что жена – первая красавица, привлекающая всеобщее внимание, что она выигрывает у столичных дам в шахматы. Правда, эти дамы находили в ней мало ума, имея в виду не способности и уровень образованности, а так называемый светский ум – умение разгадывать чужие интрижки и плести свои, пустить пыль в глаза, блеснуть поверхностной эрудицией…

В конце октября Наталья Николаевна вновь забеременела. Она родила здорового мальчика 6 июля 1833 года, когда семья жила на даче на Чёрной речке. Ребёнка назвали Александром в честь прадедов по материнской и отцовской линии – Александра Петровича Пушкина и Александра Артемьевича Загряжского. Пушкин был очень рад рождению «рыжего Сашки» и отмечал это событие с Нащокиным, который и стал крёстным отцом ребёнка. Новорождённого окрестили 20 июля в церкви Иоанна Предтечи на Каменном острове. Крёстной матерью была снова Екатерина Ивановна Загряжская.

Материальное положение Пушкина было по – прежнему трудным. Жалования в 5000 рублей и литературных заработков не хватало. Поэт занимал деньги. Для поправки дел ему нужно было поехать в Болдино. Он выхлопотал себе разрешение одновременно заехать в Оренбург и Казань с целью ознакомления с местными архивами. Пушкин в тот год работал не только над «Дубровским», но и над «Историей Пугачёва». Ему нужны были архивные материалы.

Оставив жену и детей на даче под Петербургом, поэт отправляется в путешествие. По пути он заезжает в Торжок и в тверские имения Вульфов, останавливается в Павловском – имении Павла Ивановича Вульфа. Отсюда Пушкин пишет известное письмо жене со словами, которые стали крылатыми: «Гляделась ли ты в зеркало и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего нельзя сравнить на свете, – а душу твою я люблю ещё более твоего лица».

Наталья Николаевна Пушкина
Рис. А.С. Пушкина 1833 г.

Поэт побывал у тёщи в Яропольце, где поклонился могиле гетмана Дорошенко. Наталья Ивановна в этот раз приняла зятя очень любезно. По пути в Москву на пару часов он останавливался в Захарове у няниной дочери Марьи Фёдоровны. В Москве Пушкин тоже долго не задержался: посетил друзей, прошёлся по книжным лавкам. Приехав в Нижний Новгород, поэт остановился в гостинице в центре города, близ нижегородского кремля (современный адрес: пл. Минина и Пожарского, 5). Обедал он у генерал – губернатора Михаила Петровича Бутурлина. Тут – то и произошёл курьёз: Бутурлин усомнился в научных целях поездки Пушкина и принял его за тайного ревизора, о чём предупредил письмом оренбургского губернатора Василия Алексеевича Перовского. Именно у него в Оренбурге и остановился поэт. Прочитав послание, хозяин дома рассмеялся и показал его Пушкину. Тот набросал сюжет произведения на основе этого курьёза, но не реализовал его, а впоследствии подарил Гоголю для комедии «Ревизор».

Казань, село Языково (имение друга – поэта Николая Языкова), Симбирск, Оренбург – вот основной маршрут Пушкина. В Болдино он прибыл 1 октября. Перезаложить кистенёвских мужиков ему не удалось, зато литературный багаж второй Болдинской осени оказался богатым: беловая рукопись «Истории Пугачёва», поэмы «Анджело» и «Медный всадник», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о мёртвой царевне…», повесть «Пиковая дама», цикл «Песни западных славян», стихотворение «Осень» и несколько других. Все эти шедевры помимо радости творчества обещали принести поэту и хороший гонорар.

Тем временем в Петербурге Наталья Николаевна уже сама

уверенно и экономно вела домашнее хозяйство. Она управлялась со слугами, самостоятельно наняла подходящую квартиру на Пантелеймоновской улице близ Летнего сада, устроила и некоторые денежные дела, заняв 500 рублей на самое необходимое под поручительство брата Дмитрия, который управлял гончаровским майоратом после смерти дедушки. Наталья Николаевна помогала мужу в его делах, умела договориться о более выгодных контрактах с издателями. Писал поэт на бумаге гончаровской фабрики уже с первых дней их совместной жизни.

Незадолго до нового 1834 года царь пожаловал А.С. Пушкина в камер – юнкеры, хотя это звание было не очень – то прилично для его возраста: обычно оно давалось молодым людям. Надо сказать, что никакой цели унизить поэта Николай I не преследовал: придворное звание соответствовало чину Пушкина и давало ему, а главное, его жене доступ ко двору. Поэт так и записал в дневнике: «…двору хотелось, чтобы Н.Н. танцевала в Аничковом». В Аничковом дворце, принадлежавшем государю, устраивались великосветские рауты для избранного круга.

А.С. Пушкин. Автопортрет 1834 г.

Поэт должен был присутствовать на балах и дворцовых приёмах, соблюдая все строгие правила этикета, что не только требовало значительных трат, но и отвлекало от творчества. Камер – юнкерский мундир он не любил, его тяготили придворные обязанности, необходимость одеваться чётко по этикету. Пушкин иногда приезжал одетый не как следовало, и ему приходилось возвращаться домой, чтобы переодеться.

Наталье Николаевне по – прежнему очень нравились великосветские рауты и балы, которые приятно разнообразили нелёгкую, полную будничных забот жизнь молодой матери, вынужденной вести дом в материально стеснённых условиях. Зимой 1834 года она много и весело танцевала на балах, не зная о наступившей беременности. Итогом стал выкидыш после бала в последний день Масленицы. Злые языки столичных сплетников тут же отнесли это на счёт побоёв мужа. Пушкин жену и пальцем

не трогал, конечно, а вот она в порыве ревности однажды после бала влепила ему увесистую пощёчину. По этому поводу поэт шутил, что рука у его Мадонны тяжёленька. Он после женитьбы на Наталье Николаевне не перестал замечать красоту других женщин, посвящал им стихи, говорил комплименты, но никем серьёзно не увлекался.

В тот год Пушкины разлучались на несколько месяцев: 15 апреля, накануне Пасхи, поэт отправил жену с детьми в Москву, откуда она через некоторое время выехала на лето в Полотняный Завод. Пушкин жил один в Петербурге до середины августа. Супруги часто писали друг другу письма, из которых поэт узнал, что жена хочет взять к ним в дом своих сестёр – Екатерину и Александру. Наталья Николаевна их любила и жалела: в глуши у них не было никаких перспектив устроить свою судьбу. Поэт предупреждал жену: «Но обеих ли ты сестёр к себе берёшь? Эй, жёнка! смотри… Моё мнение: семья должна быть одна под одной кровлей: муж, жена, дети, покамест малы; родители, когда уже престарелы. А то хлопот не оберёшься, а семейственного спокойствия не будет». Пушкин предвидел, что столичные кавалеры скорее станут увиваться вокруг его прекрасной жены, а не вокруг её гораздо менее красивых сестёр – бесприданниц. Однако Натали мужа не послушала.

Перед отъездом из Петербурга Пушкин снял более просторную квартиру на Дворцовой набережной недалеко от Летнего сада. До него там жил Пётр Вяземский с семьёй. Поэт прибыл в Полотняный Завод 25 августа 1834 года накануне именин и дня рождения жены. Тёщу с именинами он поздравил письмом, в котором писал: «Покамест поздравляю Вас с 26–м и благодарю за 27–е. Жена моя прелесть, и чем доле я с ней живу, тем более люблю это милое, чистое, доброе создание, которого я ничем не заслужил перед Богом».

Александра Николаевна Гончарова. Неизв. худ.
Конец 1820–х – начало 1830–х гг.

Прожив полторы недели в Полотняном Заводе, Пушкин едет с женой, детьми и двумя сёстрами Гончаровыми в Москву. Пробыв там несколько дней, 10 сентября он направляется в Болдино, стремясь поправить дела в заложенном имении отца и рассчитывая там продуктивно поработать, как в предыдущие два года. Эти надежды не очень – то оправдались: поэт написал только одно замечательное произведение – «Сказку о Золотом петушке» и грустное стихотворение «Стою печален на кладбище…». Душевное состояние Пушкина и хлопоты по имению не способствовали сочинительству. 14 сентября 1834 года он писал жене из Болдина: «Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив; но я не должен

был вступать в службу и, что ещё хуже, опутать себя денежными обязательствами». В Петербург он вернулся 15 октября 1834 года.

Екатерина Николаевна Гончарова. Неизв. худ.
Конец 1820–х – начало 1830–х гг.

Поэт оказался прав: жизнь под одной крышей с сёстрами жены нарушала его спокойствие, хотя к свояченицам он относился очень тепло и предупредительно. Екатерина скоро стала фрейлиной при дворе. Жена снова была беременна, но всё равно часто выезжала в свет. Поэт советовал ей быть осторожной. Второго сына Григория Наталья Николаевна родила 14 мая 1835 года. Назван он был в честь предка Пушкина. Поэт увидел новорождённого на следующий день, когда вернулся из 10–дневного путешествия в Тригорское и Михайловское. Именно младший сын поэта Григорий Александрович Пушкин впоследствии будет жить в родовом имении, выйдя в 1866 году в отставку в чине статского советника.

Лето 1835 года семья Пушкиных провела снова на даче на Чёрной речке. Визиты тётки и родных, визиты к родственникам и знакомым, летние балы и празднества, домашняя суета – всё это тяготило Пушкина. Он начал прощупывать почву насчёт ухода в отставку и жизни в деревне при сохранении возможности пользоваться в случае необходимости петербургскими активами. Ему был предложен отпуск на четыре месяца. Поэт 7 сентября 1835 года поехал в Михайловское. Радость от пребывания в родном сельце сменилась у него ностальгией и тоской по жене и детям. 14 сентября он написал жене: «Вот уж неделя, как я тебя оставил, милый мой друг; а толку в том не вижу. Писать не начинал и не знаю, когда начну. Зато беспрестанно думаю о тебе и ничего путного не надумаю. Жаль мне, что я тебя с собою не взял». Он написал чудное белое стихотворение «…Вновь я посетил», но продуктивно в родных местах ему поработать так и не удалось. 23 октября поэт вернулся в Петербург и вновь окунулся в светскую, частную и творческую жизнь, планируя выпускать новый журнал и хлопоча о ссудах на проживание семьи и издательские дела.

Несмотря на все трудности семейной жизни и ограниченность в средствах, Пушкин и его жена были счастливы в течение пяти лет совместной жизни.

Роковая дуэль

Предыстория последней дуэли Пушкина охватывает два – три последних года его жизни, но основные события приходятся на 1836 год. В первых числах января судьба улыбнулась поэту: наконец – то пришло разрешение царя Николая I на издание журнала «Современник». Это известие вместе с недавним дозволением к печати трагедии «Борис Годунов» без цензурных изъятий, с которыми она вышла в свет в 1830 году, очень порадовали поэта. Он рассчитывал не только удовлетворить творческие интересы, но и поправить тяжёлое материальное положение своей большой семьи. К тому же ему приходилось брать на себя карточные долги младшего брата Льва Сергеевича. Жизнь в столице была настолько дорога, что Пушкин платил в год за квартиру на набережной Мойки, 12, сумму, близкую к его жалованию, в счёт которого он взял в казне ссуду на издательские дела. В них он погрузился с головой, параллельно не переставая работать над «Историей Петра».

Александр Сергеевич Пушкин
Худ. П.Ф. Соколов 1836 г.

Вскоре посыпались неприятности. Ещё в сентябре 1835 года в «Московском наблюдателе» была опубликована острая сатира «На выздоровление Лукулла», в одном из героев которой с негодованием узнал себя Сергей Семёнович Уваров, министр народного просвещения и председатель Главного управления цензуры. Поэта вызвали к шефу корпуса жандармов графу Бенкендорфу, который высказал ему резко отрицательное мнение царя. Симпатии высшего света также были не на стороне Пушкина. Недоброжелательно к нему относились и некоторые литераторы. В начале февраля в журнале «Библиотека для чтения» вышла статья с нападками на поэта по поводу издания сказки Виланда «Вастола» в слабом переводе Ефима Люценко. Пушкин пожалел бедного престарелого литератора, лицейского служащего, и согласился из благотворительных побуждений поставить своё имя в качестве издателя, что и послужило поводом для издёвок недоброжелателей.

Музей – квартира А.С. Пушкина на наб. Мойки, 12 Кабинет и библиотека поэта. Фото 2012 г.

Александр Сергеевич был раздражён, он почувствовал, что его начинают травить. Это вылилось в три инцидента, которые могли бы закончиться дуэлями, но, к счастью, были довольно легко урегулированы. Надо отметить, что Пушкин со времени женитьбы не участвовал в дуэлях, хотя в молодости имел их много. Впрочем, поэт не только никого не убил на поединках, но даже и не ранил. Два конфликта 1836 года – с князем Н.Г. Репниным и С.С. Хлюстиным – касались вышеупомянутых публикаций, а поводом для третьего послужила какая – то неловкая фраза, сказанная молодым писателем, графом Владимиром Соллогубом, жене поэта. Инцидент с Хлюстиным уладился с помощью друзей, князь Репнин прислал очень любезное письмо, где представлял конфликт недоразумением, а искренне преданный Пушкину Владимир Соллогуб, который решил в случае дуэли не стрелять в поэта, при первой же возможности извинился.

В январе – феврале 1836 года за Натальей Николаевной начинает настойчиво ухаживать блестящий кавалергардский офицер Жорж – Шарль Дантес. Он и раньше был поклонником первой красавицы Петербурга, но не столь назойливым. Пушкин ревниво наблюдает, однако ничего не предпринимает. В обществе ухаживание замечено, но пока не вызывает особых пересудов.

Поэт вполне доверяет любимой жене, которая умеет держать своих многочисленных поклонников на расстоянии. Наталье Николаевне нравится общество красивого остроумного кавалергарда, она тронута его вниманием и слегка кокетничает с ним. Ей весело танцевать на балах, тем более что её состояние не позволяет часто выезжать: молодая женщина снова забеременела и чувствовала себя неважно.

Неравнодушной к своему успеху в свете жене Пушкина поначалу было приятно ухаживание Дантеса. Однако напрасно она столь благосклонно и доверчиво относилась к своему назойливому поклоннику. Он был не так прост и искренен, как казалось. Красавец Жорж, француз по происхождению, прибыл в Россию 26 августа 1833 года, как раз в Натальин день, «на ловлю счастья и чинов»: сделать карьеру на родине молодой шуан тогда не мог в силу политической обстановки. После весьма мягкого экзамена Дантес был принят корнетом в привилегированный Кавалергардский полк: сыграли свою роль протекция голландского посланника, барона Якоб Луи ван Геккерна (Эккерна), с которым Жорж подружился в дороге, и рекомендательное письмо прусского наследного принца Вильгельма. Сначала встреченный весьма недружелюбно, ловкий и обаятельный Жорж затем быстро влился в светское общество, стал своим человеком даже в среде ультрафешенеблей – так называли тогда молодых людей самых знатных и богатых фамилий. Дантес не отличался особым прилежанием на службе. Не имея законченного офицерского образования, он не мог, например, чётко держать дистанцию на парадах. Его частенько наказывали за различные нарушения: за три года он получил 44 взыскания. Несмотря на это, он в январе 1836 года был произведён в поручики.

Барон Жорж – Шарль Дантес
Худ. Т. Райт. 1835 г.

По – русски Дантес не говорил, ограничивался несколькими заученными командными фразами. В жизни этого и не требовалось: в окружавшем его обществе по – французски говорили лучше, чем на родном языке. Жорж имел талант нравиться людям. Он был балагуром, обладал актёрскими способностями и смешно изображал всякие сценки. Правда, он любил позубоскалить, но это не считалось дурным тоном. Француз обладал галантными манерами, искусно танцевал. Его называли «котильонным принцем». Он был радушно принят при дворе, в великосветских домах, в том числе у Пушкиных, Вяземских и в салоне Е.А. Карамзиной, вдовы знаменитого историка и писателя, где собирался круг ближайших друзей Пушкина. Да и сам поэт Дантесу поначалу симпатизировал, познакомившись с ним в 1834 году, когда Наталья Николаевна проводила лето в Полотняном Заводе.

Несмотря на то что Жорж Дантес постоянно ухаживал за светскими дамами и пользовался их благосклонностью, ходили слухи о его совсем не платонических отношениях со своим покровителем, бароном Луи Геккерном: голландский посланник слыл приверженцем однополой любви. Это был умный опытный дипломат и хитрый интриган. Всю первую половину 1836 года Геккерн находился за границей по разным делам, важнейшим из которых были хлопоты по усыновлению Дантеса. Чтобы прекратить скандальные пересуды, были пущены слухи о том, что Жорж – незаконный сын то ли посланника, то ли самого голландского короля. Но этого казалось недостаточно. Громкий роман с известной красавицей мог бы сыграть роль громоотвода. Может быть, здесь скрывалась одна из первоначальных причин настойчивых ухаживаний за Н.Н. Пушкиной. Впрочем, не обделял знаками внимания Жорж и безумно влюблённую в него Екатерину Гончарову. Та не была дурнушкой, как об этом иногда пишут, обладала своеобразной внешностью, но казалась непривлекательной по сравнению со своей блистательной младшей сестрой.

Барон Якоб Луи ван Геккерн
Неизв. худ. 1843 г.

В январе – марте 1836 года Дантес пишет Геккерну письма, из которых долгое время были известны лишь два. В первом Жорж признается в безумной любви к «самому очаровательному созданию Петербурга», не называя имени женщины, муж которой очень ревнив. Однако её имя – секрет от чиновников почтового ведомства, которые могли вскрыть письмо, от общих знакомых, но не от Геккерна: в тексте имелась ключевая фраза, по которой посланник мог без труда понять, о ком идёт речь. Во втором письме Жорж рассказывает об объяснении, происшедшем у него с возлюбленной, которая, признавшись ему в сильном ответном чувстве, просила не требовать от неё нарушения супружеского долга, не афишировать их отношений. Опубликованные в 2000 году другие письма Дантеса к Геккерну за тот же период свидетельствуют, что речь в них идёт именно о Наталье Николаевне Пушкиной. В частности, в письме от 28–30 марта

1836 года Дантес, возвращаясь к предмету своей страсти, пишет о смерти свекрови этой женщины. Надежда Осиповна Пушкина умерла именно в эти дни.

Идалия Григорьевна Полетика
Худ. П.Ф. Соколов. 1820–е гг.

Письма подтверждают приверженность барона Якоба Луи ван Геккерна однополой любви и свидетельствуют о развращённости Жоржа Дантеса, который одновременно домогался нескольких женщин, не забывая и своего покровителя. В письмах фигурирует некая Супруга, настоящее имя которой тщательно скрывается. Скорее всего, имелась в виду Идалия Григорьевна Полетика, внебрачная дочь графа Григория Александровича Строганова и троюродная сестра Натальи Николаевны Пушкиной. Идалия, жена

полковника Кавалергардского полка Александра Полетики, обладала на редкость красивой внешностью. В то время отношения её с семьёй Пушкиных оставались ещё дружескими. Полетика была явно неравнодушна к Жоржу Дантесу, если судить по найденным её письмам к нему и к Екатерине Гончаровой, и полностью поддерживала его в дуэльной истории. Эта женщина потеряла двоих малолетних детей в первой половине 1830–х годов, о чём упоминается в одном из писем Дантеса. Фразу долгое время относили к году, когда письмо было написано, поэтому не находили достоверных кандидатур на роль Супруги. Исследователь Виктор Тэн доказал, что Дантес имел в виду события прошлых лет: ссылаясь на свой предыдущий опыт, он писал, что потерю детей Супруги он заменить ей не в силах. Идалия Полетика была женой его непосредственного командира, раскрытие устойчивой интимной связи с ней грозило большими осложнениями по службе, поэтому в письмах, опасаясь их вскрытия почтовиками, Дантес тщательно конспирировал её имя.

Существует мнение, что письма Дантеса к Геккерну написаны с целью вызвать ревность приёмного «отца – любовника», подогреть его интерес к себе, самоутвердиться в роли «светского льва», в арсенал которого должен обязательно входить громкий роман с видной красавицей. Такая цель, вполне возможно, имела место, но была не единственной и не главной. По письмам Дантеса к Геккерну за 1836 год складывается впечатление, что француз питал к Наталье Николаевне любовное чувство, но не возвышенное, а гораздо более прозаическое, связанное с сильным плотским влечением. О настойчивости Дантеса говорят такие фразы из его письма от 6 марта 1836 года: «…в последнее время было предостаточно случаев, когда она могла отдать мне всё, и что же, мой дорогой друг? – никогда ничего! Никогда! Она оказалась гораздо сильнее меня, больше 20 раз просила она пожалеть её и детей, её будущность и была в эти минуты, столь прекрасна, <…> что казалась ангелом, сошедшим с небес. <…> Она осталась чиста и может высоко держать голову, не опуская её ни перед кем в целом свете». Однако в конце каждого письма Жорж обязательно добавляет признание в «нежных чувствах» своему покровителю: «Обнимаю Вас так же, как люблю, очень крепко».

Весной 1836 года беременная жена Пушкина перестала выезжать в свет, и разговоры об ухаживании за ней Дантеса и о его якобы сильной и возвышенной любви на время поутихли. 29 марта скончалась долго перед этим болевшая мать поэта Надежда Осиповна. Он взял на себя все хлопоты по её погребению и один сопровождал гроб в Святогорский монастырь. Похоронив мать

близ могил её родителей, Пушкин купил рядом место для себя, будто предвидя скорую гибель. В конце апреля поэт отправляется в Москву работать в архивах над «Историей Петра», уладить многие дела по изданию «*Современника*», встретиться с друзьями. Он каждые два – три дня пишет жене, которая продолжает вести его издательские дела в Петербурге, радуется её скорым ответам. Возвращается домой Пушкин 23 мая, в тот самый день, когда Наталья Николаевна родила дочку Наташу, очень на него похожую.

Наскоро уладив насущные дела, поэт посвящает себя творчеству. Обстановка душевного покоя способствует этому: жена поправляется после родов, дети тоже радуют любящего отца. Семья живёт на даче на Каменном острове. Пушкин пишет стихотворения, статьи для «Современника», роман «Капитанская дочка».

Музей – квартира А.С. Пушкина на наб. Мойки, 12 Детская комната. Фото 2012 г.

На летние балы Пушкины не выезжают. В это время там блистает Жорж Дантес, уже усыновлённый Геккерном и получивший права наследника. Теперь француз имел титул барона и во Франции (от рождения), и в Нидерландах (от Геккерна). На самом деле голландский посланник ввёл Сенат России в заблуждение: указом короля Нидерландов Вильгельма I от 5 мая 1836 года Дантесу было даровано подданство и дворянство этой страны с правом на герб и имя баронов Геккернов при условии, что всем этим он может пользоваться с мая 1837 года. Об усыновлении совершеннолетнего Жоржа речь

не шла, так как Геккерн не достиг 50–летнего возраста, необходимого по закону для этого.

Всё лето Дантес продолжает твердить знакомым о своей возвышенной любви к Наталье Николаевне. Впрочем, некоторые из дам, в том числе сестра поэта Ольга Сергеевна Павлищева, подшучивают над его излияниями. Умная и язвительная Софья Карамзина, дочь знаменитого историка, называет их «смешными припадками».

В конце лета 1836 года душевное равновесие Пушкина вновь нарушено. Потерпели крушение его надежды на коммерческий успех «Современника»: тираж первых двух томов был раскуплен лишь на треть. Серьёзный литературный журнал пришёлся не по вкусу широкой публике. Издавая третий том, Пушкин старается исправить положение: сократить тираж и сделать содержание более популярным. К несчастью, долги поэта всё растут. Несмотря на тяжёлые обстоятельства, Пушкин продолжает много писать.

В сентябре – октябре возобновились балы, на которые начинает выезжать Наталья Николаевна. Она, как и прежде, поражает ослепительной красотой. Жорж Дантес всё настойчивее ухаживает за ней, стремясь во что бы то ни стало одержать такую важную для его самолюбия победу, пишет ей любовные письма. Разговаривая с Екатериной Гончаровой в салоне Карамзиных, он демонстративно бросает взгляды на её младшую сестру. Доверчивая Наталья Николаевна пока принимает его «любовь» близко к сердцу и не понимает, что против неё и её мужа плетутся гнусные интриги, в которых Дантес, желающий добиться интимной близости с нею, становится орудием подлых людей, возможно, даже против своего желания. Она никак не может взять нужный тон и теряет контроль над ситуацией в целом.

Наталья Николаевна Пушкина
Худ. Т. Райт. 1844 г.

Прекрасная Натали так и не стала опытной светской дамой и оказалась безоружной против интриг. В свете распространяются порочащие её слухи, воображение сплетников, любующихся красивой парой на балах, рисует картины супружеской измены. Пушкин сильно озабочен, но по – прежнему безгранично доверяет жене и пока активных действий не предпринимает.

В конце октября на одном из вечеров барон Луи Геккерн по просьбе Дантеса, изложенной в его письме с дежурства, разговаривает с Натальей Николаевной, заклиная «спасти сына», который якобы умирает от страсти к ней, хотя на самом деле Дантес лишь сильно простужен. А в случае отказа ещё и пытается припугнуть, что всё откроет мужу. Жена Пушкина оскорблена до глубины души. Она, мать четверых детей, была глубоко верующим человеком и никогда не изменила бы супружескому долгу, не бросила семью, даже если бы была сильно влюблена в Дантеса. Хотя ей приходится терпеть унижения, она, видимо, ещё не смеет сказать об этом супругу, боясь его реакции и возможной дуэли.

Утром 4 ноября Пушкин получает конверт с аккуратно написанным адресом, где находит анонимный диплом, в котором сообщается, что он избран заместителем магистра и

историографом Ордена Рогоносцев. Содержание пасквиля было очень оскорбительным. Председателем собрания значился «магистр Ордена» Д.Л. Нарышкин, в ту пору глубокий старик, жена которого Мария являлась многолетней любовницей Александра I. Ходили слухи, что император якобы щедро оплачивал молчаливое согласие своего обер – егермейстера на бесчестье. Под дипломом значилась подпись: «Непременный секретарь граф И. Борх». Возможно, анонимщик намекал на Иосифа Борха, переводчика – протоколиста Коллегии иностранных дел. И сам граф, и жена его Любовь слыли людьми лёгкого поведения.

Сначала поэт будто бы не воспринимает пасквиль серьёзно: из – за анонимных писем не принято было считать себя публично оскорблённым. Потом выясняется, что такие же письма в двойных конвертах получили для передачи Пушкину ещё семь-восемь человек: его друзья из кружка Карамзиных, а также Елизавета Хитрово, широко известная в обществе своим добрым и заинтересованным отношением к поэту, и некоторые другие знакомые. Это был уже публичный выпад против Пушкина и его жены. Видимо, наконец состоялось объяснение Пушкина с Натальей Николаевной и она рассказала о недавнем разговоре с Геккерном и о возмутительном предложении Дантеса. Поэт предпринял небольшое расследование и пришёл к однозначному выводу, что письма исходят от Геккернов и их окружения в отместку за отказ его жены. Он выяснил, что сорт дорогой бумаги, использованной для пасквилей, применяется в дипломатических кругах, но не придавал, видно, большого значения, чьей рукой они были написаны. Пушкин счёл, что разгадал интригу врагов. Однако, стремясь оградить Наталью Николаевну от сплетен, даже от друзей Пушкин скрывает пока многие известные ему обстоятельства.

Кандидатами на авторство дипломов называли разных лиц. Ни одна из версий потом не подтвердилась. Согласно последним исследованиям, пасквили написаны, вероятнее всего, наёмным писцом. За основу взят один из шутовских дипломов, печатные образцы которых были привезены из Вены. Но это техническая сторона дела. Кто же был заказчиком и распространителем пасквилей? Это до сих пор точно неизвестно, хотя вопрос очень важен для разгадки тайны роковой дуэли Пушкина.

Теперь исследователи сходятся на том, что анонимки распространяли не Геккерны, которым вовсе не нужна была дуэль, ставившая крест на их карьере в России. Пасквили могли исходить не от них или их настоящих друзей, не от врагов Пушкина, а от кого – то из весьма состоятельных и тайных врагов

Дантеса, завидовавших его успехам при дворе либо обиженных его поступками.

Граф Карл Васильевич Нессельроде
Худ. П.Ф. Соколов После 1829 г.

Известно высказывание царя Александра II о том, что пасквили написаны Нессельроде. Скорее всего, государь говорил о супруге канцлера Марии Дмитриевне Нессельроде, урождённой Гурьевой, статс – даме. Этот семейный клан прославился мздоимством. Исследователь Виктор Тэн выдвинул стройную и логичную версию о том, что чета Нессельроде вела игру одновременно и против Луи Геккерна, и против Пушкина. Поэта М.Д. Нессельроде ненавидела. С голландским посланником эта семья поддерживала внешне весьма дружеские отношения. Однако есть основания предполагать, что сребролюбивый Карл Нессельроде получил через Геккерна от короля Нидерландов солидную взятку за решение важной для этого государства проблемы: усмирить бельгийцев с помощью вмешательства

русской армии. Бельгия окончательно отделилась только в 1838 году, а до этого была частью Нидерландов. В 1830–е годы борьба бельгийцев за независимость резко усилилась. Россия с военным вмешательством медлила. Карл Нессельроде вёл свою политику в интересах Австрии, не хотевшей этого вмешательства.

Чтобы «не отрабатывать» полученную взятку, чете Нессельроде нужен был громкий скандал, который заставил бы Геккерна ни с чем покинуть Россию. Подлая и умная Мария Нессельроде воспользовалась страстью Дантеса к Пушкиной, чтобы способствовать возникновению дуэльной ситуации. Это ей в конечном итоге удалось. Для отлично осведомлённых обо всём происходящем в свете Нессельроде не составляло проблемы выбрать удобный момент (они могли знать о состоявшемся разговоре жены Пушкина с Геккерном), организовать написание пасквилей на дорогой бумаге и отправить их почтой из отделения, ближайшего к дому Геккернов, тем самым подставив последних. То есть и Пушкин, и Геккерны стали жертвой крупных политических интриг. Однако эта версия зиждется только на косвенных доказательствах и пока не имеет документальных подтверждений. Найти их почти невозможно: осторожные Нессельроде, разумеется, не вели никаких записей ни о полученных ими взятках, ни о своих делах и планах.

В 1819 году известная петербургская гадалка Кирхгоф предсказала юному тогда поэту возможную смерть в 37 лет от «белого человека, белой лошади или белой головы». Жорж Дантес был блондином. Несмотря на суеверность, вечером 4 ноября 1836 года поэт посылает ему вызов на дуэль. Другого благородного способа публично защитить свою честь тогда не существовало. Дуэли начали распространяться в среде русских дворян со времён Петра I, хотя были строго запрещены, осуждались церковью (погибший дуэлянт приравнивался к самоубийце) и карались по закону смертной казнью. Впрочем, столь суровое наказание никогда не применялось на практике. Обычно всё ограничивалось разжалованием в солдаты, гауптвахтой, переводом из гвардии в армию, в действующие части, отставкой от службы, а для штатских лиц – высылкой в собственное имение и церковной епитимьёй.

5 ноября письмо Пушкина с вызовом на дуэль доставили по адресу. Жорж Дантес в это время находится на дежурстве в полку, и письмо распечатывает Луи Геккерн. Дуэль означала полный крах карьеры дипломата и его приёмного сына в России. Перепуганный голландский посланник приезжает к Пушкину, принимает вызов от имени сына и вымаливает у поэта отсрочку сначала на сутки, а на следующий день – на две недели. От

друзей Пушкин свой вызов скрывает, но о нём узнаёт Наталья Николаевна. В отчаянье она обращается к Жуковскому, самому надёжному и авторитетному другу семьи. Тот немедленно приезжает в Петербург из Царского Села. Его вмешательство оказывает решающее влияние на ход событий.

Хитрый Геккерн – старший придумывает искусный ход, представляя дело так, будто Дантес ухаживал вовсе не за Натальей Николаевной, а за её сестрой Екатериной Николаевной и даже тщетно просил у него разрешения на брак со старшей Гончаровой. Теперь барон якобы решил дать своё согласие, но вызов Пушкина поставил Жоржа в ужасное положение: он не может сделать предложение, потому что подумают, что он боится дуэли. Геккерн заверяет, что если Пушкин возьмёт свой вызов назад, то предложение Екатерине будет сделано немедленно. Опытный дипломат, он убеждает Жуковского и фрейлину Екатерину Ивановну Загряжскую, тётушку и опекуншу сестёр Гончаровых в Петербурге, в своей правоте. Когда об этом сообщают Пушкину, он не верит в искренность намерений Дантеса. Знает он и то, что француз не боится встать к барьеру, рассчитывая на везение, а вся интрига затеяна с целью сохранения карьеры, поэтому убедить поэта отказаться от вызова очень трудно. Не зная всех обстоятельств, друзья не понимают поведения Пушкина, приписывая всё слепой ревности.

Длительные переговоры идут с переменным успехом. Поэт добивается от Геккернов гарантий исполнения их обещаний. Им пришлось в конце концов уступить. 16 ноября Пушкин пишет Дантесу письмо, где признает свой вызов не имевшим место, поскольку, якобы по слухам, узнал о его намерении свататься к старшей свояченице. Однако дерзкий ответ француза, требовавшего отказа без всяких объяснений, чуть было не расстроил дело. Помогло вмешательство Геккерна – старшего и секундантов Владимира Соллогуба и Д'Аршиака. На следующий день была объявлена неожиданная для всех помолвка Жоржа и Екатерины, которая тут же вызвала недоумённые пересуды: все знали об «испепеляющей любви» Дантеса к жене Пушкина и не верили, что этот брак состоится. Не смела поверить в своё счастье даже сама Екатерина Гончарова. Её переписка с женихом и братом Дмитрием даёт косвенные основания полагать, что к тому времени она была уже беременна от Дантеса и помолвка спасла её от бесчестья.

В обществе не знают о вызове, в великосветских салонах распространяются слухи, будто Дантес своим сватовством, словно благородный рыцарь, пытается спасти честь любимой им Натальи Николаевны. Всё поведение француза как бы подтверждает это

мнение. В свете жалеют Дантеса и осуждают ревнивца Пушкина. Невыносимая обстановка повергает поэта в отчаяние. 21 ноября Пушкин пишет два письма. Первое, негодующее и оскорбительное, предназначалось Луи Геккерну, а второе, сдержанное и официальное, – графу Бенкендорфу. Но Жуковскому удаётся убедить поэта не отправлять письма, иначе дуэль стала бы снова неминуема. Сыграл свою роль здесь и разговор Пушкина с императором, состоявшийся 23 ноября в Зимнем дворце, видимо, при содействии Жуковского. Достоверно содержание разговора неизвестно. Предположительно поэт посвятил Николая I в суть дуэльной истории, умалчивая о деталях, а царь взял с него обещание больше не ввязываться в дуэли и, если ситуация обострится, обратиться прямо к нему. Однако после разговора ничего не изменилось, сплетни не прекратились. Царь не предпринял никаких действий, хотя мог бы высказать неудовольствие наглым поведением Дантеса, который дорожил карьерой и наверняка прислушался бы. Зато на одном из балов озабоченный Николай I «по – отечески» советовал Наталье Николаевне быть осторожнее и беречь свою репутацию ради счастья супруга, чем вызвал её смущение.

Пушкин, Натали и Дантес. Худ. В.А. Устинов. 1999 г.

Об отношении Николая I к жене Пушкина следует сказать особо, ведь долгое время считали, что он за ней явно ухаживал. На самом деле их отношения не выходили за рамки строгого этикета, хотя царь открыто симпатизировал первой красавице Петербурга и не сомневался в её верности мужу. На основании имеющихся документов нельзя утверждать о целенаправленном участии царя в травле поэта, которая становилась всё агрессивнее. На стороне Геккернов были влиятельные семейства министра народного просвещения, президента Академии наук С.С. Уварова, обер – камергера Г.А. Строганова, министра иностранных дел К.В. Нессельроде и других.

В распространении сплетен принимала активное участие группа ультрафешенеблей, служивших в Кавалергардском полку вместе с Дантесом. Среди них особенно выделялся молодой князь Александр Васильевич Трубецкой, фаворит императрицы. Вяземский в письмах к Эмилии Карловне Мусиной – Пушкиной, пленившей его умной, очаровательной женщине, в шутку называл этих молодых людей «красными» по цвету кавалергардских мундиров, а Трубецкого – «наикраснейшим», причём слова эти писал красными чернилами. Вяземский много иронизировал по поводу их поведения, не подозревая пока об их роли в травле своего друга Пушкина. Эти люди клеветали на великого поэта и его жену и плели интриги отнюдь не только из – за желания

позабавиться. Одни были озлоблены его дерзкими и правдивыми эпиграммами, другие – вольнолюбивыми стихами, третьи – намёками на нечестно обретённые в недавнем прошлом титулы и богатство, содержащимися в стихотворении «Моя родословная», которое распространялось в многочисленных списках. Пушкин был явно не ко двору этим гордым аристократам с виду, но рабам в душе.

Оправившись после новой болезни к концу декабря, Жорж Дантес продолжает ухаживания за Натальей Николаевной Пушкиной, привлекая всеобщее внимание. Возможно, через Трубецкого ему стало известно об обещании Пушкина царю не драться на дуэли. Обвенчавшись 10 января 1837 года с Екатериной Гончаровой, которая полностью приняла его сторону, Дантес не меняет своего поведения по отношению к Наталье Николаевне: приглашает на танцы, говорит ей каламбуры с двусмысленными намёками. Причём Екатерина подыгрывает Дантесу, фактически предавая приютившую её сестру. Жена Пушкина осознает, что против неё и её мужа строятся, по словам Вяземского, «адские козни». Она уже не верит в возвышенную страсть Дантеса, но прекратить выезжать не может, ибо это только усилило бы унизительные слухи.

Обременённый многочисленной семьёй, новыми и старыми долгами, раздражённый порочащими его сплетнями и не прекращающимися преследованиями жены, Пушкин находится то в угнетённом состоянии духа, то в негодовании. Самое ужасное, что его перестают понимать друзья, а рассказать им всё поэт не может. Даже Вяземский в конце января отворачивается от него. Единственной радостью за последнее время для великого поэта стал тёплый приём 4–го тома «Современника», где была напечатана «Капитанская дочка», восхитившая многих. Несмотря на трагическое положение, Пушкин продолжает работать над журналом.

Наталья Николаевна становится жертвой грязной интриги. Идалия Полетика по сговору с Жоржем Дантесом приглашает её к себе на квартиру, которая находится в расположении Кавалергардского полка, а сама уезжает. Будучи влюблённой в Дантеса, она ревнует, конечно, но хочет, чтобы её давний любовник, добившись желаемого от жены Пушкина, успокоился наконец и уделял больше внимания ей, Идалии. Вместо троюродной сестры Наталья Николаевна застаёт на квартире своего настойчивого воздыхателя, который театрально бросается перед ней на колени, вынимает пистолет и грозит самоубийством, если она не отдастся ему. Она не знает, куда деться от таких домогательств, и начинает громко уговаривать

Дантеса. На шум вбегает малолетняя дочка Полетики. Пушкина бросается к ребёнку и, воспользовавшись этим поводом (вероятно, чтобы передать малышку няне), на ходу отказывает наглецу и быстро уезжает. Свидание длится всего несколько минут. Наталья Николаевна боится сразу рассказать о нём мужу и, видимо, делится только с сестрой Александрой и с Верой Фёдоровной Вяземской, которой очень доверяет. Дата происшествия в воспоминаниях обеих женщин, к сожалению, не названа. Наиболее вероятно, оно произошло примерно 22 января 1837 года и свидетельствует не о возвышенной любви Дантеса к Наталье Николаевне, а о банальном сексуальном домогательстве.

Очередной гадкий каламбур Дантеса на балу у Воронцовых – Дашковых 23 января 1837 года, вероятно, переполнил чашу терпения Пушкина и спровоцировал его объяснение с женой, которая не утаила правду о свидании у Идалии Полетики. Поэт бы взбешён: честь его Мадонны, его самого, всей семьи была нагло попрана. Вечером 25 января он отправил по почте письмо барону Луи Геккерну, столь правдивое и оскорбительное, что его враги уже не могли уклониться от поединка. После этого Пушкин сразу обрёл душевное равновесие. Он хотел драться, и «чем кровавее, тем лучше». «Мне нужно, чтобы моя репутация и моя честь были неприкосновенны во всех уголках России, где моё имя известно», – писал он С.Н. Карамзиной незадолго до дуэли.

Когда Луи Геккерн показал письмо поэта опытному в делах чести графу Г.А. Строганову, тот посоветовал стреляться и, вероятно, рассказал, что поэт на дуэлях никогда первым не стрелял. 26 января Пушкин получает ожидаемый вызов от Жоржа Дантеса: его приёмный отец, будучи дипломатом, не мог участвовать в дуэли. В секунданты поэт приглашает во многом по случайному стечению обстоятельств лицейского товарища Константина Данзаса. По настоянию Пушкина тот договаривается с секундантом Дантеса виконтом Огюстом Д'Аршиаком о жёстких, рассчитанных на смертельный исход условиях дуэли по недавно появившемуся кодексу графа де Шатовиллара: стреляться должны были с 10 шагов (7–8 метров) и возобновлять поединок в случае отсутствия результата.

Дуэль держалась в тайне и состоялась в 5 часов вечера 27 января на Чёрной речке за Комендантской дачей. На пути к условленному месту Данзас, видимо, лихорадочно соображал, как спасти друга и великого поэта, понимая, что остановить дуэль нельзя. Возможно, он решил смягчить условия и, заряжая пистолеты, засыпал в дуло минимальное количество пороха, чтобы уменьшить пробивную силу пули, поскольку ранение в грудь с 10 шагов означало почти неминуемую и мгновенную

смерть. В этом случае точно так же зарядил пистолеты Дантеса и Д'Аршиак, строго соблюдая дуэльный кодекс. У него не было причины желать смерти дуэлянтам: Дантес был его родственником, а Пушкина он ценил и понимал, что поэт значит для России.

Соперники начали сближаться по команде секундантов. Не доходя одного шага до барьера, Дантес выстрелил первым и ранил Пушкина в живот. Превозмогая боль, поэт всё же попросил подать ему второй пистолет взамен первого, забитого снегом при падении. Дантес встал к барьеру, загородив грудь правой рукой. Пушкин выстрелил, Дантес упал раненный, но потом выяснилось, что пуля попала в руку, лишь слегка контузив грудь. Так решение Данзаса спасло жизнь не Пушкину, а его противнику. Бог не допустил, чтобы поэт убил даже такого, в сущности, духовно ничтожного человека, как Дантес. Смертельно раненного Пушкина привезли домой в карете, заблаговременно посланной Луи Геккерном к месту дуэли. Старый верный слуга Никита Козлов внёс поэта в дом на руках.

Последовавшие за этим события хорошо известны. Прибывшие лучшие столичные врачи не скрыли от поэта, что рана смертельна: в то время перитонит, неизбежный при проникающем ранении в живот, практически не поддавался лечению. В дом приехали его ближайшие друзья, потрясённые страшным известием. Наталья Николаевна была подавлена внезапно свалившимся на неё горем, очень страдала и винила себя, хотя Пушкин повторял, что она невиновна.

Дуэль Пушкина с Дантесом. Худ. А.А. Наумов. 1885 г.

Поэт стойко переносил страшные боли, ему становилось то лучше, то хуже. Лишь однажды во время сильнейшего болевого приступа он попросил слугу принести пистолет, но потом покорно отдал его Данзасу. По ночам Пушкин старался не стонать, чтобы не беспокоить жену. Жуковский вывешивал на двери бюллетени о состоянии поэта для его многочисленных поклонников, заполнивших набережную Мойки перед домом. Пушкин велел позвать священника, исповедался и причастился. Его успокоило известие от царя, обещавшего позаботиться о семье и уплатить долги.

У поэта было время проститься с женой, детьми, друзьями. 29 января (10 февраля по новому стилю) в 14 часов 45 минут

Пушкин отошёл в вечность. Жуковского потрясло возникшее ненадолго выражение «глубокой, величественной и торжественной мысли» на лице умершего поэта. Престарелый отец Пётр Песоцкий, священник Конюшенной церкви, исповедовавший Пушкина, был тронут его мужеством и говорил потом, что сам для себя желал бы такого покаяния перед смертью, какое имел поэт.

Наталья Николаевна ещё утром 29 января не теряла надежды на выздоровление мужа, несмотря на прогнозы врачей. «Пушкин, Пушкин, ты жив?» – спросила она, бросившись к телу только что умершего поэта, всё ещё не веря в его смерть. Она была сильно потрясена и тяжко страдала. Её долго мучили сильные и крайне болезненные судороги в ногах, но на людях она старалась держаться.

Похороны Пушкина были омрачены действиями властей, боявшихся массовых выступлений. Дом наполнился жандармами, к возмущению друзей, почувствовавших слежку. Проститься с поэтом пришли тысячи человек. Расходы по похоронам взял на себя Г.А. Строганов, что принесло ему добрую репутацию.

Пушкин в гробу. Худ. А.А. Козлов. 1837(?) г.

Но, может быть, это было сделано, чтобы предупредить толки о неблаговидной роли графа и его дочери Идалии Полетики в

дуэльной истории, хотя наверняка сказать невозможно. Отпевание, назначенное на 1 февраля в приходской Исаакиевской церкви, было перенесено властями в дворцовую Конюшенную церковь. Возле неё собралось много народа. Особенно рыдал у гроба Пётр Вяземский, горько сожалевший о своём поведении перед дуэлью. 3 февраля заколоченный гроб с телом Пушкина тайно увезли из Петербурга для погребения в Святогорском монастыре. Его сопровождали давний друг поэта Александр Иванович Тургенев, почтальон, жандармский офицер и Никита Козлов. Погребение состоялось 6 февраля. Помимо сопровождавших тело присутствовали крепостные крестьяне, местное духовенство, Екатерина и Мария Осиповы, молодые дочери хозяйки Тригорского Прасковьи Александровны Осиповой – Вульф.

В 1837 году петербургский высший свет охотно обсуждал последние новости, связанные со смертью поэта. Барон Луи Геккерн покинул Россию, не удостоившись прощальной аудиенции императора, что означало для дипломата полную невозможность возвращения. Рана Дантеса скоро зажила, суд приговорил его к смертной казни, но по решению царя, действовавшего в рамках сложившейся традиции наказания дуэлянтов, он был разжалован в солдаты и навсегда выслан из России. Его участь вызывала сочувствие даже в кругу некоторых друзей Пушкина, не говоря уже о недоброжелателях поэта. Только позднее, когда открылись неизвестные ранее обстоятельства, точка зрения друзей переменилась. Окружение Дантеса, особенно А.В. Трубецкой и И.Г. Полетика, даже много лет спустя продолжало распространять ложные свидетельства, оправдывающие убийцу и порочащие поэта, его жену и Александру Николаевну Гончарову, которой приписывались близкие отношения с поэтом. Не зная истинных обстоятельств, Наталью Николаевну осуждали и те, кому память о Пушкине была дорога. Про неё распространялись грубые и бесталанные обвинительные стихи. Идалия Полетика люто ненавидела Пушкина прежде всего потому, что из – за него она навсегда разлучилась с Дантесом. Будучи уже старухой, она грозилась плюнуть на памятник великому поэту, который установили в Одессе, где она доживала свой век.

Жоржа Дантеса – Геккерна жалели напрасно. На родине ловкий француз умножил своё состояние и сумел сделать головокружительную политическую карьеру, что, впрочем, неудивительно. Став сенатором в 1850–е годы, он занимал крайне правые позиции. Недаром П.А. Вяземский в письмах называл его «человеком практическим». Екатерина Гончарова – Дантес умерла

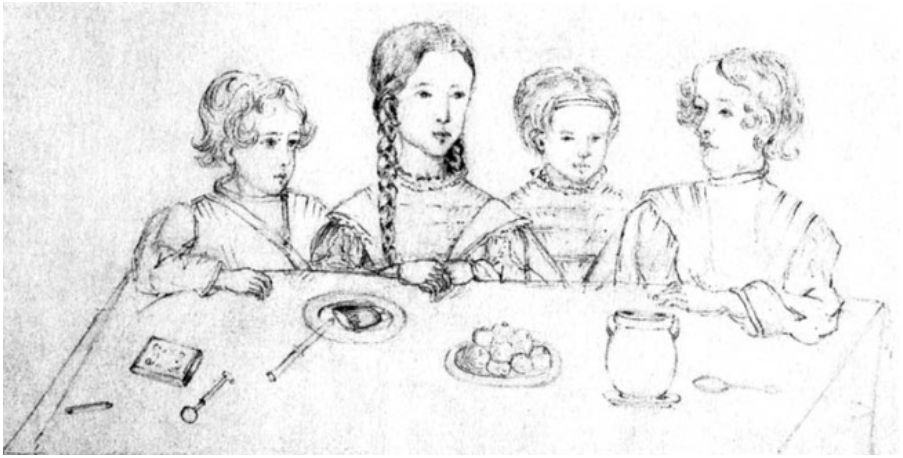
в 1843 году после четвёртых родов. Супруг пережил её на 52 года. В глубокой старости он говорил своему внуку, что из всех женщин, за которыми он ухаживал, ему не принадлежала только Н.Н. Пушкина. Пожалуй, лишь одно обстоятельство несколько омрачило благополучную после смерти жены жизнь Дантеса. Его родная дочь Леони – Шарлотта, в совершенстве изучившая русский язык, стала горячей почитательницей Пушкина и однажды бросила отцу обвинение в убийстве великого русского поэта. Рассудок чувствительной девушки не выдержал нравственной пытки, она сошла с ума и вскоре умерла.

После смерти Пушкина

Царь Николай I, как обещал, простил долг Пушкина казне в размере 43 000 рублей и приказал заплатить все его частные долги на сумму 92 500 рублей – большие деньги по тем временам, назначил пенсию его вдове 5000 рублей в год и детям по 1500 рублей, повелел издать за казённый счёт собрание сочинений в пользу вдовы и очистить имение Михайловское от долгов.

Наталья Николаевна с детьми и сестрой Александрой уехала жить в Полотняный Завод, где поселилась в отдельном флигеле. Даже в дни тяжкого горя, собираясь уезжать, она продолжала оставаться сердечной, внимательной к нуждам других женщиной, не забыла своих обещаний по отношению к ним. Она опустила на волю семью крепостного служителя Василия Калашникова, раздала друзьям и слугам некоторые вещи, подобрав самые нужные для каждого из них. Стихотворение Лермонтова «Смерть поэта», распространявшееся в списках, её очень тронуло.

Осенью 1838 года вдова поэта вернулась в Петербург, чтобы иметь возможность нанять учителей детям, которых до этого обучала с сестрой сама. В свете она долго не появлялась, в средствах была очень стеснена, а вырученные за собрание сочинений Пушкина деньги хранила для детей. Наталья Николаевна бывала иногда только на вечерах у друзей. Они нашли её очень повзрослевшей и поумневшей: в провинции она много читала и размышляла над серьёзной литературой, в том числе произведениями покойного мужа. Однажды в 1839 году у Карамзиных вдова Пушкина встретилась с Михаилом Лермонтовым, который относился к ней предвзято, как и многие. Недолгий разговор с нею, её простой сердечный тон в корне изменили мнение молодого поэта о ней.



Дети А.С. Пушкина. Слева направо: Гриша, Маша, Наташа, Саша Рис. Н.И. Фризенгоф. 1841 г.

Лето 1841 и 1842 годов Наталья Николаевна провела в Михайловском, где жилось ей трудно. Усадебное хозяйство там не велось, из – за отсутствия опыта она не могла его возобновить и еле сводила концы с концами. В 1841 году она установила на могиле Пушкина в Святогорском монастыре надгробие, заказанное в Петербурге в 1839 году.

Наталья Николаевна Пушкина
Худ. В.И. Гау. 1842 г.

Выезжать в свет вдова великого поэта начала только в 1842 году. Она была по – прежнему прекрасна, к ней не раз пытались свататься состоятельные холостяки при условии, что дети будут отданы в казённые учреждения. Всем она отказала, говоря, что тот, кому её дети в тягость, ей не муж. Она вдовствовала не два года, как велел ей Пушкин на смертном одре, а шесть с половиной лет и только в 1844 году вторично вышла замуж за Петра Петровича Ланского, командира лейб – гвардии Конного полка. Он дружил с её братом Иваном и познакомился с Натальей Николаевной, когда привёз ей от него посылку из Италии. Свадьба была скромной, присутствовали только родные и близкие. От предложения императора быть посажённым отцом Наталья Николаевна тактично уклонилась.

Будучи женой Ланского, она оставалась вдовой Пушкина, каждую пятницу (день недели, когда умер поэт) облачаясь в траур, поминая его и молясь о его упокоении. Ланской, «золотой

муж», как она его называла в письмах, относился к этому с пониманием.

Пётр Петрович отечески заботился обо всех детях Пушкина как о своих родных, стал их официальным опекуном. Саша, Гриша и Наташа сразу приняли его как отца, а расположения 12–летней Маши, хорошо помнившей Пушкина, добиться оказалось сложнее. От брака с Натальей Николаевной он имел трёх дочерей – Александру, Софью и Елизавету. В семье Ланских огромное внимание уделяли воспитанию детей, не жалели на это ни своих ограниченных денежных средств, ни времени, ни сил. Супруги постоянно заботились о трёх рано осиротевших племянниках Ланского, детях его брата Александра Петровича, о сыновьях Петра Нащокина и Ольги Павлищевой. В 1849 году Натали писала мужу: «Я очень довольна своим маленьким пансионом, им легко руководить. Я никогда не могла понять, как могут надоедать шум и шалости детей, как бы ты ни была печальна, невольно забываешь об этом, видя их счастливыми и довольными».

Пётр Петрович Ланской
Худ. В.И. Гау. 1849 г.

Порой дети и воспитанники Натальи Николаевны опасно

болели, но никто из них не умер в юном возрасте, хотя детская смертность даже в дворянских семьях тогда была очень большой. Словно высокая духовная энергия и любовь этой незаурядной женщины – мадонны оберегали детей и способствовали их выздоровлению. С любовью заботилась она и о маленьких внуках – детях дочери Натальи и старшего сына Александра от брака с Софьей Александровной Ланской, племянницей Петра Петровича.

В зрелые годы Наталья Николаевна не любила часто выезжать в большой свет, делая это только в тех случаях, когда её присутствие было обязательным. Она предпочитала общение в домашнем и дружеском кругу. Ей не была суждена долгая жизнь. Переживания, страдания и стрессы, неустанные заботы о детях и внуках, неудачный первый брак младшей дочери Натальи подтачивали её здоровье. В последние годы жизни Наталья Николаевна страдала заболеванием лёгких (вероятно, хроническим бронхитом). Скончалась она 26 ноября 1863 года в возрасте 51 года и была похоронена на Лазаревском кладбище Александро – Невской лавры в Петербурге.

Наталья Николаевна Ланская
Худ. В.И. Гау. 1849 г.

Время всё расставило на свои места. С годами личности убийцы, врагов и гонителей Пушкина, «Свободы, Гения и Славы палачей», кажутся всё мельче, несмотря на их высокое положение в обществе при жизни. И всё величественнее становится фигура Поэта, защищавшего на дуэли не только свою честь, но и честь России, которой он безраздельно принадлежал и принадлежит. Случилось так, как предсказал в своём стихотворении поэт – пророк Лермонтов. «Спадают ветхой чешуёй» и несправедливые обвинения с Натальи Николаевны. Она предстаёт перед нами уже не бездушной светской красавицей, виновной в гибели великого поэта, а его Мадонной, олицетворением поэтической красоты, женственности, супружеской и материнской любви.

Словарь терминов, устаревших и редких слов

Автограф – собственноручно записанное автором сочинение или подпись.

Аккомпанемент – музыкальное сопровождение какого – либо выступления (например, вокального, танцевального, скрипичного).

Алчный – жадный, корыстолюбивый, в другом смысле – сильно желающий чего – либо.

Анаграмма – перестановка букв в слове (или в нескольких словах) в любом порядке (часто в обратном), образующая новое слово.

Аналой – высокая подставка с покатым верхом, на которую кладутся богослужебные книги или иконы.

Ангажировать – приглашать.

Античный – относящийся к древнему миру, к истории и культуре древних греков и римлян.

Аполлон (Феб) – в древнегреческой мифологии охранитель стад, света, наук и искусств, бог – врачеватель, предводитель и покровитель муз.

Аристократ – представитель высшего привилегированного слоя дворянства, знати (аристократии).

Арсенал – учреждение для хранения оружия, в переносном смысле – набор чего – либо.

Археология – историческая наука, изучающая по вещественным источникам историческое прошлое человечества.

Байка – короткий поучительный или юмористический рассказ, который может быть основан как на вымысле, так и на реальных событиях.

Бакенбарды – у мужчин часть волос на щеках, растущих вертикально по обеим сторонам лица; мода на бакенбарды появилась в Англии в конце XVIII века.

Балагур – болтливый весельчак, шутник.

Банальный – обыкновенный, ничем не примечательный.

Баркарола – народная песня венецианских гондольеров или произведение, написанное в стиле этой песни.

Беловик – чистовая запись произведения, чистовик.

Бесприданница – девушка, не имеющая приданого.

Бирюза – полудрагоценный поделочный камень голубовато – зеленоватого оттенка.

Боливар – мужская шляпа с широкими полями.

Валун – обломок горных пород размером от 10 см до 10 м в диаметре, окатанный из – за переноса водными потоками и ледниками.

Великосветский – принадлежащий высшему светскому обществу.

Венец – корона, венок, в другом значении – один ряд деревянного сруба.

Вертопрах – легкомысленный, ветреный человек.

Взятка – плата или подарок должностному лицу за содействие дающему.

Виртуальный – воображаемый, ненастоящий.

Вист – азартная карточная игра.

Воздушный театр – театр на открытом воздухе, обычно в парке.

Вокализ – небольшое музыкальное произведение для голоса без слов, исполняемое на какой – нибудь гласной (обычно на «а»).

Волость – мелкая административно – территориальная единица в России в XI–XX веках, часть уезда.

Выкидыш – преждевременное самопроизвольное прерывание беременности на раннем сроке.

Галантный – изысканно – вежливый, учтивый по отношению к женщинам.

Гардины – лёгкие полупрозрачные шторы.

Гнусный – гадкий, низкий, вызывающий отвращение.

Гравёрное искусство – один из древнейших видов ювелирной техники, предусматривающий нанесение выпуклых или углублённых изображений на поверхности металла, камня, дерева, стекла; гравёрное произведение может иметь самостоятельную ценность либо делаться с целью переноса на бумагу путём печати нанесённой краской для создания гравюры.

Грация – изящество, красота движений.

Губерния – высшая единица административного деления и местного устройства в России, оформившаяся в XVIII веке; губернское территориальное деление в 1924–1929 годах заменено делением на области и края, а позднее и округа.

Гусары – лёгкая кавалерия XV–XX веков.

Декабристы – участники российского дворянского оппозиционного движения, члены различных тайных обществ 2–й половины 1810–х – 1–й половины 1820–х годов, организовавшие антиправительственное восстание 14 декабря 1825 года и получившие название по месяцу восстания.

Декламировать – выразительно читать, произносить текст.

Дилижанс – большая карета общего пользования для перевозки пассажиров и почты.

Домогательство – причиняющее неудобство или вред поведение, нарушающее неприкосновенность частной жизни лица; упорное проявление внимания к лицу своего или противоположного пола с целью добиться близости против его желания.

Дородный – толстый, упитанный.

Достояние – ценное имущество, состояние.

Драгуны – название конницы, способной действовать также и в пешем строю.

Дрожки – лёгкая открытая четырёхколёсная рессорная повозка, как правило, на одного – двух пассажиров.

Дурнушка – некрасивая, непривлекательная девушка или женщина.

Дуэль – поединок с применением оружия, парный бой, происходящий по определённым правилам и имеющий целью восстановление чести, достоинства, а в некоторых случаях – разрешение спора.

Епитимья – добровольное исполнение христианином молитвенных правил и других благочестивых дел, предписанных священником для искупления греха.

Жеманство – манерное, наигранное поведение.

Жребий (в переносном смысле) – судьба, участь.

Золотуха – детское кожное заболевание вследствие нарушения обмена веществ у ребёнка (в современном названии – диатез).

Зубоскалить – шутить недобрым тоном, с лёгким издевательством.

Зять – муж дочери или сестры.

Извозчик – возница, кучер наёмного экипажа.

Интриги – хитрые действия с целью заставить других людей действовать в своих интересах.

Кавалергарды – особая кавалерийская часть в русской гвардии XVIII – начала XX века; исполняли обязанности телохранителей и почётной стражи во время коронаций и других торжеств, участвовали также в военных действиях и сражениях.

Каламбур – игра слов, оборот речи, шутка, основанная на комическом обыгрывании звукового сходства разнозначащих слов или словосочетаний.

Калики перехожие – паломники по святым местам, распевающие духовные песни и живущие подаянием.

Камаринская – русская народная плясовая песня шуточного характера.

Камердинер – комнатный служитель при господине.

Камергер – придворное звание старшего ранга.

Камер – юнкер – придворное звание младшего ранга.

Карикатура – юмористический рисунок, намеренно искаженное, подчеркнуто смешное изображение внешности, черт характера, манеры говорить какого – либо человека или группы людей, а также взаимоотношений между людьми.

Козни – тайные, злые и коварные умыслы, направленные против кого – нибудь, злые интриги.

Коллегия – здесь: центральный орган отраслевого управления в Российской империи.

Коллежский асессор – чин 8"го класса Табели о рангах, дававший в Российской империи право на потомственное дворянство тем, кто его не имел.

Коляска – рессорный экипаж на четырёх колёсах с поднимающимся верхом.

Конспирировать – скрывать, сохранять в тайне, засекречивать.

Конфликт – столкновение противоположных интересов, взглядов, стремлений; серьёзное разногласие, острый спор, приводящий к борьбе.

Корректно – вежливо, деликатно.

Корсары – частные лица и члены их команд, которые с разрешения верховной власти воюющего государства использовали вооружённое судно с целью захвата торговых кораблей неприятеля.

Кузен (кузина) – двоюродный брат (сестра); так могли называть и троюродных, и четвероюродных братьев и сестёр.

Кумир – изваяние языческого божества, идол; в другом значении – статуи античных богов, царей, полководцев; в переносном смысле – предмет восхищения, поклонения.

Лакей – домашний слуга при господине.

Ланита – щека.

Лацкан – отворот на грудной части верхнего застёгивающегося платья: пальто, пиджака, фрака и другой подобной одежды.

Леда – в древнегреческой мифологии жена царя Спарты, отличающаяся необыкновенной красотой, одна из возлюбленных верховного бога Зевса.

Лейб – гвардия – личная охрана монарха и почётное наименование отборных воинских частей в некоторых монархических странах; в Российской империи так именовались все гвардейские части.

Лель – бог любви в славянской мифологии.

Ловлас (Ловелас) – соблазнитель женщин, удачливый ухажёр (по имени героя романа английского писателя Ричардсона

«Кларисса Гарло»).

Любезный – предупредительный по отношению к другим, говорящий и делающий им приятное.

Майорат – неделимое имение, переходящее к старшему в роду.

Мадонна (Madonna) – сокращение итальянских слов mia donna («моя госпожа»), с давнего времени употребляется в Италии преимущественно как наименование Богоматери при упоминаниях о Ней и в молитвенных обращениях к Её помощи, а также служит для обозначения Её икон, изваяний; в этом художественном значении слово перешло в другие европейские языки.

Мадригал – небольшое хвалебное стихотворение.

Медальерное искусство – искусство изготовления монет и медалей.

Меломания – любовь к музыке, увлечение музыкой.

Менуэт – старинный изящный танец, названный так вследствие мелких па.

Метроном – устройство, которое отмеряет, отстукивает определённый ритм или ритмический рисунок.

Мефистофель – дух зла, дьявол, сатана, бес.

Муза – в древнегреческой мифологии одна из девяти богинь – покровительниц различных искусств и наук, вдохновлявших поэтов и учёных в их творчестве.

Наушничество – мелкое доносительство.

Нимб – сияние в виде диска вокруг головы.

Нимфы – в греческой мифологии второстепенные божества, олицетворяющие различные силы природы.

Новелла – повествовательный прозаический жанр, для которого характерны краткость, острый сюжет, отсутствие психологизма, неожиданная развязка.

Ностальгия – тоска по прошлому, по местам пребывания в прошлом.

Оне – устаревшая форма личного местоимения женского рода третьего лица множественного числа, которая употреблялась в отношении группы объектов лишь женского рода.

Опекунский совет – основанное в 1763 году государственное учреждение Российской империи, ведавшее среди прочего делами Ссудной кассы, выдававшей займы под залог недвижимости.

Партия (брачная) – лицо, рассматриваемое в качестве предполагаемого жениха или невесты.

Пасквиль – оскорбительное, клеветническое письмо.

Патриотизм – нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к

Отечеству и готовность подчинить его интересам свои частные интересы.

Педантство – чрезмерная точность, строгость, мелочная придирчивость в суждениях и поведении человека.

Перитонит – воспаление брюшины, тонкой оболочки, покрывающей внутренние стенки, поверхность внутренних органов брюшной полости.

Пироскаф – первоначальное название парохода.

Платонический – чисто духовный, возвышенный,

Покровитель – тот, кто оказывает кому – либо поддержку, защищает, заступается, создаёт благоприятные условия для чего – либо.

Помолвка – предварительный договор о заключении брака, обряд объявления женихом и невестой.

Попурри – музыкальное произведение (пьеса, песня, танец), составленное из популярных мотивов или частей других произведений.

Поручик – младший офицерский чин в русской армии, примерно соответствующий лейтенанту, капитан – поручик – следующий за ним чин (до 1798 года).

Предводитель дворянства – выборный представитель дворянства в губернской или уездной администрации.

Приданое невесты – имущество (вещи, деньги, недвижимость), которое родители собирают и передают дочери при выходе замуж с целью обеспечить её жизнь в семье мужа.

Проверб – короткое сценическое представление, сценка.

Просветительство – общественно – политическое течение,

представители которого стремились устранить недостатки существующего общества, изменить его нравы, политику, быт путём распространения идей добра, справедливости, научных знаний.

Протекция – влиятельная поддержка со стороны кого – либо, содействующая устройству чьих – либо дел.

Раут – торжественный званый вечер, приём.

Реликвия – бережно хранимая, почитаемая вещь, связанная с памятными событиями прошлого.

Репутация – закрепившееся мнение о человеке или группе людей.

Рогоносец – человек, которому изменяет жена.

Рок – судьба.

Ростовщик – лицо, предоставляющее денежные ссуды при условии уплаты заёмщиком очень высоких процентов.

Рысак – лошадь с резвой рысью.

Салон – литературный, художественный или политический

кружок избранных лиц, собирающихся в частном доме.

Сантиментальный (сентиментальный) – чувствительный, приторно нежный, в проявлении чувств иногда доходящий до слащавости.

Свет (светское общество) – круг лиц, принадлежащих к высшему сословию.

Святки – праздничные дни от Рождества Христова до Крещения Господня.

Свояченица – сестра жены.

Сенатор – член сената,

Сильфида – богиня воздуха.

Софизм – ложное высказывание, которое при поверхностном рассмотрении кажется правильным.

Сплетни – слухи и болтовня о ком – то или о чём – то, основанные на неточных или заведомо неверных сведениях.

Стансы – лирическое стихотворение, состоящее из обособленных строф (чаще всего четверостиший), имеющих смысловую законченность.

Статский советник – гражданский чин 5–го класса в Табели о рангах Российской империи.

Тавро – знак, которым коннозаводчик метит свою лошадь; подобно фамильному гербу, тавро переходит из рода в род и только в редких случаях изменяется.

Темперамент – совокупность душевных и психических свойств человека, характеризующая степень возбудимости и его отношение к окружающему.

Титулярный советник – гражданский чин 9–го класса Табели о рангах Российской империи, давал право на личное дворянство тем, кто его не имел.

Тур танца – обособленная часть танца.

Уезды – административно – территориальные единицы в России XV–XX веков, части губерний, которые в 1923–1929 годах преобразованы в районы.

Уланы – легковооружённая (пики, сабли, пистолеты) кавалерия в России и Европе, отличительным атрибутом формы которой был высокий четырёхугольный головной убор (уланка).

Ультрафешенебли – молодые люди самых знатных и богатых фамилий, золотая молодёжь.

Фаворит – человек, пользующийся благосклонностью правителя или влиятельного лица, получающий от него различные преимущества, деньги, подарки и, в свою очередь, имеющий на него влияние и оказывающий нужные услуги.

Фанты – игра, в которой участники выполняют шуточное задание, назначаемое по жеребьёвке.

Фат – самодовольный щеголь, пустой человек.

Флирт – манера поведения, привлекающая внимание лиц противоположного пола, кокетство.

Фортепиано – широко распространённый музыкальный клавишно – струнный инструмент, в котором звук извлекается ударом молоточка по струне; существует в двух разновидностях: рояль и пианино.

Хорунжий – офицерский чин в казачьих войсках Российского государства до 1917 года, соответствующий корнету и подпоручику.

Цензура – контроль власти за содержанием и распространением информации: печатной продукции, музыкальных и сценических произведений, произведений искусства, в некоторых случаях также частной переписки, с целью ограничения либо недопущения распространения идей и сведений, признаваемых этой властью вредными или нежелательными; цензурой называются также органы светской или духовной властей, осуществляющие такой контроль.

Чело – лоб.

Шарада – загадка, в которой загаданное слово делится на несколько частей (отдельных слов); сначала предстоит отгадать эти слова, а потом составить из них новое, более длинное; в XIX веке были распространены шарады в действии, когда по короткому представлению или картине на сцене следовало отгадать части зашифрованного слова, а потом целое слово.

Шуаны – контрреволюционные мятежники, действовавшие на северо – западе Франции в 1792–1803 годах; позднее это название было распространено на других монархистов (роялистов), принявших участие в активных выступлениях.

Элегантный – изящный, изысканный.

Эпиграмма – короткое сатирическое стихотворение, высмеивающее какое – либо лицо или какие – либо поступки.

Эпитет – слово или словосочетание, описывающее предмет, подчёркивая какое – либо его характерное свойство, качество.

Эссе – небольшое сочинение, оригинальное авторское рассуждение на актуальную тему.

Этикет – установленный порядок, совокупность правил, регламентирующих внешние проявления человеческих отношений в обществе.

Этнография – наука обо всех народах, населяющих земной шар, их традициях, обычаях, языках, истории, экономике, политике и других областях жизни.

Эфемерный – призрачный, мнимый, нереальный, в буквальном смысле – недолговечный, мимолётный.

Упоминаемые исторические лица

Александр I Павлович Романов (1777–1825), российский император в 1801–1825 годах.

Александра Фёдоровна Романова (1798–1860), российская императрица в 1825–1855 годах.

Анакреон (570–485 до н. э.), древнегреческий поэт.

Андро де Ланжерон Фёдор Александрович (1804–1885), признанный внебрачный сын А.Ф. Ланжерона, полковник, действительный тайный советник, президент Варшавы (с 1844 г.), сенатор (с 1862 г.), муж А.А. Олениной.

Арапова Александра Петровна (1845–1919), урождённая Ланская, старшая дочь Н.Н и П.П. Ланских.

Байрон Джордж Ноэль Гордон (1788–1824), лорд, великий английский поэт. *Бакунина Елизавета*

Васильевна (<1853), сестра А.В. Маркова – Виноградского.

Батюшков Константин Николаевич (1887–1855), известный поэт, знал А.С. Пушкина с детских лет поэта.

Беклешов Пётр Николаевич, псковский полицмейстер, в молодые годы – морской офицер, супруг А.И. Осиповой (Алины).

Бенкендорф Александр Христофорович (1783–1844), государственный деятель, шеф корпуса жандармов.

Берд Франц Карлович (<1865), владелец литейного завода в Петербурге.

Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864), граф, дипломат, государственный деятель, один из учредителей литературного общества «Арзамас», знал А.С. Пушкина с 1811 года.

Блудова Антонина Дмитриевна (1813–1891), фрейлина, дочь Д.Н. Блудова.

Блудова Лидия Дмитриевна (1815–1882), в браке Шевич, фрейлина, дочь Д.Н. Блудова.

Борх Иосиф Михайлович (1807–?), граф, чиновник Министерства иностранных дел.

Борх Любовь Викентьевна (<1866), графиня, урождённая Голынская, жена И.М. Борха, родственница Н.Н. Пушкиной.

Брюллов Александр Павлович (1798–1877), художник, старший брат К.П. Брюллова.

Брюллов Карл Павлович (1799–1852), великий русский художник.

Булгаков Александр Яковлевич (1781–1863), чиновник по особым поручениям при московском генерал – губернаторе, в 1832–1856 годах – московский почт – директор.

Бутурлин Михаил Петрович (1786–1860), генерал –

лейтенант, нижегородский губернатор в 1831–1841 годах. *Быков Николай Дмитриевич* (1812–1884), петербургский коллекционер, почётный член Академии художеств (с 1870 г.), в молодые годы гувернёр Академии художеств.

Вельтман Александр Фомич (1800–1870), писатель, археолог.

Вельяшева Екатерина Васильевна (1813–1865), в замужестве Жандр, племянница П.А. Осиповой, встречалась с А.С. Пушкиным в г. Старице и тверских имениях Вульфов, ей посвящено стихотворение «Подъезжая под Ижоры…».

Верстовский Алексей Николаевич (1799–1862), композитор, музыкант.

Виельгорский Матвей Юрьевич (1794–1866), граф, один из учредителей Императорского русского музыкального общества, искусный виолончелист, автор нескольких пьес для струнных инструментов.

Виланд Христоф Мартин (1733–1813), выдающийся немецкий поэт. *Вильгельм I* (1797–1888), наследный принц Пруссии, король Пруссии с 1861 года, германский император с 1871 г.

Вильгельм I Фридерик (1772–1843), король Нидерландов в 1815–1840 годах.

Волконская Зинаида Александровна (1872–1862), княгиня, урождённая княжна Белосельская – Белозёрская, хозяйка литературно – музыкального салона в Москве.

Волконская Мария Николаевна (1807–1863), урождённая Раевская, жена декабриста С.Г. Волконского, последовавшая за ним в Сибирь, предмет юношеского увлечения А.С. Пушкина.

Воронихин Андрей Никифорович (1759–1814), выдающийся русский архитектор.

Вульф Алексей Николаевич (1805–1881), сын П.А. Осиповой от первого брака, выпускник Дерптского университета, друг А.С. Пушкина.

Вульф Анна Николаевна (1799–1857), старшая дочь П.А. Осиповой, приятельница А.С. Пушкина.

Вульф Евпраксия Николаевна (1809–1883), в замужестве Вревская, средняя дочь П.А. Осиповой, приятельница А.С. Пушкина.

Вульф Иван Иванович (1776–1860), сын И.П. Вульфа, владелец имения Берново Старицкого уезда.

Вульф Иван Петрович (<1817), орловский губернатор, дед А.П. Керн.

Вульф Николай Иванович (<1813), сын И.П. Вульфа, первый муж П.А. Осиповой.

Вульф Павел Иванович (1775–1858), сын И.П. Вульфа, владелец села Павловское Старицкого уезда, участник

Отечественной войны 1812 года.

Вяземская Вера Фёдоровна (1790–1886), урождённая Гагарина, княгиня, жена П.А. Вяземского, друг А.С. Пушкина.

Вяземский Павел Петрович (1820–1888), князь, сын П.А. и В.Ф. Вяземских, впоследствии археограф, сенатор.

Вяземский Пётр Андреевич (1792–1878), князь, поэт, журналист, литературный критик, государственный деятель, друг А.С. Пушкина.

Гагарин Григорий Григорьевич (1810–1893), князь, талантливый художник – любитель.

Гампельн Карл Карлович (1794 – после 1880), известный художник.

Ганнибал Мария Алексеевна (1745–1818), бабушка А.С. Пушкина по линии матери.

Гау Владимир Иванович (1816–1895), известный художник.

Гвичьоли (Гвиччиоли) Тереза (1800–1873), урождённая графиня Гамба, возлюбленная Байрона.

Геккерн (Эккерн) де Бевервaард Луи Якоб-Теодор-Дерк-Борхард-Анн (1791–1884), барон, нидерландский дипломат, в 1826–1837 годах посланник при русском дворе, приёмный отец Жоржа Дантеса.

Глинка Фёдор Николаевич (1786–1880), государственный деятель, духовный поэт.

Гнедич Николай Иванович (1784–1833), поэт, переводчик «Илиады» Гомера, член Российской академии, был знаком с А.С. Пушкиным с 1817 года.

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), великий русский писатель, дружил с А.С. Пушкиным с 1831 года.

Годунов Борис Фёдорович (1551–1605), русский царь в 1598–1605 годах.

Голицын Дмитрий Владимирович (1771–1844), светлейший князь, государственный деятель, участник Отечественной войны 1812 года, член Госсовета, московский генерал – губернатор в 1820–1843 годах, владелец села Вязёмы в 1813–1844 годах.

Голицын Сергей Григорьевич (1803–1868), князь, поэт – любитель, композитор, имел прозвище Фирс, приятель А.С. Пушкина, рассказавший ему историю своей родственницы Н.П. Голицыной, эта история легла в основу сюжета «Пиковой дамы».

Голицына Прасковья Николаевна (1798–1884), княгиня, урождённая Матюнина, московская знакомая А.С. Пушкина.

Гонзаго Пьетро ди Готтардо (1751–1831), известный театральный художник.

Гончаров Афанасий Абрамович (1705–1784), купец – промышленник, получивший в 1844 году право на дворянство по

чину, основатель усадьбы Полотняный Завод, прапрадед Н.Н. Пушкиной.

Гончаров Афанасий Николаевич (около 1760–1832), дед Н.Н. Пушкиной, растративший состояние рода Гончаровых.

Гончаров Дмитрий Николаевич (1808–1860), старший брат Н.Н. Пушкиной, до 1835 года – чиновник МИДа, опекун имения Полотняный Завод с 1832 года.

Гончаров Иван Николаевич (1810–1881), средний брат Н.Н. Пушкиной, поручик лейб – гвардии Гусарского полка, впоследствии генерал – майор.

Гончаров Николай Афанасьевич (1788–1861), отец Н.Н. Пушкиной, тесть поэта, владелец имения Полотняный Завод, с 1820–х годов страдал душевным недугом.

Гончаров Сергей Николаевич (1815–1865), младший брат Н.Н. Пушкиной, офицер, в отставке поручик, поддерживал добрые отношения с А.С. Пушкиным.

Гончарова Александра Николаевна (1811–1891), в замужестве Фризенгоф, средняя сестра Н.Н. Пушкиной.

Гончарова Екатерина Андреевна (1744–1816), урождённая Сенявина, во втором браке Новосильцева, прабабушка и крёстная Н.Н. Пушкиной.

Гончарова Екатерина Николаевна (1809–1843), в замужестве Дантес де Геккерн, старшая сестра Н.Н. Пушкиной.

Гончарова Наталья Ивановна (1785–1848), урождённая Загряжская, мать Н.Н. Пушкиной.

Гончарова Надежда Платоновна (1765–1835), урождённая Мусина – Пушкина, жена А.Н. Гончарова, бабушка Н.Н. Пушкиной.

Грибоедов Александр Сергеевич (1790–1829), писатель, дипломат, убит в Персии, был знаком с А.С. Пушкиным с 1817 года.

Давыдов В., скорее всего, Владимир Петрович (1809–1856), граф (с 1856 г.), в молодости поклонник Н.Н. Пушкиной.

Данзас Константин Карлович (1801–1870), подполковник сапёрного батальона в 1836 году, лицейский друг и секундант А.С. Пушкина в дуэли с Ж.—Ш. Дантесом.

Дантес де Геккерн Жорж – Шарль (1812–1895), барон, поручик Кавалергардского полка, смертельно ранил А.С. Пушкина на дуэли 27 января 1837 года, после высылки из России получил известность во Франции как политический деятель (сенатор во второй половине XIX века) и бизнесмен.

Дантес де Геккерн Леони – Шарлотта (1840–1888), баронесса, младшая дочь Ж.—Ш. Дантеса де Геккерна.

Д'Аршиак Огюст (1811–1848), секретарь французского

посольства в Петербурге, секундант Ж.—Ш. Дантеса в дуэли с А.С. Пушкиным.

Дельвиг Антон Антонович (1798–1831), поэт, издатель, лицейский однокашник и близкий друг Пушкина.

Дельвиг Софья Михайловна (1806–1888), урождённая Салтыкова, жена А.А. Дельвига.

Демут Филипп – Якоб (1750–1802), владелец гостиницы в Петербурге, которую унаследовала его дочь Елизавета Филипповна (1781–1837).

Дорошенко Пётр Дорофеевич (1627–1698), гетман Правобережной Украины в 1665–1676 годах, предок Н.Н. Пушкиной по прямой материнской линии.

Долгоруков Александр Иванович (1793–1868), князь, участник Отечественной войны 1812 года, корнет, коллежский асессор, писатель.

Доу (Дау) Джорж (1781–1829), выдающийся английский художник – портретист, автор галереи портретов героев Отечественной войны 1812 года в Зимнем дворце в Санкт – Петербурге.

Екатерина II (Великая) Алексеевна Романова (1729–1796), русская императрица в 1762–1796 годах.

Елизавета Алексеевна Романова (1775–1826), урождённая Луиза Мария Августа Баденская, русская императрица в 1801–1825 годах, жена императора Александра I.

Еропкина Надежда Михайловна (1808–1895), двоюродная сестра П.В. Нащокина, подруга Н.Н. Пушкиной.

Жуковский Василий Андреевич (1793–1852), выдающийся русский поэт, критик, переводчик, близкий друг А.С. Пушкина.

Загряжская Александра Степановна (1754–1800), урождённая Алексеева, супруга И.А. Загряжского.

Загряжская Екатерина Ивановна (1779–1842), фрейлина, тётка Н.Н. Пушкиной по материнской линии.

Загряжская Екатерина Александровна (1720–?), урождённая Дорошенко, жена А.А. Загряжского, прабабушка Н.Н. Пушкиной.

Загряжская Софья Ивановна (1778–1851), в замужестве графиня де Местр, сестра Н.И. Гончаровой, дочь И.А. Загряжского.

Загряжский Александр Артемьевич (1716–1786), генерал – поручик, прадед Н.Н. Пушкиной по материнской линии.

Загряжский Александр Иванович (1772–1812), сын И.А. Загряжского, дядя и крёстный Н.Н. Пушкиной.

Загряжский Иван Александрович (1749–1807), генерал – лейтенант, дед Н.Н. Пушкиной.

Закревская Аграфена Фёдоровна (1799–1879), урождённая Толстая, графиня, предмет увлечения и адресат стихотворений

А.С. Пушкина, П.А. Вяземского и других авторов.

Иогель Пётр Андреевич (1768–1855), известный московский танцмейстер, учитель танцев в Московском университете.

Калашников Василий Михайлович (1804–1837), крепостной, находившийся в услужении Пушкиных в Санкт – Петербурге.

Калашникова Меланья Семёновна (1811–?), крепостная Н.Н. Пушкиной, жена В.М. Калашникова.

Карамзин Николай Михайлович (1766–1826), историк, писатель, автор «Истории Государства Российского».

Карамзина Екатерина Андреевна (1780–1851), урождённая Колыванова, сестра П.А. Вяземского, жена Н.М. Карамзина, друг А.С. Пушкина.

Карамзина Софья Николаевна (1802–1856), фрейлина, дочь Н.М. Карамзина.

Керн Александра Ермолаевна (1821–1834 или 1835), дочь А.П. Керн, училась в Смольном институте благородных девиц.

Керн Анна Петровна (1800–1879), урождённая Полторацкая, во втором браке Маркова – Виноградская, племянница П.А. Осиповой и Е.М. Олениной, двоюродная сестра А.А. Олениной, приятельница А.С. Пушкина, вдохновительница стихотворения «Я помню чудное мгновенье…».

Керн Екатерина Ермолаевна (1818–1904), в замужестве Шокальская, старшая дочь А.П. Керн, выпускница Смольного института благородных девиц.

Керн Ермолай Фёдорович (1765–1841), генерал – лейтенант, участник наполеоновских войн, первый муж А.П. Керн.

Керн Ольга Ермолаевна (1826–1833), младшая дочь А.П. Керн.

Керн Пётр П., племянник Е.Ф. Керна.

Кирхгоф Александра Филипповна, немка, петербургская гадалка.

Кипренский Орест Адамович (1783–1836), выдающийся художник – портретист.

Киселёв Николай Дмитриевич (1802–1869), дипломат, знакомый А.С. Пушкина, брат В.Д. Полторацкой.

Киселёв Сергей Дмитриевич (1793–1851), брат Н.Д. Киселёва, полковник лейб – гвардии Егерского полка, с 1837 года – московский вице – губернатор, муж Ел. Н. Ушаковой.

Киселёв Павел Сергеевич (1831–1906), сын Ел. Н. Ушаковой и С.Д. Киселёва.

Клеопатра VII (69–30 до н. э.), последняя царица Египта из македонской династии Птолемеев, по преданию покончила жизнь самоубийством путём укуса змеи, спрятанной в корзине цветов. *Козлов Иван Иванович* (1779–1840), поэт, переводчик, в результате болезни ослеп в 1821 году. *Козлов Никита Тимофеевич*

(1778 – не ранее 1851), крепостной камердинер С.Л. Пушкина, дядька А.С. Пушкина в детстве и позднее его камердинер, был грамотным, писал стихи на темы народных сказок.

Кологривовы, московский дворянский род, родственный роду Пушкиных.

Кочубей Василий Леонтьевич (1640–1708), украинский государственный деятель.

Кочубей Виктор Павлович (1768–1834), граф, министр внутренних дел, председатель Госсовета и Комитета министров (с 1827 года), канцлер.

Краевский Александр Петрович (1801 – после 1846), чиновник.

Крылов Иван Андреевич (1769–1844), выдающийся баснописец, драматург.

Купер Джеймс Фенимор (1789–1851), известный американский писатель.

Кутайсова Прасковья Петровна (1784–1870), урождённая Лопухина, графиня.

Кутузов Михаил Илларионович (1745–1813), князь Смоленский, великий полководец, генерал – фельдмаршал.

Ламберт Ульяна Михайловна (1791–?), урождённая Деева, графиня.

Ланжерон Александр Фёдорович (1763–1831), французский эмигрант, русский военачальник эпохи наполеоновских войн, генерал от инфантерии, генерал – губернатор Новороссии и Бессарабии с 1815 по 1822 год.

Ланская Софья Александровна (1837 или 1838–1875), дочь А.П. Ланского, воспитывалась в доме Ланских вместе с детьми А.С. Пушкина, замужем за А.А. Пушкиным.

Ланской Александр Петрович (1800–1844), кавалергард, брат П.П. Ланского.

Ланской Пётр Петрович (1799–1877), генерал – лейтенант, в 1844 году женился на вдове А.С. Пушкина – Наталье Николаевне, воспитывал детей и внуков А.С. Пушкина наравне со своими родными детьми и внуками.

Лермонтов Михаил Юрьевич (1844–1841), великий русский поэт, поручик.

Лобанов – Ростовский Алексей Яковлевич (1795–1848), князь, генерал – лейтенант, предмет увлечения А.А. Олениной в 1828–1830 годах.

Львов Сергей Дмитриевич, новоторжский предводитель дворянства, отец жены П.А. Оленина – Марии Сергеевны.

Львов, скорее всего, *Иван Сергеевич* (1808–1850), сын С.Д. Львова.

Люценко Ефим Петрович (1776–1869), литератор, служащий

Лицея.

Мазепа Иван Степанович (1644–1709), гетман Украины.

Мария Фёдоровна (1789–1858), дочь А.Р. Яковлевой, няни А.С. Пушкина.

Марков – Виноградский Александр Александрович (1839–1880), сын А.П. Керн.

Марков – Виноградский Александр Васильевич (1820–1878), второй муж А.П. Керн, приходился ей троюродным братом.

Мейендорф Александр Фёдорович (1798–1865), барон, чиновник.

Мицкевич Адам (1798–1855), великий польский поэт.

Монферан Огюст Рикар (1786–1858), известный архитектор, автор проекта Исаакиевского собора в Петербурге.

Мусина – Пушкина Эмилия Карловна (1810–1846), урождённая Шернваль фон Валлен, графиня, петербургская красавица, знакомая А.С. Пушкина, П.А. Вяземского, М.Ю. Лермонтова.

Мур Томас (1779–1852), известный английский поэт.

Муравьёв – Апостол Матвей Иванович (1793–1886), подполковник, участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии, один из основателей «Союза спасения», член коренной управы «Союза благоденствия» и «Южного общества», осуждён на 20 лет каторги.

Наполеон I Бонапарт (1769–1821), французский государственный деятель, великий полководец, император Франции (с мая 1804 года по апрель 1814 года и с марта по июль 1815 года).

Нарышкин Дмитрий Львович (1764–1838), обер – егермейстер двора, супруг М.А. Нарышкиной.

Нарышкина Мария Антоновна (1779–1838), жена Д.Л. Нарышкина, фаворитка императора Александра I в 1801–1814 годах.

Нащокин Павел Воинович (1801–1854), воспитанник Благородного пансиона при Царскосельском лицее (однокашник Л.С. Пушкина), служил в кавалерии, вышел в отставку в 1823 году в чине поручика, близкий друг А.С. Пушкина.

Николай I Павлович Романов (1796–1855), российский император в 1825–1855 годах.

Озеров Владислав Александрович (1769–1816), драматург.

Оленин Александр Алексеевич (1865–1944), композитор, внучатый племянник А.А. Олениной.

Оленин Алексей Алексеевич (1798–1855), младший сын А.Н. Оленина, выпускник Пажеского корпуса, впоследствии действительный тайный советник.

Оленин Алексей Николаевич (1763–1843), государственный

деятель, президент Академии художеств, директор Публичной библиотеки, член Госсовета, госсекретарь (с 1826 года), был знаком с А.С. Пушкиным с 1817 года.

Оленин Николай Алексеевич (1793–1812), старший сын А.Н. Оленина, прапорщик лейб – гвардии Семёновского полка, погиб в Бородинском сражении.

Оленин Пётр Алексеевич (1794–1768), сын А.Н. Оленина, участник Отечественной войны 1812 года, генерал – майор, талантливый художник – любитель.

Оленина Анна Алексеевна (1807–1888), младшая дочь А.Н. и Е.М. Олениных, в замужестве Андро де Ланжерон, предмет неразделённой любви А.С. Пушкина в 1828 году, вдохновительница цикла стихотворений, в числе которых «Я вас любил…».

Оленина Варвара Алексеевна (1802–1877), старшая дочь А.Н. и Е.М. Олениных.

Оленина Елизавета Марковна (1768–1838), урождённая Полторацкая, жена А.Н. Оленина, мать А.А. Олениной.

Оом Вильгельм – Адольф (<1827), дерптский предприниматель, муж А.Ф. Фурман.

Оом Ольга Николаевна (1868–1938), урождённая Сталь фон Гольстейн, внучка А.А. Олениной, в первом браке Звегинцова.

Осипова Александра (Алина) *Ивановна* (около 1805–1864), в замужестве Беклешова, падчерица П.А. Осиповой, знакомая А.С. Пушкина, вдохновительница стихотворения «Признание».

Осипова Екатерина Ивановна (1823–1909), в замужестве Фок, дочь П.А. Осиповой.

Осипова Мария Ивановна (1820–1896), дочь П.А. Осиповой.

Осипова Прасковья Александровна (1781–1859), урождённая Вындомская, в первом браке Вульф, помещица сёл Тригорское и Малинники, друг А.С. Пушкина, адресат его стихов.

Охотников Алексей Яковлевич (1780–1807), штаб – ротмистр, фаворит императрицы Елизаветы Алексеевны.

Павлищев Николай Иванович (1795–1863), учёный, переводчик, сенатор, муж О.С. Пушкиной.

Перуджино Пьетро ди Христофоро Вануччи (около 1450–1523), выдающийся итальянский живописец, учитель Рафаэля Санти.

Перовский Василий Алексеевич (1795–1857), генерал – лейтенант, в 1833–1842 годах военный губернатор Оренбурга.

Песоцкий Пётр Дмитриевич (1774 – после 1841), протоиерей, священник церкви Нерукотворного образа при Главных конюшнях, принявший предсмертную исповедь А.С. Пушкина.

Пётр I (Великий) *Алексеевич Романов* (1672–1825), с 1682 года российский царь (правил с 1689 года), с 1721 года –

император.

Плетнёв Пётр Александрович (1792–1865), поэт и критик, профессор российской словесности, ректор Петербургского университета в 1832–1849 годах, друг А.С. Пушкина.

Пименов Николай Степанович (1812–1864), известный скульптор, автор статуи «Юноша, играющий в бабки», воспетой А.С. Пушкиным.

Погодин Михаил Петрович (1800–1875), историк, писатель, журналист, редактор «Московского вестника» (1827–1830), профессор Московского университета с 1833 года, друг А.С. Пушкина.

Пожарская Дарья Евдокимовна (1799–1854), владелица ресторации и гостиницы в Торжке, автор рецепта пожарских котлет.

Полетика Александр Михайлович (1800–1854), полковник Кавалергардского полка, муж И.Г. Полетики.

Полетика Идалия Григорьевна (между 1806 и 1810–1890), побочная дочь графа Г.А. Строганова, троюродная сестра Н.Н. Пушкиной, любовница Ж.—Ш. Дантеса, называвшего её в письмах «Супругой», сыграла неблаговидную роль в роковой дуэли Пушкина.

Полторацкая Варвара Дмитриевна (1798–1859), урождённая Киселёва, тётя А.А. Олениной по мужу.

Полторацкая Екатерина Ивановна (<1832), урождённая Вульф, мать А.П. Керн.

Полторацкая Феодосия Петровна, двоюродная тётя А.П. Керн.

Полторацкий Александр Александрович (1792–1855), двоюродный брат А.П. Керн и А.А. Олениной.

Полторацкий Константин Маркович (1782–1858), генерал – лейтенант, государственный деятель, участник наполеоновских войн.

Полторацкий Марк Фёдорович (1729–1795), певец, руководитель императорской капеллы.

Полторацкий Пётр Маркович (1775 – после 1851), отец А.П. Керн, предводитель дворянства в Лубнах.

Полторацкий Сергей Дмитриевич (1803–1884), библиофил, кузен А.А. Олениной, приятель А.С. Пушкина.

Поссе Ульрика Эуфрозина (1761 – около 1790), урождённая Липхарт, вторая жена И.А. Загряжского, мать Н.И. Гончаровой, бабушка Н.Н. Пушкиной.

Потёмкина Елизавета Петровна (1796–1870–е), графиня, урождённая княжна Трубецкая.

Пугачёв Емельян Иванович (1742–1775), донской казак, предводитель Крестьянской войны 1773–1775 годов.

Пушкин Александр Александрович (1833–1914), старший сын А.С. Пушкина, впоследствии генерал – лейтенант, тайный советник.

Пушкин Александр Петрович (<1725), прадед А.С. Пушкина по отцовской линии.

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), великий русский поэт.

Пушкин Василий Львович (1766–1830), дядя А.С. Пушкина, поэт, баснописец.

Пушкин Григорий Александрович (1835–1905), младший сын А.С. Пушкина, статский советник, владелец сельца Михайловское Псковской губернии.

Пушкин Лев Александрович (1723–1790), дед А.С. Пушкина, полковник артиллерии, владелец села Большое Болдино Нижегородской губернии.

Пушкин Лев Сергеевич (1805–1852), брат А.С. Пушкина, капитан Нижегородского и Финляндского драгунских полков, служил в Министерстве внутренних дел, в Одесской портовой таможне; А.С. Пушкин любил и опекал его.

Пушкин Сергей Львович (1767–1848), отец А.С. Пушкина, капитан – поручик Егерского полка до 1797 года, в 1802–1814 годах служил в Комиссариатской комиссии в Москве, затем до 1817 года в Варшаве, статский советник, увлекался литературой, театром, писал стихи.

Пушкина Мария Александровна (1832–1919), старшая дочь А.С. Пушкина, в замужестве Гартунг.

Пушкина Надежда Осиповна (1775–1836), урождённая Ганнибал, мать А.С. Пушкина, жена и троюродная племянница С.Л. Пушкина.

Пушкина Наталья Александровна (1836–1913), младшая дочь А.С. Пушкина, в первом браке Дубельт, во втором браке графиня Меренберг.

Пушкина Наталья Николаевна (1812–1863), урождённая Гончарова, жена А.С. Пушкина, во втором браке Ланская.

Пушкина Ольга Сергеевна (1797–1868), в замужестве Павлищева, старшая сестра А.С. Пушкина.

Рафаэль Санти (1483–1520), великий итальянский художник.

Репнин (Репнин – Волконский) *Николай Григорьевич* (1778–1845), участник Отечественной войны 1812 года, генерал от кавалерии, член Госсовета.

Римские – Корсаковы: Мария Ивановна (1764 или 1765–1832) и её дети: Григорий и Сергей Александровичи, Екатерина и Софья Александровны, представители дворянского рода, знакомые А.С. Пушкина, в доме которых поэт бывал в Москве.

Родзянко Аркадий Гаврилович (1793–1846), украинский поэт, отставной капитан, приятель А.С. Пушкина с 1818 или 1819 года.

Рокотов Иван Матвеевич (1782 – не ранее 1840), псковский помещик.

Россет Александра Осиповна (1809–1882), в замужестве Смирнова, фрейлина, приятельница А.С. Пушкина.

Слёнин Иван Васильевич (1789–1836), петербургский книгопродавец и издатель, издававший и продававший в числе других произведения А.С. Пушкина.

Собаньская Каролина Адамовна (1794–1885), урождённая графиня Ржевуская, дочь киевского губернского предводителя дворянства, адресат стихотворения Пушкина «Что в имени тебе моём?».

Соллогуб Владимир Александрович (1813–1882), писатель, с 1835 года чиновник особых поручений в Министерстве иностранных дел, знакомый А.С. Пушкина и его секундант в несостоявшейся дуэли с Ж.—Ш. Дантесом в ноябре 1836 года.

Солнцев Фёдор Григорьевич (1801–1892), известный художник, археолог.

Строганов Александр Григорьевич (1795–1891), граф, генерал – адъютант, троюродный брат Н.Н. Пушкиной, впоследствии член Госсовета (с 1849 года).

Строганов Григорий Александрович (1770–1857), граф, дипломат, член Госсовета (с 1827 года), двоюродный дядя Н.Н. Пушкиной.

Строганова Наталья Викторовна (1800–1854), урождённая Кочубей, жена А.Г. Строганова, предмет лицейского увлечения А.С. Пушкина.

Сушкова Софья Николаевна (1800–1848), дочь сенатора и литератора Н.М. Сушкова (1747–1814), в замужестве Панчулидзева, с её именем связывают запись «Ранняя любовь» в плане автобиографии А.С. Пушкина и стихи «Подруга возраста златого…» в «Послании к Юдину» (1815).

Толстой Лев Николаевич (1828–1910), граф, великий русский писатель.

Толстой Пётр Степанович, граф, двоюродный брат Е.П. Яньковой.

Толстой Сергей Васильевич (1785 – не позднее 1839), граф, композитор – любитель.

Толстой Фёдор Иванович (1782–1846), граф, отставной гвардейский офицер, дуэлянт и карточный игрок, имел прозвище Американец; его отношения с А.С. Пушкиным были приятельскими, за исключением 1822–1826 годов, когда Пушкин намеревался вызвать его на дуэль за распространение

оскорбительных сплетен, инцидент был урегулирован.

Тон Константин Андреевич (1794–1881), выдающийся архитектор.

Трубецкой Александр Васильевич (1813–1889), князь, штаб – ротмистр Кавалергардского полка, впоследствии генерал – майор.

Тургенев Александр Иванович (1784–1845), российский государственный деятель, историк, литератор, директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий (в 1810–1824 годах), сыграл значительную роль в жизни А.С. Пушкина, начиная от содействия в приёме в Царскосельский лицей до последних дней жизни и погребения поэта в Успенском Святогорском монастыре.

Тэн Виктор Викторович, писатель, старший преподаватель Санкт – Петербургского университета, кандидат философских наук.

Уваров Сергей Семёнович (1786–1855), президент Российской Академии, министр народного просвещения с 1834 года, председатель Главного управления цензуры.

Ушакова Екатерина Николаевна (1809–1872), в замужестве Наумова, старшая сестра Ел. Н. Ушаковой, московская знакомая и предмет серьёзного увлечения А.С. Пушкина в конце 1826 года в 1827 году, адресат его стихотворений.

Ушакова Елизавета Николаевна (1810–1872), в замужестве Киселёва, младшая сестра Ек. Н. Ушаковой, приятельница и адресат лирики А.С. Пушкина.

Фикельмон Дарья Фёдоровна (1804–1863), урождённая княжна Тизенгаузен, графиня, внучка М.И. Кутузова, жена австрийского посланника Шарля – Луи Фикельмона, друг А.С. Пушкина.

Фикельмон Шарль – Луи (1777–1857), граф, в 1829–1839 годах – австрийский посол в Петербурге, литератор.

Фурман Анна Фёдоровна (1791–1850), в замужестве Оом, родственница и воспитанница Е.М. и А.Н. Олениных, впоследствии преподавательница различных женских учебных заведений в Санкт – Петербурге, главная надзирательница Сиротского института.

Хитрово Елизавета Михайловна (1783–1839), дочь М.И. Кутузова, в первом браке Тизенгаузен, хозяйка литературного салона, друг А.С. Пушкина.

Хлюстин Семён Семёнович (1810–1844), племянник Ф.И. Толстого, отставной поручик, в 1834 году – чиновник особых поручений при Министерстве иностранных дел, член – сотрудник Общества любителей русской словесности при Московском университете.

Цявловская Татьяна Григорьевна (1897–1978), литературовед.

Цявловский Мстислав Александрович (1883–1947), литературовед.

Чаадаев Пётр Яковлевич (1794–1856), писатель, философ, ротмистр в отставке, был знаком с А.С. Пушкиным с 1816 года.

Чечурин Алексей Петрович (1809–?), казак, в 1828 году хорунжий, участник Русско – турецкой войны 1828–1829 годов.

Шатовиллар, граф, автор дуэльного кодекса 1836 года.

Штерич Евгений Петрович (1809–1833), камер – юнкер.

Щёголев Павел Елисеевич (1877–1931), литературовед.

Эльмпт Мария Филипповна (между 1899 и 1810–1853), графиня, фрейлина, подруга А.А. Олениной.

Языков Николай Михайлович (1803–1846), поэт, друг А.С. Пушкина.

Яковлева Арина Родионовна (1758–1828), в замужестве Матвеева, крепостная М.А. Ганнибал, в 1799 году получившая вольную, няня и кормилица О.С. Пушкиной, няня Л.С. Пушкина и после 1805 года А.С. Пушкина.

Янькова Аграфена Дмитриевна (1794–1865), в замужестве Благово, дочь Е.П. Яньковой.

Янькова Елизавета Петровна (1768–1861), урождённая Римская – Корсакова, дальняя родственница Пушкиных.

Упоминаемые географические названия

Адмиралтейская часть, местность в центре Санкт – Петербурга в районе Адмиралтейства.

Австрия, государство в центре Европы, в 1804–1867 годах – Австрийская империя.

Бельгия, государство в Северо – Западной Европе, получившее независимость от Нидерландов в 1830 году.

Берново, усадьба Вульфов в Старицком уезде Тверской губернии, ныне музей – заповедник А.С. Пушкина в составе Тверского объединённого музея.

Болдино (Большое Болдино), имение и усадьба Пушкиных в Лукояновском уезде Нижегородской губернии, ныне усадьба входит в состав Государственного литературно – мемориального и природного музея – заповедника А.С. Пушкина «Болдино».

Большая Никитская, улица в центре Москвы, проходит от Манежной площади до Кудринской площади; название дано по Никитскому женскому монастырю, существовавшему в 1582–1929 годах.

Борисцево, село Новоторжского уезда Тверской губернии, ныне Торжокского района Тверской области. *Бородино*, село, близ которого 26 августа 1812 года произошло Бородинское сражение, ныне в Можайском районе Московской области.

Бронные Большая и Малая, улицы в центре Москвы на месте Бронной слободы, где жили бронники – мастера, делавшие для войск брони и холодное оружие. В настоящее время Малая Бронная тянется от Тверского бульвара до Садово – Кудринской улицы и примыкает к Большой Бронной, которая выходит на Пушкинскую площадь. *Вена*, столица и самый крупный город Австрии, культурный, экономический и политический центр.

Волынская губерния, губерния на юго – западе России, примыкавшая к австрийской границе, ныне в основном совпадает с Житомирской областью Украины, частично с Ровенской областью.

Вязёмы, имение князей Голицыных, село, ныне посёлок Большие Вязёмы в Одинцовском районе, в усадьбе в 1987 году открыт Государственный историко – литературный музей – заповедник А.С. Пушкина.

Галерная, улица в Адмиралтейской части Петербурга, названная по располагавшемуся там Галерному двору.

Гороховая, улица в центре Петербурга, идущая от

Адмиралтейского проспекта до Семёновского плаца (ныне Пионерская площадь), название получила во второй половине XVIII века по имени купца Гарраха (Горохова), имевшего там дом и лавку.

Дворцовая набережная, набережная в историческом центре Петербурга по правому берегу реки Невы, где расположены Зимний дворец, Летний сад и другие достопримечательности.

Дерпт, название г. Тарту в 1212–1893 годах, уездный центр, университетский город, второй по численности населения в нынешней Эстонии.

Екатеринослав, губернский город на реке Днепре, ныне Днепропетровск, областной центр Украины.

Ильицыно, имение Гончаровых в Зарайском уезде Рязанской губернии, ныне деревня Ильицыно Зарайского района Московской области.

Захарово, подмосковное сельцо и усадьба М.А. Ганнибал в 1804–1810 годах, ныне в Одинцовском районе Московской области, находится в составе Государственного историко – литературного музея – заповедника А.С. Пушкина.

Иртыш, река в Казахстане и России (верховье в Китае), левый приток Оби. *Каменный остров*, остров на севере Санкт – Петербурга, между Большой и Малой Невками и речкой Крестовкой, пригород (с 1920 года район) Санкт – Петербурга, в 1–й половине XIX века – центр светской жизни в тёплое время года.

Кариан, село в Тверской губернии, имение Загряжских; ныне усадьба находится в посёлке Знаменка Знаменского района Тамбовской области.

Карпин пруд, округлый пруд в Летнем саду в Санкт – Петербурге.

Карс, исторический город в Турции, в 928–931 годах являлся столицей Армении, затем был в составе Византии, Грузии, в XVI веке захвачен Турцией; во время русско – турецких войн крепость Карс стала одним из главных объектов борьбы на кавказском театре военных действий, в 1807 году русские войска безуспешно штурмовали Карс, в 1828 году город был впервые взят штурмом, повторно взят в 1855 и в 1877 годах; в 1878–1917 годах находился в составе России, в 1920 году отошёл к Турции.

Казань, крупный город на берегу Волги, порт, один из крупнейших экономических, политических, научных, образовательных, культурных и спортивных центров, в 1708–1920 годах – административный центр Казанской губернии, с 1920 года – столица Татарстана.

Кистенёво, сельцо в Сергачском уезде Нижегородской

области, владение А.С. Пушкина в 1830–1837 годах, составлявшее одно имение с селом Болдино.

Корец, исторический город в Ровенской области Украины на берегу реки Корчик, административный центр Корецкого района; в городе расположен Корецкий Свято – Троицкий женский монастырь, основанный в 1620 году.

Кронштадт, город – порт, расположенный на острове Котлине, прилегающих к нему более мелких островах Финского залива и дамбе, морская крепость с начала XVIII века, современная база Балтийского флота.

Кучане, озеро в Псковской области, через которое протекает река Сороть, недалеко от сельца Михайловское, на берегу расположена усадьба Петровское.

Летний сад, парк в центре Санкт – Петербурга, заложенный Петром I у места вытекания реки Фонтанки из Невы.

Литейная часть, местность в Петербурге в районе Литейного проспекта.

Лубны, исторический город (первое упоминание – 988 год), уездный центр Полтавской губернии, ныне районный центр Полтавской области Украины.

Малинники, деревня в Старицком уезде на реке Тьме, в 8 км от села Берново, в первой половине XIX века – имение П.А. Осиповой, впоследствии принадлежало её потомкам Вульфам и Панафидиным.

Митино, деревня в 3 км к северу от Торжка, бывшее имение Львовых.

Михайловское, сельцо, родовое имение Ганнибалов в Псковской губернии, ныне в Пушкиногорском районе Псковской области, находится в составе Государственного мемориального историко – литературного и природно – ландшафтного музея – заповедника А.С. Пушкина «Михайловское».

Мойка, река в историческом центре Санкт – Петербурга, в устной и письменной речи Мойкой сокращённо называли также набережную этой реки.

Москва, Первопрестольная (до 1712 года) и современная столица России (с 1918 года), самый крупный город Российской Федерации.

Моховая, историческая улица в центре Санкт – Петербурга (тянется от современной улицы Чайковского до улицы Белинского), сравнимая по значимости с Невским проспектом, улица с таким названием есть также в Москве (название происходит от слова «мох», который продавался в торговых рядах для заделки щелей в избах).

Нева, река в Санкт – Петербурге и Ленинградской области,

вытекает из Ладожского озера и впадает в Финский залив Балтийского моря.

Невский проспект, главная улица Санкт – Петербурга, связывающая Дворцовую площадь с площадью Александра Невского и имеющая протяжённость 4,5 км.

Нескучный сад, парк в Москве, на правом берегу Москвы – реки (ныне рядом с Центральным парком культуры и отдыха), известен с XVIII века.

Нидерланды (Голландия), государство в Северо – Западной Европе, в первой половине века – королевство, с 1848 года – парламентская конституционная монархия, из состава Нидерландов выделились Бельгия в 1830 году и Люксембург в 1890 году.

Нижегородская губерния, административно – территориальная единица России, существовавшая в 1714–1929 годах, ныне в основном совпадает по территории с Нижегородской областью.

Нижний Новгород, крупный город в Поволжье, промышленный и культурный центр России, административный центр Нижегородской губернии и Нижегородской области, в 1932–1990 годах носил название Горький.

Оренбург, город на юге Урала в России, административный центр Оренбургской губернии, с декабря 1934 года – Оренбургской области.

Охта, местность в восточной части Санкт – Петербурга, на правом берегу Невы; рекой Охта делится на Большую Охту (на севере) и Малую Охту (на юге).

Павловское, бывшее имение Вульфов в Старицком уезде Тверской губернии, расположено в 3 км к западу от села Берново на правом берегу реки Тьмы, усадьба названа по имени её владельца Павла Ивановича Вульфа, в доме которого останавливался А.С. Пушкин (дом не сохранился).

Пантелеимоновская, улица в Санкт – Петербурге, идущая от набережной реки Фонтанки до Преображенской площади; название получила по Пантелеимоновской церкви, с 1923 года – улица Пестеля.

Пенза, губернский город (с 1796 года) Российской империи, расположенный на Приволжской возвышенности в центре европейской части России, ныне административный, экономический и культурный центр Пензенской области.

Полотняный Завод, посёлок городского типа в Калужской области на реке Суходрев, бывшее имение Гончаровых, основавших здесь парусно – полотняное и бумажное производство, построивших усадьбу, где ныне располагается Мемориальный историко – архитектурный и природный музей –

усадьба «Полотняный Завод».

Полтава, исторический город на Украине, на реке Ворксле, в Приднепровской низменности, близ которого в 1709 году произошла Полтавская битва, губернский центр Российской империи, ныне областной центр Украины.

Пресня, исторический район в западной части Москвы, получивший название от одноимённой реки.

Прилутино, бывшая усадьба Олениных в 17 км от Санкт – Петербурга, ныне микрорайон Всеволожска, построена в конце XVIII – начале XIX века, сохранившийся пейзажный парк и строения входят в состав Литературно – художественного музея – усадьбы «Приютино».

Прутня, погост (с XIV века) близ Торжка, где на кладбище при Воскресенской церкви похоронена А.П. Керн (Маркова – Виноградская).

Псков, исторический город на северо – западе России, административный центр Псковской губернии (ныне области).

Рига, исторический город и столица Латвии, в 1796–1917 годах административный центр Лифляндской губернии России.

Савкино, древнее городище и небольшая деревня на берегу реки Сороть в 1 км от сельца Михайловское, городище входит в состав Государственного мемориального историко – литературного и природно – ландшафтного музея – заповедника А.С. Пушкина «Михайловское».

Санкт – Петербург, исторический город на северо – западе России, основан в 1703 году императором Петром I, с 1712 по 1918 год – столица Российской империи, именовался Петроградом (1914–1924 гг.), Ленинградом (1924–1991), ныне центр Ленинградской области, второй по населению и значению город Российской Федерации.

Святые Горы, отроги Валдайской возвышенности, в 150 км от Пскова и 4 км от сельца Михайловское, стали широко известны после основания во второй половине XVI века на одном из холмов Святогорского Успенского монастыря, где похоронен А.С. Пушкин.

Сибирь, территория, занимающая большую часть Северной Азии от Урала на западе до горных хребтов Тихоокеанского водораздела на востоке и от берегов Северного Ледовитого океана на севере до холмистых степей Казахстана, Монголии и Китая на юге.

Симбирск, крупный город на берегах Волги и Свияги, губернский центр в 1796–1928 годах, с 1924 года – Ульяновск.

Сион, гора, холм, самый южный из холмов, на которых воздвигнут город Иерусалим в Палестине.

Сороть, река в Псковской области России, правый приток реки Великой.

Средняя Деражня, село в Волынской губернии, ныне в Новоград – Волынском районе Житомирской области Украины.

Старица, уездный город в Тверской губернии, ныне районный центр Тверской области России, расположен на восточной окраине Валдайской возвышенности, на реке Волге.

Суходрев, небольшая река в 20 км от Калуги, в бассейне реки Оки.

Тверь, исторический город в центре России, на реке Волге, губернский центр, ныне центр Тверской области (в 1931–1990 годах – Калинин).

Торжок, исторический город на реке Тверце, на отрогах Валдайской возвышенности, уездный центр Тверской губернии, ныне районный центр Тверской области.

Тригорское, усадьба П.А. Осиповой – Вульф в Опочецком уезде Псковской губернии, в 3 км к западу от сельца Михайловское, ныне находится в составе Государственного мемориального историко – литературного и природно – ландшафтного музея – заповедника А.С. Пушкина «Михайловское».

Финский залив, залив в восточной части Балтийского моря, омывает берега Финляндии, России и Эстонии.

Фонтанка, река в Санкт – Петербурге, протока Невской дельты, пересекающая центральную часть города, вытекает из Невы слева у Летнего сада и впадает в Большую Неву.

Царское Село, загородная императорская резиденция и город (с 1808 года) в Приневской низине в 24 км от Санкт – Петербурга, ныне город Пушкин, административно подчинённый городу Санкт – Петербургу, крупный туристический, научный, учебный и военно – промышленный центр, дворцово – парковый ансамбль входит в состав Государственного художественно – архитектурного дворцово – паркового музея – заповедника «Царское Село».

Чёрная речка, распространённое в России название рек и местностей (только в Санкт – Петербурге шесть рек носили это название), в книге имеется в виду приток Большой Невки, близ которого был смертельно ранен А.С. Пушкин (ныне рядом со станцией метро «Чёрная речка»).

Чита, город в Восточной Сибири, ныне административный центр Забайкальского края, расположен в котловине у сопок на берегу реки Читы, с 1701 года упоминается как Читинская слобода, с 1719 года – как Читинский острог, с 1821 года – селение (фактически захолустный посёлок), в 1825 году в Читу были сосланы декабристы; развитие города началось во второй

половине века и особенно ускорилось после 1897 года, когда здесь была проложена Транссибирская железнодорожная магистраль.

Яропо́лец, село близ Волоколамска, волостной центр, где находилось имение Загряжских – Гончаровых (усадьба сохранилась), ныне находится в Волоколамском районе Московской области.

Основная библиография

1. *Абрамович С.Л.* Пушкин в 1836 году. – Л.: Наука, 1985.

2. *Алексеев Д.А., Пискарев Б.А.* Тайны гибели Пушкина и Лермонтова. – М.: Руслит, 1991.

3. *Аринин В.И.* Неразгаданные тайны Пушкина. – М.: Современник, 1998.

4. *Ариштейн Л.М.* Пушкин. Непричёсанная биография. – М.: Муравей, 1998.

5. Венок Натали. – М.: Раритет, 1999.

6. *Вересаев В.В.* Загадочный Пушкин. – М.: Республика, 1996.

7. *Вересаев В.В.* Пушкин в жизни: систематический свод полных свидетельств современников: в 2 т. – СПб.: Лениздат, 1995.

8. *Вересаев В.В.* Спутники Пушкина: в 2 т. – М., 1993.

9. *Витале С., Старк В.П.* Чёрная речка. До и после: к истории дуэли Пушкина. – СПб.: Звезда, 2000.

10. *Гордин А.М.* Пушкин в Псковском крае. – Л.: Лениздат, 1970.

11. *Гордин А.М.* Пушкинский Петербург. – СПб.: Художник РСФСР, 1991.

12. *Губер П.К.* Донжуанский список Пушкина. – Харьков: Дельта, 1993.

13. Дневник Annette. Анна Алексеевна Оленина. – М.: Фонд им. И.Д. Сытина, 1994.

14. Дома у Пушкина // Росс. ж. искусств. – СПб.: Арсис, 1994. (темат. вып. 1).

15. *Есипов В.* Царственное слово. – М.: Сампо, 1988.

16. *Жуйкова Р.Г.* Портретные рисунки Пушкина. Каталог атрибуций. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996.

17. *Карцелли Л.Ф.* Мир Пушкина в его рисунках: в 2 кн. – 2–е изд., перераб. и доп. – М.: Московский рабочий, 1988.

18. *Керн* (Маркова – Виноградская) *А.П.* Воспоминания. Дневники. Переписка – М.: Правда, 1989.

19. *Краваль Л.А.* Рисунки Пушкина как графический дневник. – М.: Наследие, 1997.

20. *Крамер В.В.* С.Д. Полторацкий в борьбе за наследие Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1967–1968. – Л.: Наука, 1970. С. 58–75.

21. *Ласкин С.Б.* Вокруг дуэли. Документальная повесть. – СПб.: Просвещение, 1993.

22. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: в 4 т. – М.: Слово, 1999. Т. 2.

23. *Лотман Ю.М.* Пушкин. – СПб.: Искусство – СПб.: 1995.

24. Московская изобразительная Пушкиниана. – М.: Искусство, 1991.

25. *Ободовская И.М., Дементьев М.А.* Вокруг Пушкина: Неизвестные письма Н.Н. Пушкиной и её сестёр Е.Н. и А.Н. Гончаровых / Вступ. ст. Д. Благого. – М.: ТЕРРА, 1999.

26. *Оленина А.А.* Дневники. Воспоминания. – СПб.: Академический проект, 1999.

27. Последний год жизни Пушкина. Переписка. Воспоминания. Дневники. – М.: Правда, 1988.

28. Приют, сияньем муз одетый. 3–е. изд. – М.: Изобразительное искусство, 1988.

29. Приютино: антология русской усадьбы. – СПб.: Пушкинский дом, 2008.

30. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. – М.—Л.: Издательство АН СССР, 1950.

31. *Пушкин А.С.*: Путь к православию. Сборник статей. – М.: Отчий дом, 1996.

32. Пушкин в воспоминаниях современников в 2 т. – СПб.: Академический проект, 1998.

33. Пушкин. Исследования и материалы. – Л.: Наука, 1983.

34. Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные рукописи. – М.—Л.: Academia, 1935.

35. Семейные предания Пушкиных. – СПб.: Пушкинский фонд, 2003.

36. *Старк В.П.* Жизнь с поэтом: Наталья Николаевна Пушкина: в 2 т. – СПб.: Вита Нова, 2006.

37. *Тимофеев Л.В.* В кругу друзей и муз. – Л.: Лениздат, 1983.

38. *Томашевский Б.В.* Пушкин. – М.—Л.: Изд. АН СССР, 1961. Кн. 2.

39. *Тэн В.В.* Последнее дело Пушкина. – СПб.: Изд. В. Тэна, 2010.

40. *Февчук Л.П.* Портреты и судьбы: из ленинградской Пушкинианы. – 2–е изд., доп. – Л.: Лениздат, 1990.

41. *Фомичёв С.А.* Графика Пушкина. – СПб.: ИРЛИ, 1993.

42. *Цявловская Т.Г.* Дневник А.А. Олениной // Пушкин: исследования и материалы. – М.—Л.: Издательство АН СССР, 1958. Т. 2. С. 247–292.

43. *Цявловская Т.Г.* Рисунки Пушкина. – М.: Искусство, 1983.

44. *Цявловский М.А.* Статьи о Пушкине. – М., 1962.

45. *Черейский Л.А.* К датировке одного стихотворения Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1973. – Л.: Наука, 1975. С. 78–80.

46. *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. – Л.: Наука, 1975.

47. *Щёголев П.Е.* Дуэль и смерть Пушкина: Исследования и материалы. – М.: Книга, 1987.

Всероссийский конкурс юных художников «Наш влюблённый Пушкин»

Открытие выставки «Наш юный Пушкин» в Нижегородском филиале музея – заповедника А.С. Пушкина «Болдино» 20 мая 2011 г.

Конкурс проходил в рамках благотворительного проекта «Наш влюблённый Пушкин», являющегося продолжением проектов прошлых лет «Наш юный Пушкин» (2010) и «Пушкинские места России» (2011), в ходе которых проиллюстрированы юными художниками и выпущены книги Елены Николаевны Егоровой «Детство Александра Пушкина» (2011) и «Волшебные места, где я живу душой» (2012).

Победители и призёры Всероссийского конкурса «Пушкинские места России» Валерия Сиделёва, Людмила Голубикина, Алёна Четырина, Анастасия и Владимир Шуховы с автором книги Е.Н. Егоровой на открытии выставки в КЭЦ г. Дзержинского 4 февраля

2012 г.

С февраля по октябрь 2012 года ребята готовили иллюстрации к новой книге этого автора «Наш влюблённый Пушкин», адресованной детям от 9 лет и взрослым.

Конкурс проведён литературным объединением «Угреша» Московской областной организации Союза писателей России, благотворительным фондом «Наш город», Межрегиональной общественной организацией «Содружество творческих сил», Государственным музеем – заповедником А.С. Пушкина «Болдино» при поддержке администрации г. Дзержинского. В конкурсе приняли участие 42 юных художника из Москвы и Московской области, Нижнего Новгорода, Чебоксар, Оренбурга, Елабуги. Они представили 125 иллюстраций, 122 из которых опубликовано в настоящей книге.

Победители и призёры конкурса:

• Главный приз по итогам работ, представленных в двух номинациях, – *Шухова Анастасия* (15 лет)

• в номинации «Графическая книжная иллюстрация»

1–е место – *Мичурина Мария* (15 лет) и *Царёва Мария* (17 лет)

2–е место – *Зимина Дарья* (13 лет)

3–е место – *Мережникова Анна* (15 лет)

• в номинации «Цветная книжная иллюстрация»

1–е место – *Шухов Владимир* (11 лет) и *Сиделёва Валерия* (13 лет)

2–е место – *Ирхина Влада* (14 лет) и *Четырина Алёна* (13 лет)

3–е место – *Сахарова Елена* (10 лет)

Специальных призов удостоены:

• *спецприз Государственного музея – заповедника А.С. Пушкина «Болдино» Ирхина Влада*;

• *спецприз Всероссийского музея А.С. Пушкина Захаренко Александра*;

• *спецприз администрации г. Дзержинского Четырина Алёна*;

• *спецприз Государственного историко – литературного музея – заповедника А.С. Пушкина Карпова Анастасия*;

• *спецпризы автора Баженова Полина, Комарова Софья*;

• *спецприз самому активному педагогу Арустамова Наталья Степановна (ДШИ «Фламинго», пос. Белоозёрский Московской области)*

Поощрительных призов удостоены *Бондарь Егор, Козлова Алёна, Локтионова Анастасия, Прокопович Владислав*. Дипломы

лауреатов получили 27 участников конкурса, похвальные грамоты – четыре юных художника, в том числе самая юная участница конкурса *Оля Михайлова* (6 лет) из подмосковного Дзержинского.

Обложку и титульные листы разделов книги украсили работы обладательницы гран – при москвички *Анастасии Шуховой*, которая победила на конкурсах нашего проекта уже в пятый раз. Она является самым юным кавалером медали «Александр Пушкин». В мае – июне 2012 года в Доме русского зарубежья (г. Москва) прошла её первая персональная выставка «В неизвестном дальнем царстве», где экспонировались иллюстрации к сказкам Юрия Рейнгардта (Бельгия) и Елены Егоровой, а также пейзажи, портреты и натюрморты.

Особо хочется отметить москвича *Владимира Шухова*, приславшего больше всех хороших рисунков. Первое место сразу в двух номинациях конкурсная комиссия присудить ему не могла, поэтому решила наградить благодарственным письмом и специальным ценным призом за самый полный комплект графических иллюстраций и виньеток.

Значительный вклад в оформление книги внесли *Мария*

Царёва, Мария Мичурина, Валерия Сиделёва, Дарья Зимина, Елена Сахарова и Анастасия Карпова, представившие на конкурс по 5–8 иллюстраций, которые опубликованы в настоящей книге.

Организаторы благодарят всех участников конкурса, педагогов, автора и наших отзывчивых попечителей, благодаря которым Всероссийский проект «Наш влюблённый Пушкин» был успешно осуществлён.

Победители и призёры конкурса «Наш влюблённый Пушкин»

Шухов Владимир
11 лет
г. Москва

Сиделёва Валерия
13 лет
г. Дзержинский

Четырина Алёна
13 лет
г. Дзержинский

Мичурина Мария
15 лет
г. Москва

Царёва Мария
17 лет
г. Нижний Новгород

Зимина Дарья
13 лет
пос. Белоозёрский
Московской обл.

Ирхина Влада
14 лет
г. Нижний Новгород

Сахарова Елена
10 лет
пос. Белоозёрский
Московской обл.

Мережникова Анна
14 лет
г. Оренбург

Юные авторы иллюстраций

На лицевой стороне переплёта:
Шухова Анастасия
На страницах текста:
Шухова Анастасия, 14–15 лет – 5, 25, 38, 67, 69, 71, 75, 93; виньетки – 122,170
Шухов Владимир, 10–11 лет – 10, 17, 32, 45, 47, 49–52, 63, 87, 89; виньетки – 11, 37, 43, 59, 70, 81, 82, 90, 91, 235
Мичурина Мария, 15 лет – 18, 29, 30, 34, 40, 53
Царёва Мария, 17 лет – 2, 3, 66, 68, 83, 243, 257
Зимина Дарья, 13 лет – 9, 16, 27, 72, 88, 91
Мережникова Анна, 15 лет – 80, 84
Локтионова Анастасия, 10 лет – 54, 64, 76
Прокопович Владислав, 11 лет – 7, 21, 22
Азямова Александра, 14 лет – 21
Антонова Анна, 13 лет – 48
Баженова Полина, 13 лет – 35
Бондарь Егор, 10 лет – 15
Галошева Анна, 14 лет – 23
Ермакова Светлана, 14 лет – 270
Есенжанова Алина, 14 лет – 36
Захаренко Александра, 15 лет – 12
Катькина Любовь, 13 лет – 78
Комарова Софья, 9 лет – 21
Кошелева Александра, 14 лет – 21
Николаева Ирина, 13 лет – 79
Петрова Полина, 14 лет – 65
Рыбакова Анна, 13 лет – 19
Сахарова Елена, 10 лет – 20, 77
Смирнова София, 13 лет – 41
Смирнова Юлия, 14 лет – 61
Терентьева Татьяна, 14 лет – 42
Яровой Даниил, 14 лет – 1

Педагоги: Антонова Н.В., Арустамова Н.С., Королёва О.П., Кострова Л.А., Лазарева А.С., Мурадова Л.Н., Нургалиев Р.Ш., Рогожин М.А., Руттер Т.Э., Чуркина Е.В.